

Я был виновен во всех грехах и проблемах в районе: в росте пьянства, наркомании, детской беспризорности, низкой успеваемости, в слабой культурно-просветительной работе, плохом состоянии требующих ремонта Домов культуры, неудовлетворительной работе с идеологическими кадрами, низких надоях молока...

Вспомнили, что приехал как-то в село Красивое на машине первого секретаря всего на два часа (по личному поручению А.А. Скачкова действительно должен был срочно съездить и разобраться в одном вопросе), вместо того чтобы приехать на автобусе и поработать с активом день-два.

Недоброжелатели приписали мне «авторство» даже тех дел, которые вообще не имели отношения ко мне и моей работе, в том числе то, что «устроил» на работу брата главным архитектором города. Он действительно был главным архитектором города и создавал массу проблем для руководителей партии и власти, так как не хотел подписывать акты приемки на сдаваемые строительными организациями объекты с недоделками и браком в работе.

После такой критики лет 20 назад меня, конечно, исключили бы из партии и посадили за антипартийную линию и развал работы, но, слава Богу, в 1988 году уже пересматривались судебные дела по сфабрикованным обвинениям и началась реабилитация лиц, подвергшихся в послевоенные годы гонениям и репрессиям.

Трудно описать словами мое состояние после всех этих волнений. Волнение – это очень мягко сказано, так как неделю до конференции и еще месяца два-три после почти не спал, терзал себя мыслями: зачем мне это все нужно? Но время лечит. И в конце концов сделал для себя вывод, что поступил правильно. Да и обком КПСС – это еще не вся партия.

Итоги районной конференции были такими, какими их задумала партия. Она не привыкла, когда ей перечат, не допускала в принципе инакомыслия. На должность секретаря по идеологии назначили женщину, которая узнала об этой

работе недели за три до этого. Как мне потом сказали, на это место должна была быть назначена только женщина, и к тому же в одном партийном органе не могло быть двух секретарей-евреев. Но я об этом и без них знал.

При обсуждении кандидатур на должность заведующего отделом пропаганды и агитации была внесена для голосования моя фамилия. Альтернативы, разумеется, не было, и ни одного возражающего при голосовании тоже не было. После того как объявили итоги голосования по утверждению меня на должность, чуть на весь зал не рассмеялся – до того был лжив и противен этот спектакль.

Партия, за многие годы своей беспредельной власти подменившая руководство народным хозяйством страны и ни за что не привыкшая нести ответственность, не могла сама себя перестроить.

В истории Биробиджана примеров такой безответственности было достаточно. В первую пятилетку освоения земель наши газеты писали: «Особая Дальневосточная армия послала на подмогу колхозникам, “на бирюфельдский фронт”, сто красноармейцев...». А вот о чем не писали: партийцы заехали на болото зимой и указали – здесь быть колхозу имени Кагановича. Колхоз за зиму построили, а летом болото растаяло...

Точно так же было и много лет спустя, во времена партийного руководства краем А.К. Черного. Выполняя постановления партии и правительства о строительстве на селе жилья, он, вместе с местной свитой проезжая по нашей территории, указывал, где строить двухквартирные жилые дома из серии крупнопанельного домостроения. Не выполнить его указания – все равно что остаться без работы. А потому делалось это подчас наспех, без изучения местных особенностей их эксплуатации. Не рассчитаны были эти дома на печное отопление. В результате фундаменты домов нередко промерзали, а иногда разваливались, так и не дождавшись новоселов.

Первый секретарь горкома партии, присланный в Биробиджан из Хабаровска и прозванный между нами «пожарником», стал главным звеньевым в Биробиджанском районе. Регулярно он соби-

рал на свои совещания руководителей предприятий и организаций города, давая указания, кому и сколько людей вывести на поля, и непременно восклицая: «У нас на полях красный пожар, всех выводить на поля, помидоры поспели». Останавливали предприятия, закрывались конторы, техникумы, училища, снимали с занятий в школах старшеклассников, и все шли убирать богатый урожай. Бесплатно.

Кто анализировал тогда в селе экономику, которая зачастую была убыточной и подгонялась под «нужные» цифры для отчета перед партийными организациями? Делалось все весьма просто и примитивно. Занижались площади высаженных культур, и, соответственно, полученный урожай делился на показанные в официальных отчетах гектары. Данные «высокой» урожайности шли «наверх» для получения наград, сводок о рекордах. Когда же пришла перестройка на село и вылезли эти проблемы, все быстро поняли, что нет больше дармовой рабочей силы, нет бесплатной техники, и нерентабельными стали у нас такие большие хозяйства. И государство в конечном счете решило избавиться от этой обузы. Но мировая практика показывает, что без дотаций и серьезной государственной поддержки сельское хозяйство не может нормально существовать. Началась болезненная реструктуризация хозяйств, приведшая к смене собственника и, соответственно, к новой организации труда, новым результатам в работе.

На другой день Скачков пригласил меня к себе: «Ты все понимаешь, поэтому я прошу тебя об одном – введи её в курс дела, а потом можешь уходить. Я понимаю, что работать ты здесь не будешь, но я ничего не мог сделать. Поверь, мне очень жаль, что так все получилось». Я не был на него в обиде. Он ничего плохого мне не сделал. Просто этот кадровый вопрос был не в его компетенции.

Точно так же в районе не смогли отстоять бывшего в резерве на должность второго секретаря заведующего организационным отделом Геннадия Петрова. За несогласие поехать в другой район его освободили от работы в назидание другим.

В партии все было расписано и разложено по полочкам: кому что можно, кому что нельзя и кому что положено. Эта система сама себя создала, и о том, чтобы её сломать, и речи быть не могло – её нужно было вырвать с корнем.

Выпустив джинна из бутылки, Горбачев и в дурном сне не мог себе представить, как развернутся события. С центробежным ускорением Союз республик свободных разлетелся по национальным квартирам. Вслед за публичным выходом из КПСС Бориса Ельцина в партии началось брожение.

Пресса не публиковала многие критические высказывания в адрес КПСС, но это было уже и необязательно. Впервые за многие десятилетия люди начали выходить из партии, не боясь преследований. В Биробиджане, наверное, первым это сделал Леонид Школьник.

Спустя несколько месяцев я написал заявление о выходе из партии из-за несогласия с её курсом и политикой и отнес вместе с партбилетом в горком КПСС. У меня молча забрали документы, а я, выйдя за дверь, облегченно вздохнул, как будто снял с себя какую-то тяжесть.

На следующий год, когда уже работал управляющим агентством «Интурист» в Биробиджане, у меня произошла встреча с одним из бывших представителей обкома КПСС. К тому времени партия, по решению Верховного Совета РСФСР, должна была передать все имущество, движимое и недвижимое, а также финансовые средства органам власти на местах.

Ко мне обратились с конкретным предложением: вложить, даже по нашим сегодняшним меркам, очень крупную сумму в валюту в конкретный проект, который прорабатывался Госкоминтуристом, – строительство новой небольшой комфортабельной гостиницы в Биробиджане.

Они знали, что уже были готовы эскизы, привязки к месту, приезжали представители министерства из Москвы обсуждать эти вопросы с правительством области. На мой вопрос к партийному функционеру о серьезности намерений

последовал ответ: все более чем серьезно, и деньги уже готовы, если все будет, как полагается, оформлено.

Но Госкоминтурист и слушать не захотел о том, чтобы поделиться с кем-то в этом проекте, а представитель обкома, видимо, нашел другое применение тем деньгам.

Немного времени спустя в прессе начали появляться статьи о партийных зарубежных счетах, о золоте партии. Рядовые члены партии этих денег не видели в глаза и не знали, что творится в высших эшелонах. Гражданам России так никто и не сказал, где, в каких банках хранятся деньги КПСС, кто ими пользуется, но, думаю, что это не сказки Шехерезады. Еще не пришло время открыть эти секреты...

ХУДЗИНОВКА – ВАЛДГЕЙМ – ДОМ В ЛЕСУ

Работа в Биробиджанском райкоме партии позволила мне ближе узнать самый знаменитый колхоз области, слава о котором разнеслась далеко за её пределы. Сколько красных знамен, орденов, медалей, правительственных грамот и других достижений было на его счету – не перечесать. Колхозникам пришлось даже создать собственный музей. За несколько десятилетий здесь собрали сотни подлинных документов, фотографий, личных вещей его основателей и целых семейных династий: Гефенов, Раков, Пеллеров, Копыловых и многих других, чьи имена связаны со становлением хозяйства, освоением земель, достижениями, о которых напоминают уже выцветшие имена на ещё сталинских грамотах. Валдгеймцы гордились своими людьми: овощеводами, картофелеводами, животноводами и, конечно, руководителями хозяйства, включая многих председателей колхоза, а также знаменитым директором школы, заслуженным учителем РСФСР Исааком Пришкольником.

История этого еврейского села уникальна, и не только потому, что здесь был самый высокий процент евреев из всех

сельских, поселковых и городских образований области, но и потому, что до сих пор, хотя уже нет колхоза и нет того процента, сюда продолжают приезжать зарубежные журналисты, писатели, чтобы встретиться с детьми и внуками первых переселенцев, узнать, чем сегодня живет Валдгейм.

Колхоз со второй половины шестидесятых годов, наравне с Биробиджаном, стал визитной карточкой области, куда направлялись многочисленные комиссии и проверяющие, корреспонденты и гости, интересующиеся как хозяйственной деятельностью, так и взглядами колхозников на жизнь с самых разных её сторон.

Основатели этого села составлявшие костяк хозяйства, стояли на защите колхозного имущества и порядка, и поэтому здесь не было разгильдяйства и беспорядка, не было голодных и нищих. Они шли впереди многих сельскохозяйственных коллективов области в социалистическом соревновании, в культурной жизни и по праву гордились своими достижениями.

Это было ещё и еврейское местечко, где не было проблем и ссор между евреями и русскими, украинцами и молдаванами на национальной почве. Атмосфера, сложившаяся в Валдгейме в 60–80-х годах, продолжает существовать в сознании людей как тот эталон, на который хочется взглянуть, чтобы оценить окружающий мир с точки зрения его истории. О нем писали и продолжают писать, разыскивая новые подробности из жизни переселенцев, как будто в них и скрыт смысл жизни.

Валдгейм – это не просто село на карте области. Это целая история переселения евреев в Биро-Биджан, наиболее удачная и реально воплощенная идея строительства новой жизни на этом клочке земли. За годы освоения области были образованы десятки сел и поселков, но только Валдгейм до сих пор притягивает к себе внимание. Создание коллективного хозяйства стало настоящим экзаменом для людей, не привыкших жить одной рабочей семьей. За короткий период времени у них произошло изменение психологии, по-

сколько индивидуальный труд, стоявший ранее на первом плане, должен был смениться на коллективный.

Коллективизация внесла сумятицу в понимание экономической политики и устоев общества. Кто-то не хотел объединяться, кто-то не понимал, что в данной ситуации один не вытянет, не справится, а где-то просто не дорабатывали ОЗЕТы, возможно, из-за отсутствия средств для оказания помощи таким хозяйствам. Валдгейм объединил людей и доказал жизнеспособность идеи коллективного труда. На протяжении многих десятилетий он являлся примером и гордостью людей, вложивших в него все свои силы и отдавших ему свою жизнь.

Если бы каких-нибудь пять лет назад меня спросили, где стояла Худзиновка, я бы даже не понял, о каком селе речь идет. Да и в Валдгейме далеко не каждый слышал его первое название. И только пару лет назад я узнал историю этого села, записанную писателем Григорием Добинным со слов одного из первых переселенцев Лейба Школьника, чей тесть Михаил Школьник стал первым председателем колхоза Валдгейм. Этот рассказ, переведенный с идиш Е. Беяевой, впервые дает нам возможность узнать мельчайшие подробности первых лет жизни «дома в лесу» – такого нового еврейского местечка в будущей автономии (дается в сокращенном виде. – И.Б.).

«...В ОЗЕТе нас проверяли и пугали: в Биробиджане плохо, там комары, тайга, дикие звери и другие трудности. Но это не помогло. Наоборот, эти страхи еще больше огня добавляли. Если они не хотят, чтобы мы ехали, значит, там что-то есть, и поэтому мы поедem. Перед отъездом провели собрание. Вновь образованный коллектив будущих земледельцев назвали “Найланд”, председателем выбрали Мишу Школьника. В октябре 1928 года мы выехали из дома. Я, скорняк, взял свою швейную машину и болванки для шапок. Столяры везли инструменты. Буняк – инструменты сапожника.

Ехали через Харьков, Пензу, Челябинск и Иркутск. По дороге к нам присоединились Мендл Дворкин из Гомеля с женой и Борис

Янкелевич, который вез лошадей на золотодобычу. Приехав в Хабаровск, переночевали на вокзале и с вещами направились в КОМЗЕТ. В переселенческом пункте нас решили отправить на лесозаготовки на Абарскую ветку с условием, что каждый будет получать 5–6 рублей в день. Это был уже заработок. У нас были здоровые ребята, и нам обязательно нужно было заработать пару рубликов, чтобы весной в Биробиджане подготовить место для жилья, вызвать наши семьи.

Но в переселенческом пункте, пообщавшись с людьми, мы услышали разные истории про Абарскую ветку от переселенцев, которые сбежали оттуда. Заработка там нет, условия проживания ужасные, каждый ворует друг у друга. Только сумасшедший туда поедет. Решили туда не ехать, лучше осушать землю, заготавливать лес и строить дома. КОМЗЕТ возражал, но мы настояли на своём. Нас послали в Хабаровск покупать лошадей. Стоили они там очень дорого: 400–500 рублей за лошадь, на которую жалко было смотреть. За такие деньги мы могли купить гораздо лучших. Получив деньги в ОЗЕТе, Миша Школьник вместе с Цимблером уехали в Сибирь за лошадьми.

Мы тем временем разделились на две группы: 5 человек уехали на 22-й километр Бирофельдской дороги строить склад, остальные – в Худзиновку, сегодняшний Валдгейм. Там уже были обработанные земельные наделы и стоял дом, где жили Песин, Жак и Цейтин, которые заготавливали лес для себя и для ОЗЕТа.

Худзиновка сразу стала причиной раздора. С одной стороны, здесь находился коллектив “Эмэс”, Гефен из коллектива «Найколхоз», который выстроил дом, но пока жил и работал в Тихонькой. Все требовали, чтобы им тоже разрешили здесь строить. С другой стороны, Рашкес из ОЗЕТа не разрешал строительство.

Согласно плану заселения Биробиджана (подразумевался весь еврейский район. – И.Б.), Худзиновки ещё не было. А так как у председателя переселенческого пункта фамилия была Худзинский, то и имя этому месту дали Худзиновка. В плане заселения на первом месте стоял Бирофельдский массив (где

намечалось создание будущего центра Биробиджанского района, то есть будущей области. – И.Б.). Однако Бирюфель отпугивал переселенцев своей отдаленностью и тяжелой дорогой, по которой невозможно было проехать. Худзиновка же находилась недалеко от Тихонькой. Это место было почти осушено и очищено от леса. Оставалось начать строить дома. «Если не дадут землю для поселения, уедем из Биробиджана», – говорили переселенцы. В конце концов все разрешилось само собой, переселенцы остались.

В начале декабря лошади прибыли из Сибири. Школьник с Цимблером выехали из Тихонькой с лошадьми в Худзиновку к вечеру. Зимой рано темнеет, а тут ещё дорогу не видно. Последние следы запорошило снегом, и вокруг чернеет лес. Как заколдованные, они ходили с лошадьми в поисках дороги, но она как будто исчезла. Бродили так, пока сил хватало, наконец поняли, что заблудились, развели огонь и остались ночевать с лошадьми посреди поля. Ранним утром среди деревьев разглядели несколько домиков Худзиновки, которая была прямо перед ними.

Заготовка леса шла полным ходом, часть оставили для себя, а за оставшуюся получили деньги в ОЗЕТе, чтобы было на что жить. В Тихонькой работал банк Кредитного товарищества, где мы получали заработанные деньги.

Тем временем начали строить дома-мазанки. В начале лета, когда земля оттаяла, копали погреба в домах, корчевали пни. Все пока жили в доме у Песина, где на сбитых двухэтажных нарах в жуткой тесноте собралось почти 30 человек. Вместе с нами там находились и русские строители, и корейцы.

В январе 1929 года перебрались в дом Гефена, который жил пока в Тихонькой. Купили корову, которая отелилась в сильные морозы. Для теленка отвели уголок в доме, отчего стало еще теснее. Весной мы купили дом у Фронкина. Наше хозяйство уже составляло: две коровы, теленок, лошади, пара собак и кошек, которых Миша Школьник подобрал по дороге, когда ехал из Сибири.

Мы уже почувствовали, как нам нужны жены. Пока рассуждали, как привезти наши семьи, произошел случай, который нам помог. Один из наших переселенцев, Осинский, сбежал в Дне-

пропетровск и рассказал, что мы умираем, что Бялистоцкий харкает кровью, Буняк и я уже, наверное, на том свете, а повар варит рыбу с жабами, не говоря уже о вшах и комарах, которые нас сжирают.

Жизнь наша не была легкой. Пекарни в селе не было, и каждый день ездили в Тихонькую или на «Красный Восток» за хлебом, который пекла крестьянка. Она же нам стирала одежду. Мы трудились вначале на лесозаготовках, а потом занялись корчевкой – занятие очень тяжелое. Хорошо, что мы ещё раньше, чем Осинский приехал, написали женам о нашей жизни, что живы-здоровы, ждем, когда они придут, и чтобы его не слушали.

6 мая 1929 года мы встречали наших жен на разъезде в Тихонькой. Когда моя жена меня увидела, она первым делом приподняла мою рубашку и стала осматривать, как я выгляжу, не похудел ли, в какой одежде хожу. Одежда была чистой. Из Сибири в это время прибыли 8 коров, которые в пути еще и отелились и прибавили нам 3 теленка. Женщины занялись хозяйством, и не было времени ворчать на нас и на быт.

За лето достроили дома, выкорчевали десять гектаров, а на части земель разбили огороды. Корчевали самым примитивным способом: веревками обвязывали деревья и тянули лямки вместе с лошадьми, одновременно отбиваясь от комаров и потому быстро выбиваясь из сил. Единственное спасение от этих насекомых – подняться на чердак дома, где мы летом и жили.

Однако радость собственного жилья оказалась не главной. Отсутствовала работа по специальности. Некоторые стали сбегать. Марголин подумал, чего ради сидеть в глуши и надирать кишки на корчевке, если он столяр, человек с профессией и может заработать на хорошую жизнь в Тихонькой. Ему не нравилось быть в коллективе. Затем уехал сапожник Буняк, он старик 55 лет. ОЗЕТ в Днепропетровске не хотел его пускать сюда. Его тоже потянуло в город за легким заработком. За ними уехали два парня из Гомеля, которые к нам присоединились по дороге: Дворкин пошел на курсы трактористов, а Янкевич подался в город грузчиком. После их ухода нас осталось 6 семей – 32 человека – и большое хозяйство. Стало тяжелее, новых кредитов не получали, выросли расходы, так как все, что мы за-

работали на корчевке, нужно было отдавать рабочим за построенные дома.

Начали возить молоко на продажу в Тихонькую. До Птичника везли на повозках, а оттуда на лодках до Тихонькой. Бира после дождей залила дороги, на телеге не проехать. Молоко продавали по 15–20 копеек за литр. Но мы дожили и до счастливого дня. Построили на улице печи, и женщины принялись выпекать хлеб. Женщины и дети принесли своим приездом много радости. Было кому приглядывать за огородом, доить корову, что-то постирать, заштопать. Даже сено для коров мы косили с удовольствием, а дров заготовили на зиму даже больше, чем было нужно.

До первого снега мы занимались корчевкой. Женщины пекли хлеб, продавая его курсантам, которые учились в нашем селе на трактористов, и парням, рядом с нами обрабатывавшим свой кусок земли и строившим жильё. К тому времени ОЗЕТ стал чинить дорогу до Худзиновки. Худо-бедно, но мы видели: что-то делается.

Наш образ жизни был коллективный. Мы вместе ели и пили. Ел даже тот, кто не хотел работать. И часто больше того, кто старался. Были семьи с большим числом рабочих, которые тяжело трудились. Были и такие, в которых было много едоков, а не тружеников. Те и другие в результате получали одинаковые трудовые. Получалось, что один трудится за другого. Как позже стали говорить, «уравниловка». Например, нас двое, я и моя жена, и мы очень тяжело работали. А когда наступила зима, у нас не оказалось даже теплой одежды. Мы были оборваны. Ни гроша за душой. На сенокосе я взял старую одежду жены и так в ней пошел работать. Ко всем несчастьям, я все-таки был скорняком, но даже копейки не было пойти и купить шапку.

Мы чувствовали, что дальше так продолжаться не может. Раньше всех возмутились сыновья Миши Школьника с братьями, которые приехали сюда с семьями. Они начали жаловаться: «Зачем нам трудиться на кого-то и ходить голодными и раздетыми, если мы можем сами корчевать или вывозить лес для ОЗЕТа и заработать лишний рубль?».

Бурчали, пока не отделились от коллектива. Среди тех, кто остался, тоже не было согласия. Конец был следующим: мы разделили наше имущество и распустили наш коллектив «Найланд». В сентябре 1929 года в Худзиновке были дома нашего коллектива «Найланд», «Найколхоз», «Эмес», «Заря Востока». Было еще 8 домов с переселенцами, которые поселились отдельно, примерно 30 семей – 80 душ.

К Октябрьскому празднику Худзиновка приобрела вид села. Праздник отметили очень весело и радостно. В тот день провели собрание и выбрали совет села. Председателем избрали Мишу Школьника. Имя селу дали Валдгейм. Новоизбранному совету записали наказ создать здесь, в Валдгейме, к весне 1930 года из всех разрозненных коллективов единый колхоз.

Услышав, что в Валдгейме собираются организовать колхоз, нам всем устроили «головную боль». Резко против колхоза выступали Песин, Жак и Цейтин, которые к тому времени имели по паре коров и лошадей. Были и такие, как Гесин, человек с деньгами, который построил конюшню на десяток лошадей, большой дом и планировал себе соорудить целую ферму. В колхоз он идти не хотел, но и кричать боялся. Большинство все же выступали за колхоз, чтобы стать там хозяевами. Поэтому вопрос поставили очень жестко: хочешь вступать в колхоз, хорошо, а нет – с наших глаз долой, вон из Валдгейма! Часть действительно ушла.

По вопросу организации колхоза к нам приезжали из Тихонькой Рашкес и агроном Фейкин. Фейкин помог составить план первой посевной в Валдгейме. 19 февраля мы взяли наших коров и лошадей и отвели их в колхоз. Мы подумывали разводить и птицу, получив в подарок из Москвы от ОЗЕТа инкубатор. Но домашнюю птицу решили пока у себя оставить и создать в колхозе отдельную птицеферму.

Вступая в колхоз, мы имели достояние коллективов, где каждый строил для себя свой мир – 50 га выкорчеванной земли и еще 30 га уже обработанной. Кроме этого, у каждого колхозника был огород, примерно на 7–8 га земли. 15 апреля 1930 года мы собрались и решили создать пасеку. Закупили 205 семей пчел и наз-

начили меня работать на ней, с условием, чтобы я построил ульи и научился ремеслу пчеловода.

К несчастью, запакowyывал пчел в ульи украинец, который не был знаком с местными климатическими условиями. Поэтому, как только весной мы открыли ульи, где зимовали пчелы, то вместо 205 семей вынули всего 145. Такого пчеловода сразу выгнали. На его место пригласили другого, а меня отправили в Спасский пчелосовхоз на курсы, и после учебы я стал вести пасеку.

Зимой 1930 года ОЗЕТ приступил к строительству больших домов. Построили сначала два четырехквартирных дома, закончили шесть небольших домов, начали строить шестиквартирные дома, клуб, детский сад, школу, больницу и баню. Соорудили коровник на 350 голов и загон для свиней, хотя их у нас почти не было. Зимой в инкубаторе вывелось много цыплят, но пробыли они у нас недолго, так как специального помещения для них не строили и не знали, как за ними ухаживать. Власти определили, что Валдгейм должен заниматься садоводством и скотоводством. Планировали построить и большую молочную ферму.

Переселенческая суета началась летом 1931 года и протянулась почти до 1934 года. Все время мы принимали переселенцев, привозили и увозили. Случалось, что ночью, когда все уже спят, присылали в Валдгейм новую партию переселенцев. А спросить, нужны ли переселенцы и для какой работы можно их использовать, – такое не практиковалось. Присылали их с женами и детьми, и всех надо было кормить. А в то время свободной земли в Валдгейме не было, ее только корчевали. Отношение к новым переселенцам со стороны руководства было плохим. Считалось нормальным привезти переселенцев в сильный дождь, сгрузить с машин и оставить на произвол судьбы. Если кто подходил по разным районам и не прижился, привозили его к нам. От такой практики пропадало желание работать.

Ко всем бедам, навалившимся на нашу голову, прибавилось еще одно несчастье – наводнение 1932 года. Ранней весной начались сильные дожди, редко когда удавался хороший день. С огромным трудом удалось засеять поля. Кругом были огромные болота. А в низких местах вообще можно было утонуть.

Луга покрылись водой. Всю траву к концу июля залила Бира. Разлилась Икура и другие речушки. Рано утром затопило Валдгейм, Тихонькую и Степной, где мы оставили посеv.

Вода поднялась слишком высоко, затопила огороды, пасеку. Из Валдгейма в Тихонькую мы ездили на лодках. Улики пчел перенесли на более высокое место. Когда пчелы прилетали и не находили своего дома, они начинали летать вокруг и искать ульи, не замечая, что под ними все покрыто водой и нужно быть осторожными. Они летали долго, пока, выбившись из сил, не падали в текущую воду. Так пропали все рабочие пчелы. Чтобы оставшиеся пчелы не погибли, мы искали сахар их подкормить.

Наступило тяжелое время. Поля затоплены, все, что выросло, пропало, нечем было кормить коров, лошадей. Мы остались без сена. Начался падеж коров. В Валдгейме и на Степном разъезде скосили все засеянные поля на сено. Чтобы прокормить скот, пришлось пригнать туда сотни коров, но оттуда вернули не живых коров, а мясо забитых полуголодных животных.

С огородов, парников, оранжерей, со всего, что было засеяно, ничего не получили. Что не было затоплено, сгнило от переувлажнения. Из переселенческого сектора приехали Столов и Баскин, обещая помочь, нам увеличили заем из трудодней. Но реально мы жили на 200 граммов хлеба в день, который получали от кооперации. Было так плохо, как никогда. К тому же стали разбегаться люди. Ночью бежали те, которые немного заработали, чтобы не делиться своим имуществом с колхозом и не платить за расходы. До зимы 1932 года Валдгейм покинула почти половина людей. Остались только те, кто трудился здесь с первого дня.

Весной 1933 года Валдгейм снова стал «обрастать мясом» в работе. Засеяли поля, огороды, ожива пасека. К тому же этот год был урожайным, с каждого посаженного пуда картофеля удалось собрать 40 пудов. Осенью колхоз по решению райкома ВКП(б) прекратил принимать переселенцев. Мы почувствовали, что те, кто в нем остался, и есть настоящие хозяева, все сразу принялись лучше работать. После этого прибыл политотдел, и с его помощью Валдгейм зажил. 20 октября 1934 года меня отозвали из колхоза в распоряжение ОЗЕТа в качестве инструктора по пчеловодству, где я и работаю по сей день».

Этот рассказ не вымысел, а реальная история, так как здесь указаны настоящие имена и фамилии первых переселенцев, вдохнувших в эту землю жизнь. Люди вышли победителями в тяжелейшей борьбе со стихией природы, дикой тайгой, отвоевывая каждый клочок земли и теряя в этой битве своё здоровье, чтобы закрепиться на нем, построить дом и дать жизнь новому поколению. Валдгеймцы были на виду у всех. Были у них взлеты и падения, но настоящая слава пришла, когда этот колхоз возглавил Владимир Израйлевич Пеллер.

Из всей когорты директоров, стоявших во главе Валдгейма, по мнению многих бывших селян, он был вне конкуренции – ветеран войны, полный кавалер орденов Солдатской Славы.

ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ, ЧЕЛОВЕК ЖИВ

К сожалению, я не был лично знаком с этим человеком. Когда же начал работу в райкоме партии, мне довелось познакомиться с семьёй его дочери – Анной и Марком Гуршпанами. Теплые отношения сохранились на многие годы, и поэтому, наверное, Анна рассказала мне об отце то, о чем ещё не писали газеты и журналы, что не пропустила бы раньше партийная цензура.

«Три друга – Владимир Пеллер, Исаак Гуршпан и Дмитрий Люлько, демобилизовавшись из армии в 1935 году, решили поехать по набору ОЗЕта в Еврейскую автономную область. Направили их в село Амурзет.

Через год Пеллера избрали председателем колхоза, а когда началась война, его призвали в действующую армию. Он прошел всю войну с первых и до последних дней. О его подвигах на войне ходили легенды.

Пеллер был еврейский богатырь – настоящий Давид, блондин с голубыми глазами, который не боялся открытой рукопашной

борьбы. В Сталинграде, где сражение велось за каждый дом, за каждую улицу, многие знали “дом Павлова”, но был и “дом Пеллера”. Обыкновенный трехэтажный дом, каких в районе тракторного завода было много».

Из воспоминаний В.И. Пеллера: «В первую ночь с шестью бойцами “зацепился” за лестничную клетку углового подъезда. Почин мы сделали удачный. Больше недели ушло на то, чтобы овладеть домом – комната за комнатой, коридор за коридором, этаж за этажом. И почти две недели удерживали трехэтажную “крепость”. Был момент, когда уже загнали немцев на третий этаж, – у обеих сторон кончились боеприпасы. Ворвавшись в комнату, увидел перед собой четырех гитлеровцев, а патронов ни у меня, ни у них нет. Схватились врукопашную».

Пеллер выбрасывал немцев из окна третьего этажа, – рассказывал потом однополчанам один из его друзей, который стал свидетелем этого боя.

К окончанию войны гвардии младший лейтенант В.И. Пеллер становится полным Кавалером орденов Солдатской Славы, что ценилось даже выше звания Героя Советского Союза.

Из воспоминаний дочери В.И. Пеллера: «С войны Пеллер привез с собой веру в то, что тяжелое время для страны наконец закончилось. Но в жизни не все так гладко складывается. Он и предположить не мог, с кем ему ещё предстоит бороться. Когда вырастили после войны первый неплохой урожай, в колхоз к Пеллеру приехал секретарь обкома партии и стал требовать сдать все зерно государству. Пеллер ему говорит, что это не его зерно, это колхозников, как он его отдаст. Из этого урожая часть отложена на семена, а часть надо будет выдать на трудодни. Тот ни в какую и слышать ничего не хочет. Выходит из конторы, идет к амбарам, берет лом и начинает срывать замок с дверей вместе со своими помощниками.

Это был беспредел власти, и Пеллер, бывший командир разведроты, понял, что он обязан и должен защитить колхозный хлеб. Все конторские работники смотрели на него как на последнюю надежду. И тогда Пеллер быстрой походкой направился к скла-

дам, где орудовал ломом у дверей секретарь обкома. Недолго думая, схватил его в охапку и перебросил через забор.

На следующий день его отстраняют от работы, затем арест и скорый суд – десять лет лагерей. Это была настоящая трагедия для семьи, для его друзей и всех, с кем он работал. Колхозники написали письмо Сталину и отправили ходоков. Ходоками пожелали поехать его лучшие друзья – Исаак и Дмитрий.

В то время в селе Бирофельд жила Лея Лишнянская – лучший овощевод области. В 1937 году она была избрана первым депутатом в Совет Национальностей от нашей автономии. Друзьям Пеллера посоветовали обратиться в первую очередь к ней, в надежде, что она поможет или подскажет, куда обратиться.

Лея Лишнянская с дочерью (рисунок И.Б.)

У дома, где жила Лишнянская, была приставлена охрана, и не так-то просто было с ней встретиться. Лея Лишнянская толком и писать не могла, поэтому секретарем у неё работала дочь. А тут как раз вечером в клубе были танцы, куда, как узнали Исаак с Дмитрием, должна прийти дочь. Исаак, конечно, сделал все,

чтобы ей понравиться, и на следующее утро друзья были у депутата на приеме. Она выслушала их и сразу продиктовала дочери письмо, где особо подчеркнула, что она берет на поруки В.И. Пеллера, героя войны, и просит его выпустить.

С этим письмом друзья приехали в тюрьму, а там Пеллер уже стоит во дворе в строю, готовый к отправке по этапу. Передают они это письмо начальнику конвоя. Пеллера выводят из строя и ведут под охраной в суд, который освобождает его под поручительство депутата Верховного Совета. Выпустить-то выпустили, но он нигде не мог устроиться на работу. Клеймо осужденного повисло на нём, хотя простые люди понимали, что Пеллер ни в чем не провинился. Власть боялась его силы и авторитета среди колхозников.

В этот раз Пеллера поддержал и помог прокормить семью его друг Леонид Брудный, талантливейший человек, фельдшер по образованию. Он делал в Амурсете в то время такие операции, что профессорам ещё надо было у него поучиться. Как говорят о таких людях, голова на месте и руки золотые. Взял он Пеллера “подснежником” – без оформления, на хозяйственные работы: чистить туалеты, убирать двор. Дал ему комнатушку в больнице, где поместилась вся наша семья, и мы жили так почти год.

Когда в области в очередной раз сменилось руководство, отца вызвали в обком и предложили возглавить к тому времени самый отсталый колхоз – «Заветы Ильича». В январе 1953 года, когда в стране продолжалась кампания, получившая название “Дело врачей”, почти в каждом крае, области искали повод раскрутить что-нибудь подобное, раскрыть очередной “еврейский заговор”. Пеллеру также попытались состряпать дело и “приклеить” еврейский шовинизм. Продолжалось это три месяца.

Утром он проводил планерку в конторе, а возле неё уже стоял черный воронок. После того как были выданы все наряды на работу, Пеллера увозили на допрос и держали там порой до утра. К планерке снова привозили в контору, так что это уже вошло в график его работы. Однажды Пеллер раздал наряды и смотрит в окно, а машины нет, уйти из конторы боится, вдруг приедут и объявят, что он сбежал. Он поднял трубку и звонит в обком партии, что случилось, почему за ним никто не едет, не везут на

очередной допрос? Ему говорят: “Ша, Пеллер, они больше не придут, врачей выпустили”.

В райкоме партии, увидев организаторские способности Пеллера, направляют его в Найфельд, в колхоз “Эмес” (“Правда”). – И.Б.). Село было тогда небольшое: восемнадцать домов, из них пять нормальных, а у остальных крыши были покрыты соломой. Все достояние колхоза – тридцать овец и несколько коров. С наступлением зимы и овцы погибли. Пастух погнал стадо на водопой. Ледяная корка после первых крепких морозов сковала берега залива. Овцы, сгрудившись, прошли несколько метров по ещё тонкому льду и провалились, только их и видели. Но через три года Пеллер поднял хозяйство, оно окрепло и расширилось.

Инструктор райкома приехал представлять В.И. Пеллера, которому поставили задачу объединить несколько сел в большой колхоз. Во время собрания люди с боязнью и нерешительностью смотрели на него, переговариваясь между собой. На этом собрании выступила моя знакомая Маруся Барановская, которая на украинском языке выпалила на одном дыхании: “Да он же, говорят, дерется и бьет людей, он же и нас бить будет”. Инструктор подталкивает в бок Пеллера и шепчет ему на ухо: “Владимир Израйлевич, да скажи ты им, что бить их не будешь”. Пеллер встает, оглядывает собравшихся колхозников и произносит свою коронную речь: “Не будете работать – буду бить!”. На том и порешили.

Люди его потом полюбили и просто обожали. Особенно после одного случая, который произошел на ферме. Был в хозяйстве бык-производитель, огромный, весом около пятисот килограммов. Когда его запускали к коровам, то у него глаза наливались кровью и даже пастухи боялись заходить в это время в загон. Как-то раз в загон, что был перед коровником, заходит доярка, а бык, непонятно каким образом, оказался незапертым в это время и тоже появляется на площадке. Его огромная голова с крутыми загнутыми рогами медленно поворачивалась из стороны в сторону, а выпученные, налитые кровью глаза выискивали и словно пытались загипнотизировать потенциальную жертву.

В этот раз быку не понравилась доярка, которая, испугавшись одного его вида, начала кричать и звать на помощь. А бык приблизился к ней и остановился в нескольких метрах, сверля её горя-

щими глазами и угрожающе наклонив голову с острыми рогами. Подруги, услышав крик и увидев эту сцену, быстро сообразили и позвонили в контору. Через минут пять появился Пеллер. Он стал между дояркой и быком, схватил его за рога и прижал к земле так, что тот и пошевелинуться не мог. Доярка убежала, а бык остался стоять, как парализованный, даже после того, как Пеллер его отпустил. С тех пор, когда отец заходил на ферму, бык, видя его, смирно стоял, стараясь даже не глядеть в его сторону.

В те годы началась политика по укрупнению хозяйств. Тогда решено было объединить Найфельд, Петровку, Русскую Поляну, Казанку, Дубовое и Надеждинское в один Надеждинский совхоз. Во главе этого огромного хозяйства, поля которого за день не объехать, первым директором стал Владимир Израйлевич.

Сельское хозяйство в те годы строилось на лозунгах, а нужны были трактора, техника, семена, удобрения и, конечно, современные технологии. Во главе страны уже стоял Н.С. Хрущев. После его поездки в Америку наше сельское хозяйство было переориентировано на выращивание кукурузы.

Область не выполняла план по посадке кукурузы. А.К. Черный – первый секретарь обкома КПСС – звонит Пеллеру и говорит: “Отчитайся ещё за 80 гектаров кукурузы, мне надо закрыть план”. Пеллер не привык заниматься очковтирательством и ответил: “У меня нет лишних восьмидесяти гектаров кукурузы, я их не сажу, как я за них отчитаюсь?”.

Черный срочно создает комиссию и направляется в район проверить, не обманывает ли его директор, а Пеллера вызывают в это время в город. Когда комиссия, перемерив поля, возвращалась в город, а Пеллер в это время ехал обратно в район, они встречаются с Черным на пароме, который ходил по Бире в районе поселка Никипелово. Черный начал его отчитывать, что он не понимает линию партии и занимает антипартийную позицию.

Пеллера этот разговор привел в ярость. Он столько вкладывает сил, не знает ни отдыха, ни покоя, чтобы укрепить не на бумаге, а на деле хозяйство, заботится о людях, а тут оскорбление за оскорблением. И он не сдержался, схватил секретаря обкома и так ему врезал, что тот не устоял и упал с парома в речку. Черный как был в одежде, так и ушел под воду, и стал тонуть. Водитель

Пеллера Володя Кузнецов начал разуваться, чтобы спасти Черного, а Пеллер кричит: "Если ты его спасешь, я тебя выгоню с работы". Но Черного все же вытащили из воды, а через двенадцать часов папа не был ни директором совхоза, ни коммунистом – никем.

Шел шестьдесят первый год. Совхоз разделили на несколько хозяйств. Директором Петровского совхоза, куда вошли Найфельд, Петровка, Русская Поляна, стал П.М. Клименков, работавший до этого секретарем парткома у Пеллера. Тогда, втихоря, чтобы, не дай бог, никто не узнал, Клименков взял Пеллера к себе управляющим первого отделения совхоза.

В это время в Валдгейме сняли за развал очередного председателя колхоза, и колхозники уже третий день собирались, чтобы выбрать нового председателя. Из района привозили и предлагали каких-то приезжих людей, но их и видеть не хотели, а спорить с колхозниками было тяжело. Они настаивали, чтобы им дали Пеллера. Наконец Черный сдался. В самом разгаре было лето, никто не работает, одни разговоры идут только о Пеллере. "Они его хотят, пусть его получают", – сказал Черный. Так в 1962 году Пеллер вернулся в Валдгейм».

В селе и за его пределами о Пеллере ходили легенды. Его крутой нрав, понятное дело, не нравился начальству, а нужды людей, их проблемы становились его личным делом. Он не был равнодушен к людскому горю. О его физической силе многие слышали, но были и те, кто видел, на что был способен Владимир Израйлевич. Володя Масленников, родившийся в этом селе, вспоминает:

«Все пацаны в Валдгейме знали местного силача Хаима Маламуда: двухметрового роста, ручищи, что ноги, одного размера в объеме. Он любил ездить на мотоцикле по прямой дороге, но, наверное, из-за большого роста и веса боялся поворачивать. Когда Хаиму надо было куда-либо свернуть, он тормозил, вставал на ноги и брал одной рукой за руль, другой за ручку на сидле, приподнимал мотоцикл между ногами и поворачивал его в нужную сторону.

Как-то раз летом мы с ребятами пошли в мастерские, где ремонтировались трактора. Маламуд с мужиками разбирал трактор С – 100 – самый мощный тогда в России. В это время в мас-

терскую заходит Пеллер, который делал обход. Маламуд вдруг решил Пеллеру показать, какой он сильный: разобранный двигатель трактора, который весил больше двухсот килограмм, приподнял и поставил на место. Пеллер молча подходит к двигателю, смотрит на него, примериваясь, как получше ухватить, и аккуратно приподнимает его, обходит с ним верстак и кладет на место. Все, кто был в этот момент в мастерских, замолчали и закрутили от удивления головами, а Хаим подошел к председателю и пожал ему руку, отдав ему пальму первенства в поднятии тяжестей».

Через четыре года колхоз «Заветы Ильича» стал лучшим хозяйством области и края. В.И. Пеллеру была вручена Звезда Героя Социалистического Труда, а ещё через четыре года он был избран депутатом Верховного Совета СССР. Валдгейм стал его домом, его лебединой песней, где он проработал всю оставшуюся жизнь.

Из воспоминаний дочери В.И. Пеллера: Железные машины ломаются, сколько бы их не чинили, и срок их службы можно даже просчитать, но человек – это очень тонкий и сложный механизм, только Б-г над ним властен. Ещё не старый Пеллер тяжело заболел. Он чувствовал, что это уже конец. На вертолете доставили в Хабаровск, где нас встретила машина скорой помощи. Сразу повезли в больницу, но папа попросил остановиться возле крайкома партии.

Он был в костюме, на лацкане которого Звезда Героя Социалистического Труда, и в тапочках, так как обувь не мог надеть, и хотел зайти к Черному попрощаться, но милиционер заявил, что первого секретаря нет и он не пропустит никого в здание, даже начал выталкивать отца. Тут я уже не сдержалась и стала громко стыдить милиционера. В это время мимо проходил работник крайкома, который знал отца и меня. Надо сказать, что Пеллера знали многие сотрудники краевого партийного аппарата.

Он взял Пеллера под руку и повел его наверх в кабинет Черного. Мы вместе зашли в приемную и стали у открытых дверей огромного кабинета первого секретаря крайкома КПСС. Все, кто в это время был в приемной, с замиранием сердца смотрели на встречу двух могикан, и слёзы катились у них из глаз. Люди не могли скрыть своих чувств, они плакали, понимая всю трагичность этой встречи.

Черный подошел к нему, поздоровался, а отец без долгих прелюдий сказал: «Алексей Клименьевич, я зашел к тебе попроситься, я умираю. Мы с тобой по-всякому жизнь прожили, но подлецами не были. У меня к тебе есть только одна просьба: чтобы моя жена со мной находилась в больнице до моего конца».

Прощание было очень тяжелым. Эту последнюю просьбу Пеллера он выполнил».

Черный был не богом, а простым человеком, который, как и все смертные, совершал ошибки. Кому-то он помогал, и они хвалили его всю жизнь, а кого-то «прессовал» так, что сердца у людей не выдерживали. Тот же Петр Клименков инфаркт получил после выговора Черного на бюро крайкома партии, который посчитал, что директор совхоза «разбазаривал» мясо и много свинины проедал своей семьей. Хотя всё начальство в районе знало, что мясо он отпускал своим рабочим, а также по звонкам партийным и советским работникам, а в бухгалтерии все отписывали на него. При проверке оказалось, что на каждого члена его семьи приходилось почти по сто килограммов мяса. Никто из руководителей за него не заступился, не хотели делить ответственность, хотя мясо ели все.

В центре В.И. Пеллер с семьей

Наше поколение в основном состояло из людей преданных и самоотверженных, которые трудились во имя великой цели, порой сами не отдавая себе отчета, к чему это приведет.

АГЕНТСТВО «ИНТУРИСТ»

После десяти лет партийной работы, которая, без преувеличения, многое дала мне для понимания сущности происходящих вокруг событий, умения ориентироваться в кабинетах бюрократического аппарата, с чем приходится ежедневно сталкиваться и сегодня каждому руководителю предприятия, мне предложили открыть в Биробиджане агентство «Интурист». Это было в те годы одним из пунктов правительственной программы по развитию Еврейской автономной области.

При поддержке М.М. Кауфмана, бывшего в то время депутатом Верховного Совета РСФСР, и Р.Л. Сандика, работавшего вторым секретарём обкома КПСС, была проведена встреча с председателем Госкоминтуриста, где мы обсудили ряд перспективных и текущих вопросов моей работы. Тогда же определили, что для «раскрутки» вновь созданного агентства нам необходимо принять участие во Всемирной туристической ярмарке в Вене.

Готовились мы к ярмарке, как нам казалось, основательно. Впервые был выпущен туристический буклет на трех языках – русском, английском и идиш, с краткой информацией и картой Биробиджана и области. С помощью Госкоминтуриста подготовили рекламный видеоролик на английском языке о достопримечательностях области, разработали несколько туристических предложений, в том числе специальных туров: охота на медведя, рыбалка – ловля тайменя, маршрут для любителей спелеологии в пещеру «Ледовая».

Ярмарка в Вене показала, что туроператоры из Европы и Америки мало что знали о Еврейской автономной области,

даже о её местонахождении. Результат нашей работы на ярмарке – это количество тургрупп, приехавших убедиться в привлекательности рекламируемых туров.

Через пару месяцев пришло сообщение о приезде в область супружеской пары из Австрии, купившей тур по России и выбравшей для своего маршрута ЕАО.

В начале 90-х годов мы ещё не понимали иностранцев, их менталитет. Нам казалось, что с их стороны идут сплошные придирки, и было, конечно, «обидно за державу». Слушая их и сочувствуя им, я старался понять позицию людей, приехавших из капиталистического мира, посмотреть их глазами на нашу действительность.

Мы научились запускать космические корабли, но поезд от Хабаровска до Биробиджана (170 км) шел в те годы почти четыре часа. Страшнее всего, однако, для туристов оказалось время, проведенное в грязном вагоне, в который их посадили в Хабаровске. Вагон без кондиционера, с одним замызганным туалетом, в котором никогда не было туалетной бумаги, а иногда и воды (второй туалет, как обычно, только для личного пользования проводника). В довершение всего вагон остановился за пределами платформы (если ту, которая была впереди и до которой он не доехал, можно назвать таковой). Туристов-пенсионеров мне пришлось, что называется, снимать под руки с поезда, так как они боялись прыгать из вагона на землю и сломать себе ноги. Такого «фирменного» поезда они нигде не встречали, даже в Африке, где путешествовали в 70-е годы.

Мои первые европейские туристы проклинали тот день, когда решили выбрать эту поездку. Они мне дружелюбно сказали, поселившись в гостинице, что к нам никто не приедет, узнав об этом уровне услуг. Действительно, больше в область туристы из Европы, к сожалению, не приезжали.

Госкоминтурист специально для нашего Агентства организовал рекламную поездку в США по маршруту Нью-Йорк – Филадельфия – Вашингтон. В состав группы, кроме меня, вошли заместитель председателя правительства ЕАО

Валерий Гуревич и корреспондент газеты «Биробиджанер Штерн» Роман Шойхет.

При согласовании маршрута мы предусмотрели встречи с крупнейшими еврейскими организациями США, в том числе «Джойнтом», «Бней-Бритом», пресс-конференцию с турфирмами и прессой, работающей на турагентства. Предварительно, надо отдать должное, помог мне сориентироваться и дал телефоны для связи с еврейскими организациями Главный раввин СССР Адольф Шаевич, наш земляк. Дальше, мы понимали, все будет зависеть от нашего умения заинтересовать людей областью и, прежде всего, еврейской культурой и историей.

9 апреля 1990 года впервые за всю историю Еврейской автономной области делегация агентства «Интурист» посетила главный офис «Джойнта», расположенный в Нью-Йорке на Третьей Аvenues. Нашу делегацию принимали вице-президент JDC м-р Шнайдер и м-р Шавив.

Ещё до встречи нас удивила система безопасности в здании. У каждого проверили документы, прикрепили бейджик и в сопровождении представителя организации проводили в офис, где и состоялась эта встреча. Чувствовали мы себя не очень уютно, так как нас пристально рассматривали, пытаясь понять, кто мы и зачем пришли. Рассказав о нашей области и предложениях по туризму, мы поняли, что нас приняли скорее из любопытства и вежливости, за что мы в душе были благодарны.

Деловая Америка нас поразила фантастической энергией, четкой организацией работы, умением американцев быть приветливыми и корректными в любых ситуациях. Мы поняли, насколько наша страна отстала в социально-экономическом развитии, и не могли представить, где же на этом пути развития находимся мы сами и, самое главное, чем же можно завлечь простых американцев к нам в область.

Спустя почти пятнадцать лет после нашей поездки руководители «Джойнта» проехали по всему миру в честь 90-летнего юбилея основания организации по местам, где они

оставили след в виде гуманитарной и материальной помощи. Обсуждая с Валерием Гуревичем их визит в Биробиджан, мы сожалели, что не знали в тот момент истинные возможности этой всемирной еврейской организации.

Если бы мы знали хотя бы малую толику той истории освоения области, которая известна была тогда этим американским организациям! Все, что написано в последние годы о нашей области, – это лишь мизерная часть того, что ещё будет написано историками. Присланные нам в 2004 году фотографии и материалы из архивов «Джойнта» по случаю юбилея его основания открывают новую страницу в изучении ЕАО.

А в тот период мы, как дети, показывали президентам туристических фирм и журналистам примитивные пропагандистские открытки и фотографии области, не имея ни равнина, ни синагоги, ни еврейского культурного центра, ни театра, ни школы. Все, что у нас было, зиждилось на простом энтузиазме нескольких профессионалов и истинных любителей еврейской культуры.

Можно сказать, что к нам отнеслись доброжелательно, нас везде со вниманием принимали и выражали надежду на сотрудничество в области туризма. Тем не менее уезжали мы в расстроенных чувствах. Мы пытались решить задачу, которая была выше наших сил. Даже сотрудники нашего посольства в Вашингтоне не нашли времени и не сочли нужным с нами встретиться, и наивно было ожидать содействия и продвижения информации о нашей области по другим каналам в США.

Несмотря на то что большинство вопросов приходилось поначалу согласовывать с хабаровским «Интуристом», в городе и области стали организовываться туристические группы для поездок за рубеж. Это сегодня все просто: назови страну, и тебя отправят хоть в Гондурас, хоть на полюс и даже в космос, главное – плати деньги вперед.

Тогда же, чтобы попасть в туристическую группу, надо было пройти собеседование у секретаря или заведующего

отделом горкома КПСС, отвечавших за идеологическую работу. Не каждый проходил такую «проверку на благонадежность» при выезде за границу. Но это одна сторона медали. Другая состояла в том, что мне необходимо было организовать прием иностранных туристов в области.

Первые туристы, которых мы принимали в Биробиджане, не представляли себе, что такое *The capital of the Jewish Autonomous Region* (столица Еврейской автономной области). Они прекрасно были осведомлены об Израиле с его достопримечательностями, историей, уходящей своими корнями в глубокие тысячелетия, но еврейский Биробиджан для них был неразгаданной и таинственной загадкой.

Осенью 1989 года после международной туристической ярмарки, прошедшей в Иркутске, Госкоминтурист организовал ознакомительную поездку в область делегации президентов ряда зарубежных туристических фирм из различных стран мира. Несколько фирм было из Японии, США и ряда европейских стран.

К этому визиту для них была подготовлена культурная программа. За три дня и две ночи предстояло показать Биробиджан во всей его красе. Конечно, время года было не тем, чтобы можно было показать город таким, каким мы его любим: зеленым, с чистым воздухом, чуть журчащей на перекатах прозрачной бирской водой, тенистыми аллеями и чудным парком, наполненным благоуханием ароматов зелени и пением птиц.

Но расчет был основан на программе, связанной не с внешним обликом города, а с его внутренним содержанием. К этому времени нами было разработано несколько вариантов туров для иностранцев, в том числе проживание туристов в квартирах биробиджанцев, а также посещение начинавших свою деятельность еврейской общины, театра, краеведческого музея и т. п.

Эта поездка нас немного обнадружила. Область открыла двери и дала посмотреть на себя изнутри. Да и мы в общении с иностранными туроператорами впервые слышали о

том, что представляет интерес для иностранцев в Биробиджане. Конечно, были и замечания. Наша центральная гостиница, на их взгляд, не тянула тогда даже на три звезды, как мы считали, а примитивный сервис оставлял желать много лучшего.

По рекомендациям Госкоминтуриста были разработаны туры для любителей охоты и рыбалки, а также спелеологии. О проведении зимой тура «Охота на медведя» можно было бы написать сценарий для фильма. Когда на экранах страны появилась кинокомедия об организации охоты иностранного туриста на медведя, то мы у себя такую «охоту» уже провели.

Любителем дальневосточного зимнего сафари оказался молодой симпатичный человек лет двадцати пяти из Германии. Когда он вышел из поезда, то сразу стало понятно, что этот парень не из нашего города.

Длинная до пят шуба (как он потом нам похвастался – из шкур убитых им канадских волков), на голове – шапка из лисы с пришитым болтающимся хвостом. Он напоминал персонажа из произведений Джека Лондона. О его охотничьей экипировке можно сказать сразу, что мы такого и в глаза не видели и не предполагали, что есть такое оружие и такие патроны: как нам показалось, для охоты на слона.

С главным егерем области, Александром Дементьевым, заранее составили программу тура, включая маршрут и все, что должно было ему сопутствовать. Охота на медведя должна была состояться в Ленинском районе.

За две недели до приезда получили подтверждение от местного егеря, что медведь спит в берлоге, следов вокруг никаких не видно. За два дня до охоты выпал снег, и вновь нам доложили, что все в порядке.

Немец наслышан был о наших холодах и морозах, о спящих и бродящих по дальневосточной тайге диких животных. Уплатив в Москве несколько тысяч долларов за турпоездку на Дальний Восток, он рассчитывал получить настоящее удовольствие от охоты и увидеть зимнюю тайгу во

всей её красе. Общаться с ним мне пришлось на английском, так как немецкого я не знал, но зато понимал почти все, что он говорил (идиш похож на немецкий язык).

Уазик не первой свежести – русский джип – мчал нас по укатанной снежной трассе и перевалам в Ленинский район. Пока ехали, немец, которого мы на английский манер стали называть Майклом, периодически открывал закрепленную на поясе большую круглую плоскую флягу, прикладывался к ней, делая пару глотков какой-то ароматной бодрящей жидкости, и снова закручивал пробку, не предлагая нам даже понюхать.

Часа через полтора мы свернули с трассы налево и через несколько километров въехали в село, расположенное у гряды сопок. Егерь жил на самой окраине, что для нас было как нельзя кстати, чтобы не привлекать зевак. Да и охота не любит много шума.

Егерь нас уже ждал. На ужин хозяйка поджарила свинины, наварила картошки, достала из кладовой сала, соленых помидоров, капусты. Для этого ужина мы с собой прихватили из города пару бутылок водки и, как полагается по русскому обычаю, выпили за прибытие и за удачную охоту.

После такого ужина переводчик уже был не нужен. Обсудили план действий на следующий день. Немец рассказал нам, что это его первая охота на медведя. Мы его успокоили. Егерь заверил Майкла, что все будет нормально, медведь выйдет прямо на него, и ему останется взять его на прицел и нажать на спусковой крючок. На всякий случай его будут страховать два наших охотника.

Майкл достал своё снаряжение и начал раскладывать все причиндалы по карманам специального комбинезона. Поверх теплого нательного белья он натянул замшевую кожаную рубашку, затем свитер, потом комбинезон на пуху и, конечно, свою любимую волчью шубу.

Мы с интересом рассматривали все это и, не удержавшись, спросили, как он пойдет по тайге в таком одеянии.

Он ответил, что все будет нормально, чем удивил местного егеря. Егерь попросил, чтобы я ему объяснил, что на перевалах, куда предстоит добираться без транспорта, соблюдая осторожность и тишину, снега в некоторых местах по пояс и в такой одежде через пятьдесят метров ходьбы в сопках он будет весь в мыле и не сможет дальше идти.

Немец оказался упрямым. Мы его не переубедили. Он рассказал нам, как охотятся в Германии, в других странах, где он был. На наш взгляд, это просто организованное убийство животных. У зверей просто нет шансов спастись. Охотника привозят в заказник, где оборудована глухая вышка, метров пятнадцать над землёй, чтобы запах не испугал зверя. Внизу, метрах в тридцати-пятидесяти от вышки, раскладывается подкормка, соль. Охотник сидит, посматривает по сторонам и ждет, когда на этот специально оборудованный полигон придут кабаны или олени, или другие животные, на которых организована охота. Рядом с ним сидит егерь и, когда зверь подходит к «столу», показывает, кого охотник может убить. Разрешается сделать пару выстрелов. Если не попал, то все равно охота считается состоявшейся, и деньги никто не возвращает.

Нам теперь стало понятно, почему немец так тепло одевается. Сиди себе, укутавшись в шубу, и жди, когда зверю захочется поест. Конечно, три-четыре часа в такой экипировке можно высидеть. Но здесь предстояла настоящая охота с погоней, зимнее дальневосточное «сафари».

Немного расстроил немца наш сервис. Умывальник с ведром на кухне, туалет на улице, где за минус тридцать и пронизывающий ветер задувает в щели. Понятно, что и горячего душа, чтобы согреться, тоже не было. Но, как говорят, пути назад нет. Он смирился с нашим сервисом, и мы разошлись по комнатам спать.

Рано утром, когда на улице еще только начало светать, мы быстро собрались в дорогу, благо все с вечера было наготове. Решили ехать на одной машине, и я оказался лишним.

Понимая, что от меня толку на охоте будет мало, я, тем не менее, принял решение главного егеря без особого удовольствия. Мне было интересно поучаствовать в этом мероприятии чисто из спортивного любопытства. Но мне пообещали, что все потом подробно расскажут. Я пожелал им удачной охоты и с нетерпением стал ждать возвращения.

Ближе к обеду неожиданно появился наш «газик». Выскочив на улицу, я увидел всех целыми и невредимыми, но по лицам сразу понял, что с медведем они не встретились. Оказалось, что мишка давно ушел из берлоги. Вдобавок ко всему, лазая по сопкам по пояс в снегу, Майкл где-то на тропе потерял свою фирменную перчатку.

Все были расстроены, так как понимали: медведя нет, и с немцем могут быть неприятности – материальная компенсация, моральный ущерб и негативная реклама тура. Посоветовавшись, пришли к выводу, что другую берлогу так быстро не найдем, и егеря мне предложили вместо медведя организовать охоту на кабана и изюбря.

Чувствовалось, что немец был расстроен. Молча сели обедать. За столом я предложил ему вместо сбежавшего медведя охоту на кабана и изюбря. Майклу эта идея сразу понравилась. Выпили ещё по сто граммов, и появилась ещё одна мысль – организовать ночную охоту на лисиц, которых у нас на полях зимой всегда много. В глазах у нашего гостя загорелся огонек.

Сразу после обеда начали собираться. Когда немец снял с себя комбинезон, то его нижнее бельё и кожаная рубашка оказались совершенно мокрыми, благо, что он взял с собой несколько запасных комплектов. Теперь уже немец смотрел с сожалением на свою одежду и не мог понять, что же ему надеть на себя. Мы все поняли без слов. Местный егерь вытащил из кладовой чуть потертую толстую шерстяную суконовую куртку и такие же штаны, Дементьев дал ему свою шапку-ушанку, и перед нами стоял уже не Майкл, а наш родной Мишка-охотник.

Сели в машины и через несколько километров остановились на краю леса. Разделившись на две группы, стали подходить к редкому леску, где, по предположению егеря, гуляло стадо кабанов, среди которых должен был быть и секач.

Медленно мы обходили рёлку, как вдруг неожиданно был дан знак остановиться. Метрах в шестидесяти меж редких молоденьких дубков паслось штук десять небольших кабанчиков. Секача и близко не было видно. Выдвинули немца на переднюю позицию и предложили выбрать самого крупного кабана. В напряжении стали ждать его выстрела. Он долго не стал выбирать и пальнул из своего карабина усиленным патроном так громко, что молодняк, оглушено взвизгнув, вначале остановился, а затем стал метаться и уходить в чащу.

Понять, попал или нет, можно было, только выйдя на место, где стояли кабаны. Добравшись до него, мы поняли по следам, что кабан ранен, недалеко раздавался визг. Егерь пошел на звук, и через десять минут прозвучал ещё один выстрел, после чего мы все пошли в этом направлении и увидели подстреленного небольшого кабанчика.

Охота была открыта. Все поздравляли немца с первым трофеем, а он не знал, как принимать наши поздравления. Конечно, он был рад этой охоте, но кабанчик-то ведь маленький, сказал Майкл. Это не может считаться у них трофеем.

Мы понимали, что «прокололись» с секачом, и на ходу стали думать, что бы такое ему ещё предложить. Для начала егерь пообещал найти перчатку, как мы его ни отговаривали. Взяв собаку, он ушел в тайгу и, ко всеобщему удивлению, часа через полтора, уставший, но очень довольный, вернулся с перчаткой! Это была наша победа, и немцу был продемонстрирован уровень нашего егеря, охотника-профессионала и вдобавок следопыта. Собака помогла пройти по следу и в сугробе, почти на вершине перевала, нашла злополучную перчатку.

Возвратившись домой, мы занялись приготовлением свеженины. Молодой кабанчик для этих целей был как нельзя кстати и получился просто объедение. Но была ещё одна проблема. Оказалось, у немца во фляге было три литра виски, и они закончились. Майкл спросил, где тут можно купить ром или виски. Мы переглянулись. В деревне в те годы таких напитков не только не продавали, но даже не слышали о них. Магазин вечером был уже закрыт. Наши запасы тоже закончились. И тут егерь, чтобы как-то ещё реабилитировать себя, предложил самогон. Никто, понятно, не возразил. Быстро накинув тулуп, он побежал к соседу за первачом.

Немец слышал о русском самогоне, но не пробовал его. А тут егерь сам презентовал и все три литра залил ему во флягу. Как говорят, халява – плиз! Ужин был обильный. Выпили за кабанчика, за перчатку, за егеря, за дружбу и начали готовиться к ночной охоте на лисиц. Настроение после ужина значительно улучшилось.

Ночная охота весьма своеобразное мероприятие. Оказалось, не так все и сложно. Рядом с боковым зеркалом крепится небольшой прожектор, который можно свободно поворачивать,водя мощным лучом в темноте по полю. Отдохнув немного, мы выехали ближе к полуночи за село на поля.

Морозная ночь без луны способствовала охоте. Медленно двигаясь вдоль полей, мы то и дело останавливались, пытаясь лучом света нащупать зверя. Голые поля, засыпанные снегом, в отсутствие луны поглощали свет прожектора. Проехав чуть дальше, где виднелись не убранные местами колосья, мы вдруг увидели в свете фар светящиеся огоньки глаз.

Егерь, показав вдаль на огоньки, подтолкнул Майкла к выходу. Выскочив из машины, немец прицелился и выстрелил в темноту, где только что светились огоньки глаз. Теперь уже все зависело от него самого. Но то ли был перебор с выпитым самогоном, то ли он не смог сориентироваться в темноте, но в течение двух часов подряд немец палил по светящимся точкам безрезультатно, пока у него не кончились патроны.

Егеря ругались на него матом, благо он ничего не понимал, одновременно воодушевляя охотника, хлопая его по плечу, а Майкл периодически прикладывался к фляжке после каждого очередного выстрела. Уставшие, мы вернулись домой и сразу же уснули, проспав почти до десяти часов утра.

Позавтракав, мы собрались переехать на другое угодье, где обитали изюбри и, как нас заверили, большие кабаны. В селе Красивое нас ждали. Все было готово, и новый егерь нас обнадежил, что прокола не будет. Добраться до урочища можно было только на лошадях. Немцу эта идея понравилась.

Для меня лошадь была неприступной живой крепостью, тем более что лишней кобылы у егеря не было. Взяв с собой сухой паек, ружья, охотники двинулись в путь, пообещав вернуться до темноты.

Сумерки наступили быстро. Зимой на нашей широте уже в шесть вечера темно, а в тайге – и того раньше. Но еще почти пять часов я не знал, что же случилось, куда запропастились наши охотники. О том, что они могли заблудиться, не было и речи. Все это урочище егерь знал как свои пять пальцев. Лишь к одиннадцати часам ночи, уставшие, продрогшие, они вернулись обратно. Лошадей егерь отвел в конюшню и занес в холодную кладовую мешок с головой секача.

Мне не терпелось узнать, как прошла охота, на что Александр с удовлетворением сказал, что все прошло нормально: завалили большого кабана. Видели табун изюбрей и коз, которые, заслышав ржание лошадей, почуяли недоброе и ушли в лесные чащобы. Догнать их по глубокому снегу не смогли. Вдобавок немец оказался не таким уж хорошим наездником, а может, седло ему наше не подошло.

Сняв комбинезон и теплые подштанники, Майкл повернулся к нам задом и спросил, что там у него болит. Смотреть на это место без смеха было трудно. С натертых докрасна ягодич местами слезла кожа. Егерь принес какой-то местной мази, намазал его и сказал, что до утра все заживет.

Всем хотелось в это верить. Мы посочувствовали гостю по этому поводу и сели за стол выпить за удачную охоту.

Охотничий тур подходил к завершению, и я спросил у немца, как ему понравилось наше сафари, не будет ли жалоб и претензий. Майкл был на седьмом небе. Он и в мыслях представить себе не мог того, что он здесь увидел, где он прошел, на какого зверя охотился и сколько настрелял. Выпив уже изрядно, он вдруг спросил у егеря:

– Неужели это я убил такого большого кабана? Мне казалось, что тот, кого я убил, был поменьше.

– Да что ты, Майкл, такое говоришь, ведь уже темнело! Конечно, ты его уложил! Хороший был кабачик.

Пошли спать. Майкл, еле передвигаясь, кряхтя, залез на кровать, лег на живот и через минуту заснул.

Я подошел к Александру и спросил, что же произошло на самом деле.

– Кабана немец действительно убил, – сказал Александр, – но средненького, а пару дней назад, неподалеку, местным охотникам попался здоровый секач. Голова им была не нужна, и они бросили её в снег, а мы решили подменить. Немец и не видел, как это произошло.

Утром мы начали собираться домой в Биробиджан. Немец попросил принести мешок с головой. Он внимательно осмотрел здоровенную голову кабана (огромные желтоватобелые клыки секача размером более двадцати сантиметров), наверное, представляя, как они будут выглядеть в обработанном виде. Размерами клыков он остался доволен, сказав, правда, что видел и больше у других охотников.

Как он нам объяснил, в специальной мастерской из головы вырезают часть челюсти с клыками и выделывают её. Это и есть охотничий трофей – подтверждение проведенной охоты.

Мне стало как-то не по себе от этих огромных клыков, и я вдруг представил, что встреча человека без оружия с таким зверем на тропе ни к чему хорошему не привела бы. Да и с ружьем не каждый встанет против такого кабана. Но все хо-

рошо, что хорошо кончается. Возвратившись в гостиницу, мы тепло попрощались. На память о проведенной охоте Майкл подарил Александру свой охотничий нож. А мы ему пожелали, чтобы он нас не забывал, а в следующий раз, когда приедет, мы обязательно найдем ему берлогу с мишкой.

Принимали мы и туристические группы с западного побережья США, поездка которых была организована к нам хабаровским «Интуристом». Прошли они без особых претензий. Простые американцы, в основном пенсионеры, честно заработали свою пенсионную страховку и, получив приличную денежную корзину, разъезжали теперь по разным странам, наслаждаясь знакомством с неизведанным миром. С интересом они присматривались в нашем городе к редким вывескам на идиш. С удовлетворением отмечали нормальный климат и спокойную социально-политическую обстановку в области.

Одними из первых Биробиджан посетили японские профессора и несколько журналистов, представлявших различные издания. Цель их была одна – создать у японцев представление о нашей области как потенциальном регионе для возможных инвестиций и для туристических поездок.

Надо отдать должное их любознательности и умению удивляться, замечать то, на что мы просто не обращаем внимание. Приехавшие в сентябре 1990 года два японских профессора, изучая проблемы выхода к границе с нашим южным соседом, были просто поражены открывающимися возможностями работы с Китаем.

Железная дорога, заходящая в речной порт на реке Амур, считали они, как нельзя лучше подходит для развития инфраструктуры. Но еще больше они удивились, когда встречавший нас председатель Ленинского исполкома Павел Иванов пригласил к чаю на небольшое судно, стоявшее на берегу.

Мы зашли в камбуз. На столе стояла большая миска, в которой было килограмма три красной икры, несколько алюминиевых столовых ложек и кружек и стеклянная литровая

банка с сахаром. Капитан судна пригласил нас к столу, разлил чай из огромного алюминиевого чайника, но японцы сидели в нерешительности и не знали, с чего начать чаевничать.

Действительно, они не представляли себе, как можно есть икру столовыми ложками, без хлеба, запивая чаем. Павел распорядился, чтобы сходили в магазин за хлебом, но чайных ложек на судне не было и в помине. Как объяснили нам японцы, после того, что они увидели, все сомнения у них отпали. Россия действительно очень богатая страна. Надо только правильно распорядиться этим богатством.

Икру в таком количестве за столом они видели впервые и объяснили нам, что в Японии почти каждая икринка имеет цену. В те годы курс доллара к иене был один к ста тридцати. Так что это соотношение было близко к истине: одна иена – одна икринка.

Другой интерес был у приехавших к нам в качестве туристов бывших японских военнопленных. После войны на территории Дальнего Востока были десятки лагерей для японских военнопленных, которые работали на лесоповалах и стройках народного хозяйства.

Не все японцы выжили в этих лагерях. Умерших хоронили на специально отведенных кладбищах. Могилы были без надгробий. Лишь приколотая к деревянному столбику жестянка с номером напоминала о былом существовании человека. Но годы, пожары, наводнения почти стерли и эти следы.

В соответствии с договоренностью между правительствами наших стран было дано разрешение на посещение мест захоронений. Тогда-то впервые за сорок лет бывшие военнопленные вновь вступили на землю, где они провели не лучшую часть своей молодости.

Убеленные сединой, чистенькие и опрятные старички, большинству из которых было за семьдесят, с тросточками вышли на перрон из специально арендованных для этих целей купейных вагонов, которые отцеплялись и ставились в

тупик, пока они обследовали обозначенные в своем маршруте объекты осмотра. Глядя на них, кто бы мог подумать, что они и есть бывшие захватчики, союзники поверженного рейха. Они не опускали глаз, всматривались в русские лица с интересом и вниманием.

Несколько человек обратились ко мне, с трудом вспоминая слова, но все-таки на вполне понятном русском языке, с необычной просьбой посетить лагерь, где они сидели, назвав на всякий случай место, где это находится.

С интересом выслушал их, даже не зная, что сказать по этому поводу. Десятки раз проезжая по дороге, ведущей на Ленинск, ни разу не слышал о том, что там находился лагерь для японских военнопленных. Предоставив им водителя с машиной, пожелал найти местонахождение этого лагеря, сомневаясь, что это им удастся.

Через несколько часов они возвратились. Как рассказал мне потом водитель, японцы четко сориентировались в том месте, где был лагерь. Там они обнаружили только остатки обгоревших бревен от бараков, ржавую колючую проволоку, нашли погнутую алюминиевую ложку. Уже этого было им достаточно, чтобы успокоить свою душу, прочитать молитву в память погибших друзей.

У одного из японцев была карта расположения лагерей и мест захоронений на Дальнем Востоке. Посещение этих мест было главной целью поездки членов ассоциации бывших японских военнопленных. Одно из них было в пяти километрах от нашего города. За несколько дней до их приезда мне пришлось переговорить более чем с десятком людей, пока, наконец, не нашелся один из бывших работников спецавтохозяйства, показавший место захоронения военнопленных японцев.

Недалеко от дороги на небольшом островке среди заболоченной равнины росли молодые осинки и дубки, оставшиеся после многочисленных пожаров и наводнений. Между этими прореженными природой деревьями, среди травы и зарослей кустов мы с трудом определили, что здесь было

когда-то захоронение, по торчащим из земли обгоревшим и полусгнившим нескольким черным деревянным столбикам с ржавыми жестянками и чуть видным холмикам и провалам.

Утром следующего дня мы выехали из гостиницы ко всеми забытому кладбищу. Автобусы остановились у обочины дороги, так как все кругом заросло травой. Собравшись вместе, японцы шли молча, ступая за мной почти след в след, оглядываясь по сторонам и ища глазами, где же это кладбище. Только увидав среди травы несколько уцелевших столбиков, они остановились и вполголоса стали что-то обсуждать между собой. Степенно обошли они эту небольшую рощицу, ставшую последним местом упокоения их соотечественников, что-то для себя помечая, стараясь не наступить на чуть заметные бугорки.

Определив условно центр этих уже непонятно как расположенных могил, они расчистили и соорудили некое подобие площадки, где и провели своеобразный молебен с зажиганием дымящихся свечей, исполнением скорбной музыки на старинных незнакомых мне духовых инструментах, похожих на флейту, чтением молитв в память о воинах, не вернувшихся с войны.

На другой день мы поехали в Облученский район, где покоился прах более двух тысяч японских военнопленных. Наши вагоны отцепили на станции Известковая и загнали в тупик. С трудом японцы вышли из вагонов, помогая друг другу, так как высокой платформы там не было и в помине.

После ночного дождя сельские дороги были в плачевном состоянии. Японцы должны были преодолеть грязь и лужи, так как небольшой автобус не мог подъехать близко к кладбищу из-за отсутствия дороги. Эти старички уже успели забыть о наших деревенских дорогах, приехав к нам в простейшей, но удобной обуви, предназначенной больше для ходьбы по тротуарам и лужайкам.

Переговорив с председателем сельсовета и с японцами, мы решили заехать в сельский магазин, где, как меня увери-

ли, продавались сапоги как раз для наших деревенских дорог. Тот убогий ассортимент, что там был, к моему удивлению, невероятно привлек их внимание.

Они раскупили все кирзовые сапоги, болотные с высокими голенищами, какие-то мужские и женские зимние суконные ботинки на резиновой подошве и просто туфли и ботинки, которые уже давно вышли у нас из моды и высохли за несколько лет на прилавке, шапки-ушанки с искусственным мехом, а кто-то даже купил фуфайку.

Продавщица, не ожидавшая спроса на такой товар и таких необычных покупателей, растерянно смотрела на свой уже пустой прилавок, сокрушаясь, что её не предупредили и она не завезла побольше товара.

Надев прямо в магазине всю эту «амуницию», японцы теперь выглядели больше похожими на наших селян. Уверенно ступая в сапогах по ещё не высохшей от грязи дороге, они шли к автобусу. Теперь я был за них спокоен. Эта одежда напомнила им о былом. Они знали о своей миссии и были готовы одолеть любой путь, чтобы поклониться праху своих соплеменников.

Удручающая картина заброшенных кладбищ производит гнетущее впечатление. Наверное, правильным было решение Японии о переносе захоронений. В последующие годы к нам на Дальний Восток приехали специально созданные группы, которым было поручено провести эксгумацию останков с целью перезахоронения их в Японии. Эта работа продолжалась не один год. Мир праху этих солдат. Да упокоятся их души.

НАШ КИТАЙСКИЙ БРАТ И ТОВАРИЩ

Конец восьмидесятых годов принес для Биробиджана немало открытий. Агентство «Интурист» активно способствовало тому, чтобы мы заново познакомились с нашим давно

забытым братом – китайцем. В памяти у старшего поколения, несомненно, остались воспоминания о дружбе и братстве между нашими народами.

Мы почувствовали это сразу же после открытия границ. Первые поездки туристических групп в северную Хейлунцзянскую провинцию Китая, численность которой составляет более 35 миллионов человек, оставляли тяжелое впечатление. Мазанки из соломы в деревнях, убогая жизнь простых крестьян, которые только ушли от карточной системы и ходили в такой одежде, что жалко было на них смотреть, работа на полях с пяти часов утра и дотемна с мотыгой в руке – это был великий Китай. Тогда мы чувствовали себя несравненно выше как по экономическому и техническому уровню, так и в культурном отношении.

Огромная по численности страна, с предприятиями, работающими на наших российских технологиях 60-х годов, выпускала допотопные тракторы, грузовые автомобили, велосипеды и многое другое, что вызывало у нас искреннее сочувствие.

Простые китайцы с уважением и почтением относились к русским туристам. Нередко украдкой, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то боясь, к нам подходили пожилые люди и, вспоминая русские слова, здоровались, с интересом расспрашивая, откуда мы приехали, называя места, где они были в России. Как дети, они выражали искреннее любопытство ко всему русскому: одежде, внешнему облику, подаркам. Мы отвечали им взаимностью.

Где бы мы ни были, нас всегда встречало китайское гостеприимство. Особенно это чувствовалось во время обеда. Гостя посадят на почетное место, с него начинается дегустация блюд, количество которых растет прямо на глазах. Особенности приготовления еды, её вкусовые качества впечатляют и гурманов.

Но и сегодня, когда в Китае с невероятной скоростью происходят изменения в экономике, обществе, чем больше вникаешь в быт и уклад жизни, тем больше понимаешь, что

не все так просто и гладко на фоне внешнего благополучия. Блеск в центре городов и нищета окраин и ещё больше деревень до сих пор соседствуют на китайских просторах.

С приходом в 1989 году к партийному и государственному руководству страной Цзян Цзэмина был сформирован, по сути, коллектив руководителей Китая третьего поколения. В этот же год, впервые за последние несколько десятилетий, начался «бартерный» обмен туристическими группами между нашими странами: китайские туристические группы по приезду к нам получали в турфирме определенное количество рублей, и то же происходило, когда наши туристы прибывали в Китай, – они получали эквивалент в юанях.

Бартер был и в торговых взаимоотношениях в нашей приграничной полосе. Мы отправляли в Китай металл, технику, удобрения, получая взамен продукты питания и предметы одежды весьма низкого качества: обувь, спиртное из какого-то суррогата, что приводило к отравлениям со смертельным исходом, прочий низкокачественный ширпотреб, который заполонил дальневосточный рынок и явился одной из причин развала многих предприятий легкой и пищевой промышленности в России.

Этот бартер подкосил нашу экономику. Низкие цены на китайскую продукцию, сложившиеся из-за дешевизны их рабочей силы, отсутствие надлежащего контроля за качеством ввозимой продукции и, самое главное, непродуманная таможенная политика со стороны России позволили в очень сложный для страны период привести в упадок и разорить в начале девяностых годов сотни российских предприятий, стабильно работавших во многих отраслях экономики. Закрывались в первую очередь предприятия пищевой, легкой промышленности, по переработке древесины. Инфляция, налоги, беспредел со стороны криминала и власти в борьбе за ещё теплящееся промышленное производство отбросили Россию на десятки лет назад.

В то же самое время трудно было не заметить, с какой поразительной настойчивостью Китай стремится вперед. На

глазах видно было, как меняется жизнь, как перемены в политике, экономике, социальной сфере, культуре меняют облик китайцев. Буквально за несколько лет из закопченного грязного города вырастает мегаполис с полной инфраструктурой. Уже не было той суматохи на дорогах, когда, подъезжая к перекрестку, мы, сидя в автобусе, смеялись и гадали, кто кого будет пропускать. Уже водители начали останавливаться у пешеходных переходов, пропуская людей, как это делают во всех цивилизованных странах. И на иностранцев смотрели уже по-другому, понимая, что этому прогрессу они обязаны, в числе других факторов, и их инвестициям. Перестали навязываться для торгового сотрудничества приграничные фирмы-однодневки, которые ничего за душой не имели, кроме портфеля и печати.

Наверное, ещё не скоро будет дана объективная оценка событиям прошлых лет, но уже сегодня в Китае предпринимаются попытки осмыслить путь развития государства во всей его сложности, не потерять важные и принадлежащие уже истории вехи общественного переустройства. Китайские политики, экономисты, историки обращают свой взор как назад, так и в будущее, пытаются оценить пройденный путь и не отставать на пути к прогрессу.

Один из шагов в этом направлении – изданная недавно китайскими историками книга «Евреи в Харбине». Эта книга, написанная на китайском и английском языках, раскрыла ещё одну страницу жизни евреев на Дальнем Востоке. Евреи, бежавшие после революций из России, устремились на север Китая, в Харбин, где им были предоставлены условия и возможности обосноваться, наладить бизнес, открыть банки, предприятия, медицинские, культурные учреждения, школы, театры, синагоги.

Собранные по крупницам документы и фотографии восстановили историю евреев за короткий исторический период их жизни в Харбине. В одном из залов Харбинской академии общественных наук, отведенном под музей, разместилась небольшая часть этих экспонатов – документов и предметов быта.

В музее Харбинской академии социальных наук открыта выставка «Евреи в Харбине»

В тридцатые годы еврейская община Харбина насчитывала более 20 тысяч евреев. И не случайно в запросе в Хабаровский «Озет» мой дед Рувин обращался с просьбой о помощи со стороны Харбинского отделения «Озета». Получили ли он её и были ли вообще такие связи, документов на этот счет у меня нет.

То, что сделали харбинские китайцы, восстановив пробел в истории своего города, без сомнения, заслуживает уважения. Для нас же это ещё один пример уважительного отношения к своему прошлому. Оно должно быть более доступно не только для исследователей, но и для простого человека, интересующегося историей жизни своего региона,

своей страны. Наши дети, и тем более внуки, должны знать правду о прошедшей эпохе, в которой жили их родители, дедушки и бабушки.

ЯПОНСКАЯ ФУГУ И ВИЗЫ ЖИЗНИ

Среди многих интригующих историй, связанных с нашей областью, есть одна, только недавно ставшая достоянием гласности. Если бы лет двадцать-тридцать назад кто-либо мне сказал, что нашу область изучали и рассматривали японцы как возможный вариант создания еврейского государства, объединяющего территории Маньчжурии и граничащей с ней по Амуру еврейской автономии, я бы не поверил, мне бы это и не приснилось. Как и каким образом могли нас объединить, на какой основе? Ответы на эти вопросы говорят о серьезности намерений японского правительства в те годы.

Об этой далекой истории написал Марвин Токайер в книге «План Фугу», изданной в 1979 году в Нью-Йорке и пока ещё не переведенной на русский язык. (Фугу – название рыбы, которая в Японии считается деликатесом. Но если повар недостаточно тщательно выпотрошит её, яд во внутренностях сделает это блюдо для гурманов смертельным. Операция, разработанная японским правительством, была названа «Фугу» по названию рыбы – с намеком, что с евреями надо быть очень осторожными.)

Марвин Токайер, молодой раввин из Бруклина, в 1968 году приехал в Японию в качестве армейского капеллана, а затем, став раввином еврейской общины в Японии, заинтересовался её историей. К нему в руки случайно попали копии документов Министерства иностранных дел, которые помогли ему понять и узнать многие детали о плане «Фугу». Он занялся поиском людей, принимавших участие в этой работе. Они помогли ему раскрыть многие неизвестные ранее страницы внутренней и внешней политики правитель-

ства, а также жизни еврейских беженцев в Японии, Шанхае и Харбине. В ходе этих поисков он обнаружил удивительную, обширную и нерассказанную историю отношений между евреями и японцами.

В тридцатых годах влиятельные японские военные офицеры, банкиры, промышленники и политические деятели обсудили наиболее эффективные способы участия в судьбе мировой империи. После вторжения в Манчжурию у них родилась идея доминировать над миром при помощи торговли.

Японцы решили, что сделать это они должны с помощью людей, которые, ориентируясь на них, знали бы, как делать качественные товары, управлять финансами, развивать рынки, и имели мощных друзей в Америке. И они пришли к выводу, что нуждаются в евреях. Так был рожден «План Фугу», по которому предполагалось привезти десятки тысяч евреев из Европы в Манчжурию – японскую территорию.

В 1979 году «Нью-Йорк Таймс» опубликовала ряд сообщений об изданной книге. Было немного известно о плане Японии переселить до миллиона европейских евреев в Манчжурию. Разработанная в 1934–1940 годах секретная операция японского правительства могла спасти миллионы евреев от Холокоста и даже остановить войну между Японией и Соединенными Штатами.

Это был план использования талантов и навыков европейских евреев, капитала, влияния и симпатий американских евреев для создания японской империи. Эта империя нуждалась в капиталах, в опытных промышленниках и инженерах, которые могли бы развивать Маньжурию – японскую «колонию» на севере Китая. Она должна была стать буферной зоной против угрозы со стороны Советского Союза.

Японское правительство хорошо изучило, в чем евреи нуждались больше всего – в безопасности от всё более усиливающегося антисемитизма в Европе, – и оно могло им это предоставить.

Другая история касалась японского консула в Литве. Многие помнили его имя, имелись только какие-то обрывочные записи или мимолетные воспоминания. Одно обстоятельство, с которым все соглашались, состояло в том, что японец дал беженцам то, чего никакой другой представитель любой другой нации на земле не желал давать в то страшное время после нацистского вторжения в Польшу. Он открыл дверь, когда все другие двери были закрыты. Он дал им визы. Он дал им жизнь.

После выхода в свет этой книги один персонаж плана «Фугу» обрел человеческое лицо: Чиуне Сугихара. С ноября 1939-го по сентябрь 1940-го он был японским консулом в Ковно (Каунасе), в Литве. В действительности Сугихара был послан в Ковно, чтобы собрать сведения о передвижениях советских и немецких отрядов в регионе. Сугихара стал одним из основных игроков в плане «Фугу» – схеме, которая к концу войны должна была спасти жизни тысяч евреев.

Книги и статьи на английском, японском, еврейском и китайском языках написаны теперь о Сугихаре. В Израиле Сугихара удостоен награды Яд Вашем «Праведник среди наций».

(Его имя стоит в одном ряду с именем Оскара Шиндлера. Я видел в этом музее листки с сотнями фамилий, отпечатанные на машинке и ставшие всемирно известными благодаря фильму «Список Шиндлера», а также имена десятков других людей, удостоенных этой уникальной награды. Сугихара – единственный из азиатов, получивший высшую гуманитарную награду Израиля, почитаемую во всем мире. – И.Б.).

Среди ужасов сороковых годов визы, выданные Сугихарой, стали величайшим везением для тысяч еврейских беженцев и десятков тысяч их потомков, потому что редкий человек, каким был Сугихара, оказался там, где их жизни зависели от его действий.

Книга Марвина Токайера рассказывает о малоизвестных для широкого круга русских читателей страницах истории,

которые так или иначе были связаны с еврейскими проблемами и касались возможного будущего развития событий, имеющих прямое отношение к нашей еврейской автономии. Эти истории после публикации книги «План Фугу» стали предметом изучения ученых-историков, писателей, журналистов, кинорежиссеров.

В докторской диссертации Виктории Романовой приводится весьма интересный исторический факт, о котором рассказала японская ученоя Чизуко Такао в своем докладе «Переоценивая “биробиджанский проект”. Региональный контекст» на международной конференции в Хабаровске в 1995 году. Японский консул в Одессе Сигеру Симада за месяц до принятия 28 марта 1928 года Советским правительством официального постановления о закреплении земель в приамурской полосе Дальневосточного края для заселения трудящимися евреями направил в Министерство иностранных дел своей страны доклад о «биробиджанском проекте».

О японском следе в сфабрикованных ГПУ шпионских делах в 1937–1938 годах в отношении многих биробиджанских руководителей написал в своей книге «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего» Иосиф Баскин, один из организаторов переселения евреев в Биробиджан, заведующий переселенческим отделом облисполкома. Сам Баскин почти семнадцать лет отсидел по политической статье. Вот как он описывает события первых недель после его ареста ГПУ и встреч с сокамерниками, многие из которых были его коллегами по работе или просто хорошими знакомыми.

«...Соломон Иосифович Бейнфест – пожилой, тучный, всеми уважаемый. Один из первых мобилизованных в Биробиджане коммунистов. Он возвращается со следствия в полуобморочном состоянии. Проходит немало времени, прежде чем он оказывается в состоянии снова видеть и узнавать. Болезненно морицась, пробует шутить:

– Оказывается, я – видная персона. Никогда не предполагал в себе таких талантов. Меня обвиняют в том, что вместе с Левиным и Либербергером я вознамерился создать прояпонское

буферное государство Биробиджан-го, наподобие Маньчжоу-го. Каково? Обвини они меня, скажем, в национализме, я бы, наверное, меньше удивился. По крайней мере, внешне звучало бы правдоподобно: как-никак бывший работник Комзета, специфически еврейской организации. Но следователь даже не заикнулся об этом. Он сам знает, что и как, у него особый нюх на шпионов.

– И где же вас угораздило попасть в сети к империалистам?

– О, это давняя история. Еще в двадцатые годы в Москве я продался работнику японского посольства, оказавшемуся ихним резидентом. Он указал мне явки, пароль для встречи, как только представилась возможность, я немедленно связался с японскими шпионами Левиным и Либербергером. Стал получать от них задания, втираться в доверие к другим органам, ну и... Одним словом, дело пошло!

Я подумал, что он шутит – любил Соломон Иосифович веселые розыгрыши, оболванивать публику. Но оказалось, все правда: наших расстрелянных товарищей и в самом деле обвиняли в связях с Японией, в намерении оторвать область от СССР».

Учитывая, что ввод Квантунской армии в Маньчжурию в 1931 году был нацелен на создание марионеточного государства Маньчжоу-го, становится понятно и стратегическое значение для японской политики Биробиджанского района, находившегося по другую сторону Амура.

В 1996 году была издана книга «В поисках Сугихары», которую написал Г. Левин, профессор религиоведения Бостонского университета. Она представляет собой подробную биографию японского дипломата Чиуне Сугихары. В ней приводятся воспоминания его жены Юкико Сугихары и волнующая история событий тех дней, когда в течение нескольких месяцев, вопреки указаниям своего начальства, он выписал несколько тысяч спасительных виз для евреев, бежавших из оккупированной Польши.

Так как у подавляющего большинства беженцев не было действующих паспортов, поверенный в делах Великобритании и голландский консул оказали ему бесценную поддержку, начав выдавать временные туристские документы всем желающим. На основании этих «липовых» документов Сугихара выписывал транзитные визы – для путешествия в другие страны через Японию вопреки инструкциям и отказу Токио дать разрешение на проезд тысяч беженцев.

Когда официальные бланки виз закончились, он чертил их от руки, работая до поздней ночи. Всем, кому вручались визы, Сугихара давал совет при первой же встрече с японскими властями кричать «Банзай Ниппон!» – «Да здравствует Япония!». Он уверял, что это должно помочь. В связи с переводом в Берлин Сугихара был вынужден закрыть консульство. В оставшиеся дни в гостинице и даже уже сидя в купе поезда, он продолжал оформлять визы. Люди от руки копировали и размножали их, перерисовывая иероглифы, ничего не понимая, что там написано, но веря в эти спасительные бумажки.

Семен Букчин, публицист, писатель, литературовед, изучавший историю спасения евреев, восстанавливая картину тех событий, так описывает встречу этих «туристов» в Японии: *«Казалось бы, спасение так близко! Увы, японские пограничные власти обнаруживают, что среди прибывших в Страну восходящего солнца подозрительно много людей с одинаковыми именами и фамилиями. Но что же было делать, если в Каунасе и Вильно, где фабриковались фальшивые документы, никто не знал японского языка, копировали как образец (с подписью Сугихары и японским текстом) единственную визу, в которую была вписана фамилия некоего Голдберга. И вот японцы сталкиваются с непонятным фактом – в их страну валом валят из Польши сплошные Голдберги. Подозревая, что дело нечисто, они отказываются принимать новоприбывших и не только запрещают им сойти на берег, но и приказывают транспорту отправляться обратно в Находку. Но и там, к величайшему счастью неудачливых эмигрантов, их отказываются принять, поскольку у них нет совет-*

ских въездных виз». После долгих мытарств и эти «родственники-однофамильцы» также нашли спасение на другой стороне планеты.

Сугихара выписал более 6 тысяч транзитных виз еврейским семьям, бежавшим от немецкого геноцида. Из 2139 держателей виз до Японии в целости и сохранности добрались 2132 человека. По подсчетам Г. Левина, с учетом членов семей и иждивенцев Сугихара спас от 6 до 10 тысяч человек. Составы с польскими евреями через всю Россию шли во Владивосток, откуда на пароходе переправлялись в Японию для последующей отправки в страны Северной и Южной Америки и в Австралию. Последняя группа из 74 человек покинула Владивосток в конце апреля 1941 года и 1 мая оказалась в Шанхае.

Японцы создали в Шанхае, по сути, гетто, где проживало, по различным данным, от 13 до 18 тысяч еврейских беженцев без гражданства, которые после окончания войны разъехались по разным странам. Там и сегодня действуют несколько синагог, в одной из которых раввином стал Шалом Гринберг (двоюродный брат нашего биробиджанского раввина М. Шайнера), с которым я познакомился во время поездки в Шанхай.

Сегодня около 50 000 человек – каунасских беженцев и их потомков – обязаны своей жизнью Сугихаре. Когда Юкико Сугихара приехала в Израиль, к ней подошел мальчик лет пяти или шести, который рассказал, что его не было бы на свете, если бы не её муж, спасший от смерти его деда. «Только тогда, – вспоминает Юкико, – я поняла весь масштаб того, что сделал Чиуне».

Японский план, предусматривавший на первом этапе переселение в Манчжурию 50 тысяч евреев из Германии, которые должны были стать авангардом миллиона, остался только планом. Частично из-за хаоса, причиной которому послужили в начале тридцатых годов похищения людей и вымогательства. Были и объективные трудности, связанные с огромными расстояниями, по доставке людей, оборудова-

ния. К тому же нацисты, осознавшие, что происходит, стали энергично протестовать против подобных действий союзника. С другой стороны, еврейское лобби в США и в ряде европейских стран на фоне прихода в Германии к власти Гитлера с осторожностью стало рассматривать предложенный японцами план.

За рубежом в последние десятилетия общественность начинает узнавать подробности этой истории. Япония на протяжении тридцатых годов с подозрением наблюдала за проектом заселения Биробиджана. Открытие архивов, в том числе и японских, поможет исследователям изучить планы по созданию автономного еврейского государства, прототипа Израиля, на севере Китая.

Сколько ещё будет таких, пока неизвестных страниц нашей истории с упоминанием Биробиджана, никто не даст ответа. Зато в нашей воле и в наших силах сделать всё возможное, чтобы написать пусть короткую, всего за восемьдесят лет, историю области, затрагивающую все стороны жизни людей. Об одной из них следующий рассказ.

ИСТОРИЯ БИРОБИДЖАНСКОЙ ОБЩИНЫ

История Биробиджанской еврейской религиозной общины – одна из печальных страниц жизни нашей автономной области. Нет ничего более трудного и сложного, чем писать о гонениях и страданиях людей, которые за веру в Б-га подвергались жестоким репрессиям. При советской власти, покончившей раз и навсегда с религией, неважно было, кто и какую веру исповедовал: христианство, иудаизм или мусульманство.

С высоты двадцать первого столетия эта борьба с религией напоминает средневековую инквизицию, когда церковь уничтожала «неверных», и выглядит как дикая месть вероотступников верующим людям.

Целой системе, партаппарату, карательным органам противостояли старики и старушки биробиджанской синагоги, которые хотели всего-то жить в мире с Б-гом и молились, чтобы завтра не было хуже, чем вчера, чтобы не повторилась больше война, чтобы были здоровы родные и близкие. Эта борьба не могла быть выиграна прихожанами, слишком неравными были силы. Они, как покажут приведенные ниже документы, находились все время «под колпаком». Рычагов у власти в любое время было достаточно, чтобы запретить религию или держать её на коротком поводке, затягивая его или отпуская, когда она этого захочет, играя судьбами людей, как кошка с мышкой.

Политика и идеология в национальном вопросе опирались на внедренный тогда лозунг партии, применяемый ко всем национальным культурам: «Национальная по форме, социалистическая по содержанию». Он означал неминуемую ассимиляцию народов, поскольку не было нужды развивать (в любой форме) национальную культуру. Так, по крайней мере, получилось с применением этой политики в нашей области.

Как бы печально и трагично не выглядели события прошлой эпохи, они являются уже историей, которую нельзя стереть из памяти, как нельзя забыть своих родителей, а тем более вычеркнуть из жизни прошлое. Мне очень хотелось, чтобы эта грустная история из нашей еврейской жизни не оставалась чистой страницей.

Еще лет пятнадцать-двадцать назад тому, кто попытался бы это сделать, не составило бы труда встретиться даже с самыми первыми прихожанами синагоги и восстановить многие пробелы той жизни. Теперь же, в их отсутствие, сделать это намного сложнее. То, что мне удалось собрать, – это не просто везение, это подарок судьбы, которая то с одной, то с другой стороны преподносила поочередно и «вещественные доказательства», и документальные материалы, и свидетельства очевидцев – в ту пору детей прихожан, вспомиравших отдельные фрагменты из жизни общины.

Изучая эту историю с разных сторон и по различным источникам, к своему удивлению, обнаружил, что еврейской историей области, как это ни странно выглядит, больше занимаются историки, писатели, кинорежиссеры, проживающие чаще далеко за пределами нашей области. Интересные факты из биографии области, позволяющие по-новому взглянуть на наше прошлое, я нашел в работах В.В. Романовой – доктора исторических наук, профессора из Хабаровска, Е.С. Гениной – кандидата исторических наук, доцента из Кемерово, Б. Котлермана – доктора наук из Бар-Иланского университета (Израиль), бывшего биробиджанца, Яэля Строма – писателя, музыканта, кинорежиссера, проживающего в США, автора фильма «Лехаим, товарищ Сталин!» (о жизни евреев Биробиджана в 1930-х годах) и многих других ученых и писателей. Часть сведений об общине имеется в областном государственном архиве ЕАО, но всё же больше материалов о ней находится в архивах других городов России и за её пределами.

Первое, что бросается в глаза в книгах и материалах, опубликованных о нашей области до девяностых годов, – это умалчивание и принижение той роли, которую играла еврейская община в послевоенные годы. Отрицается факт наличия раввина в Биробиджане. Из нашей памяти пропало много событий, но остались только недавно ставшие известными решения Биробиджанского горисполкома о реконструкции здания, отведенного под синагогу, разделе кладбища на русское и еврейское, которое просуществовало всего несколько лет, а затем было запрещено. И, конечно, нигде не публиковались факты преследований религиозных или верующих людей, которые велись под флагом борьбы с национализмом и космополитизмом.

После всего, что было скрыто от нас в те годы, я действительно рад, что нашел уникальные вещи, принадлежавшие синагоге, прихожанам, а также документы, рассказывающие об исторических фактах из жизни биробиджанской общины, с которыми теперь каждый желающий может познакомиться в музее иудаики в новой синагоге.

Мудрый Когелет когда-то сказал: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Глава 3.5.). Поэтому всё, что мне удалось собрать о нашей общине, надеюсь, изменит представление, долгие годы бытовавшее у нас в области, о том, что здесь отсутствовала религиозная культура, традиции и, кроме небольшой группы верующих – стариков и старушек, которые ходили изредка помолиться и толком не знали языка, никого не было.

Задолго до того как сюда приехали евреи, в 1858 году, Амурский сводный пеший казачий батальон, сформированный из казаков Забайкальского казачьего войска, начал сплачивать по Амуру, образуя на его левом берегу станицы. В том же году на этой земле были созданы первые 18 станиц. Казаки строили жильё, а в Екатерино-Никольской, Михайло-Семеновской, Раддевской, Пузиновской, Нагибовской, Венцелевской, Благословенной, Головинской, Дежневской и Биджанской станицах соорудили церкви. Чуть позже было открыто ещё несколько церквей и часовен.

В областном государственном архиве сохранились метрические книги Благовещенской духовной консистории. Одна из записей в метрической книге Михайло-Семеновской церкви за 1883 год гласит о рождении Кочева Семёна. Родители: казак Амурского казачьего полубатальона поселка Головинского Иосиф Кочев и его законная жена Анна. У Семёна впоследствии родился один из сыновей – Василий, который женился на Нине Казановой, богатой казачке из рода Казановых, проживавших в селе Лазарево. *(Родовые корни первых казаков-переселенцев, обосновавшихся на широких просторах Приамурья, как показывают исторические документы, приведут любителей генеалогии в Восточное Забайкалье, где названия сел и деревень на карте Читинской области – Колобово, Журавлево, Казаново, Кузнецово, Бочкорево и т. д. – созвучны фамилиям наших поселенцев, чьи имена можно найти в метрических книгах, хранящихся в Госархиве ЕАО).*

На фотографиях той поры в странной, не совсем привычной амуниции, с пашками, они напоминают лихих казаков-разбойников из детских сказок, которые привыкли жить вольно, подчиняясь только своему атаману.

С приходом на берега Амура советской власти многие из зажиточных казаков в период коллективизации и раскулачивания подверглись репрессиям и целыми семьями были расстреляны. Не обошла эта трагедия и семью Казановых, крепких и богатых казаков, которых, как и сотни других, раскулачила и расстреляла советская власть на территории нашей области. С потомками Кочевых-Казановых, ныне живущими в Биробиджане, я познакомился в последние годы, откуда и узнал о судьбе их предков.

Церкви закрыли, на смену религии пришли большевистские принципы коммунистической морали, где не было места вере в Б-га. Религия перешла на нелегальное положение. В одном из документов, хранящемся в Хабаровском государственном архиве, говорится о том, что в области «было 26 молитвенных зданий, из них: закрыто на 1 января 1936 г. 26, переоборудовано под культурно-просветительские учреждения 24, занято под торговое предприятие 1 и складское помеще-

*Кочев Семен Иосифович.
Родился в 1883 году
в п. Головинский. Фото 1907 года*

ние 1. Зарегистрированных служителей культа разных течений не имеется». Разобрались «по полной программе», даже комментировать не надо – и так всё ясно.

Мудрецы Талмуда утверждают, что всюду, где находятся десять евреев, особо чувствуется присутствие Б-га. В Биробиджан сразу приехали тысячи евреев, и не верилось, что среди них были одни атеисты, тем более что прибыли они из мест, где религиозная культура, несмотря на все гонения, продолжала жить за закрытыми дверями и ставнями. Оставалось только найти следы этой жизни и религиозной деятельности, которые должны были прийти вместе с ними из городов и еврейских местечек.

Докопаться до этой информации в официальных документах мне не удалось, но зато ничто не мешало просмотреть старые публикации в журналах, газетах, книгах. Удача улыбнулась, когда в областном краеведческом музее я натолкнулся на рассказ писателя Виктора Финка «Иом-Кипур», что означает «Судный день», самый святой день из всех еврейских праздников.

Финк приехал в творческую командировку в Биробиджан летом 1928 года, в преддверии Судного дня. Он собирался поехать со станции Тихонькая в еврейский поселок Вальдгейм (в такой орфографии дано название села в его рассказе. – И.Б.), чтобы сделать пару снимков на воскреснике по раскорчевке леса, доходы от которого должны были пойти на постройку самолета «Биробиджан». Добрался в поселок верхом на лошади уже затемно. Молитвенные обряды в столь поздний час давно должны были закончиться. Его завели в какой-то дом, где по углам сидели девять человек в совершенно уже безразличных позах.

Увидев вошедшего, все словно проснулись, зашевелились, раздались возгласы: теперь, слава Б-гу, будет миньян (группа из десяти евреев от тринадцати лет и старше образует «общину», или «миньян», которая необходима для общественной молитвы, публичного чтения свитка Торы, чте-

ния «Кадиш»). Финку стало любопытно, и он решил остаться. И вот как он описывает, что было дальше:

«Евреи быстро встали, повернулись лицом к востоку и взяли за свои талесы. Они накинули их на головы, бормоча слова каббалистических славословий. "Так облекутся душа моя, 248 членов моих и 365 жил моих светом заповеди о нитях видения, которая равнозначит 613 заповедям". Не знаю, что это значит. Талесы у евреев старые, рваные, в заплатках. Кто знает? – быть может, они и погромы видали, эти полосатые покрывала, которые живут столько тысячелетий и даже до тайги добрались.

Молившиеся были одеты по-праздничному. Один был в пальто, потому что у него нет приличного костюма. Другой был в пиджаке, но без воротника и галстука. Третий был просто в чистой рубашке. У того, который исполнял обязанности священнослужителя, висела на животе, через весь живот, цепка для часов. Она была медная, но блестела прямо как золотая. Он был портной из Одессы, с Молдаванки, – я узнал это впоследствии. У него была тощая фигура и впалый живот. Он пел молитвы фальцетом. На высоких нотах он становился на носки и выжимал трели из горла, напирая на кадык, – так, как это делают в местечковых синагогах бродячие канторы.

“Слушай, Израиль! Господь бог наш есть господь единый! Он бог наш, он отец наш, он царь наш, он освободитель наш”.

Евреи приехали в Вальдгейм весной. Они подошли к тайге, которая гудела, идохнула на неё горячим дыханием людей, которые хотят жить и трудиться. Они приехали за десять тысяч километров из голодных местечек, из бывшей черты их оседлости, которая осталась чертой их нищеты; они одолели традиции поколений, и расстояние, и тайгу, и построили себе селение, и живут, и корчуют старые пни, и обрабатывают землю. Слушай это, Израиль! И не-Израиль, тоже слушай хорошенько!...».

Рассказ В. Финка был, по сути, первым упоминанием о том, как проходили религиозные еврейские обряды с начала заселения евреями Биро-Биджанского района. Без всякого сомнения, они имели место, хотя о религии писали только в

негативном плане, а карательные меры со стороны государства пресекали любое проявление религиозной активности.

«Борьба против религии» – так называлась небольшая зарисовка из книги Э. Розенталь-Шнайдерман «Биробиджан вблизи», изданной в Иерусалиме в 1983 году. Суть её такова: в Биракане один переселенец – Шмоль-Яков Левин, приехавший из Риги, – выпекает мацу для поселка. Против него начинается жестокая борьба. Ему не продают муку для изготовления мацы, ссылаясь на то, что она нужна для выпечки хлеба и советуя выбросить эти пережитки из головы. Проходят общие собрания, скандал получает огласку в газете. Левин оправдывается, что выпекает мацу для пожилых людей. Но принимается решение провести открытый суд, чтобы показать истинное лицо врага.

В прессе тех лет ведется целенаправленная кампания против «религиозных пережитков». В канун праздника Песах, 17 апреля 1935 года, в газете «Биробиджанер Штерн» была опубликована передовая статья, где призывали всех рабочих и работниц, колхозников и колхозниц бороться с «религиозной контрреволюцией», а в дни праздника Песах работать с преданностью и энергией, чтобы встретить Первой ударным социалистическим трудом.

Через несколько дней в этой же газете был опубликован материал о том, что еврейки в Вальдгейме пекут мацу и кашеруют посуду на Пейсах. Надо бороться с этим явлением, так как много евреев не выходят на работу во время праздника, остаются дома, – говорится в передовице.

В районных центрах и колхозах еврейской области собирались для совершения религиозных обрядов группы верующих евреев – миньяны. Были они в селах Бирофельд, Вальдгейм, Ленинское и некоторых других. Общество иудеев в Биробиджане неофициально образовалось и начало действовать с 1934 года.

Мощное противодействие еврейской общине оказывало образованное в области Райоргбюро Союза воинствующих безбожников (СВБ) – массовая атеистическая организация,

В областном краеведческом музее сохранился уникальный документ, отпечатанный на идиш: «Календарный план антипейсах-мероприятий». В этой пропагандистской афише ука-

אָנמײַסעכ־אָונטנ:		קאַלענדאַר־פלאַן פֿון די אָנמײַסעכ־אָונטנ:		פֿרעגדזשאַנער ראַיאַרג־בּיראָ פֿונעם פֿארבאַנד פֿירגערייטש אָפּיקאַרס.		רעגליענע אַז אָפּוועם פֿאַרן פֿאַלקױ (קאַפּי פֿאַרקאַט)	
טאָג	דאַטש	אַרײַט	אַרײַט	אַרײַט	אַרײַט	אַרײַט	אַרײַט
1	11 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
2	11 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
3	12 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
4	12 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
5	13 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
6	13 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
7	14 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
8	15 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
9	16 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
10	17 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
11	18 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
12	19 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
13	20 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
14	21 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
15	22 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
16	23 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
17	24 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
18	25 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
19	26 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
20	27 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
21	28 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
22	29 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
23	30 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג
24	31 אָפּרעק	קלוב־טעג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג	טאָג

261

Вместе с тем по отношению к иудаизму имела место двойная позиция. С одной стороны, антисемитская линия, проводимая сталинским режимом, не сворачивалась, а с другой – Сталин понимал, что проведение репрессий после войны, в которой были уничтожены миллионы евреев, может привести к падению его престижа и ухудшению отно-

шений с США и Англией. Антисемитская кампания не дала бы ему разыграть и ближневосточную карту. Он надеялся после окончания войны создать в Палестине зависимое от СССР еврейское государство.

На фоне этих событий произошло оживление религиозной деятельности еврейских общин, которое выразилось в росте количества синагог – с 75 в 1946 году до 181 в 1948 году. *(После этого года число зарегистрированных синагог под давлением местных органов власти начало сокращаться, и уже в 1952 году их количество составляло 136.)* В это число не входили молитвенные дома, где собирались евреи, чтобы отметить шабат или праздники, которые официально нигде не значились.

Е.С. Генина в статье «Религия и власть: еврейская община Биробиджана во второй половине 1940 – начале 1950-х гг.» приводит много новых интересных фактов и документов о жизни биробиджанской общины. Вопреки ранее принятым утверждениям об отсутствии в области активной религиозной деятельности иудейской общины, таковая была на всем протяжении истории освоения и строительства Красного Сиона на Дальнем Востоке страны. И, как это обычно бывает, в жизни нашей общины были и белые полосы, и черные, но, к сожалению, последних было намного больше.

25 ноября 1946 года в Биробиджане впервые была официально зарегистрирована еврейская религиозная община. Она была открыта решением Совета по делам религиозных культов как ранее действовавшая.

Раввином общины стал Кац Герш-Мойше Хаймович, работавший экспедитором в облпотребсоюзе, которому в том году исполнилось семьдесят лет. *По данным нашего областного архива, Г.М. Кац приехал как переселенец в декабре 1933 года и устроился «десятником» (бригадиром) в Биробиджанский райпотребсоюз. Учитывая эти архивные данные, думаю, что он был знаком с моим дедом, работавшим с 1934 года заведующим Биробиджанской конторой «Союззаготкож», так как эти организации входили в один потребительский союз.*

Первая биробиджанская синагога разместилась в квартире деревянного дома № 17 по улице Калинина, что и сейчас стоит напротив железнодорожного вокзала. Всех прихожан здесь не могли разместить, и практически сразу члены правления вместе с представителями горисполкома занялись поисками подходящего помещения. С марта по август в этом доме, в тесноте, проводилась вся общинная работа, пока не подыскали подходящее здание почти в центре города, на улице Чапаева.

Теперь это был уже одноэтажный большой деревянный дом площадью 372 квадратных метра, построенный в 1936 году. В нем ранее размещалась гончарная мастерская и было пять комнат для жильцов. Мастерскую ликвидировали, жильцов расселили.

При активном участии А.И. Ярмицкого, бывшего тогда председателем горисполкома, на ремонт и реконструкцию синагоги были выделены строительные материалы. Мебель для синагоги изготовили на местной мебельной фабрике. В том же году было принято решение горисполкома о разделении кладбища на русское и еврейское. (Впоследствии эти решения горисполкома предъявят А.И. Ярмицкому в качестве одного из пунктов обвинения в национализме.)

Ярмицкий стал одним из инициаторов принятия решения «О переименовании Партизанской улицы в ул. им. Шолом-Алейхема». 10 мая 1946 года на заседании Исполкома городского Совета депутатов трудящихся им был сделан доклад по данному вопросу. В целях ознаменования исполняющегося 13 мая 1946 года тридцатилетия со дня смерти великого еврейского писателя Шолом-Алейхема Биробиджанский исполком решает:

«1. Переименовать Партизанскую улицу в улицу имени Шолом-Алейхема.

2. Обязать Зав. Горкомхозом тов. Рубинштейна не позднее 20 мая с.г. вывесить новое наименование улицы».

Через десять дней после еврейского нового года, 24 сентября 1947 года, в праздник Йом-Кипур состоялось торже-

ственное открытие синагоги в присутствии почти 400 человек. Это событие не осталось без внимания Б.М. Гребенникова, уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю. Из сделанных им записей мы сегодня знаем, что около 150 работниц швейной фабрики в этот день самовольно оставили работу и ушли в синагогу. В том же году 200 работниц обратились к директору с просьбой освободить их от работы для посещения синагоги в праздничные дни. Одновременно община обратилась к уполномоченному с просьбой освободить от работы всех верующих на три дня праздника Йом-Кипур, но получила отказ.

В общину записались и числились по списку почти 300 человек. Даже в будние дни синагогу посещали от 80 до 150 прихожан. По сведениям Гребенникова, община уже имела в то время большое влияние на окружающее население.

В марте 1948 года было получено официальное разрешение на проведение службы, а 28 сентября с горисполкомом был заключен бессрочный договор о бесплатном пользовании помещением. Начиная с 1947 года и до мая 1948 года синагогу посещали не только пожилые люди, но и молодежь. В праздничные дни на Песах, Йом-Кипур, Рош га-Шана собиралось до 400 и более человек. Активными участниками общины были даже близкие родственники работников горисполкома и облисполкома, некоторые партийные и комсомольские работники.

Из докладных записок Гребенникова видно, что члены общины активно обсуждали «палестинский вопрос», который решался в то время на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом верующие порой с ревностью относились к созданию второго еврейского государства, полагая, что достаточно уже образованной Еврейской автономной области. В этом он разглядел некую крамолу, считая, что члены общины занимаются обсуждением больше политических вопросов, нежели религиозных. Озабоченность уполномо-

ченного вызывали и активные контакты руководства общины с приезжающими из-за рубежа евреями, особенно из стран Америки, что, по его мнению, приводило к подверженности прихожан влиянию буржуазной идеологии.

Перед общиной, кроме создания в Биробиджане еврейского кладбища, стояли задачи издания еврейского календаря, открытия магазина кошерного мяса, получения белой муки для выпечки мацы. Летом 1948 года община, собрав деньги, отправила раввина Каца в Москву для решения этих проблем, но Совет по делам религиозных культов разрешения на эту деятельность не выдал.

В тот же период возрастает давление на руководителей предприятий, отпускавших работников на религиозные праздники. Но, несмотря на это, на Йом-Кипур 1948 года почти 600 биробиджанцев пришли в синагогу, чтобы почтить самый знаменательный праздник еврейского народа. В большом и малом (предназначенном для женщин) залах мест не было, люди стояли во дворе, на улице. Кто молился, кто просто пришел пообщаться, и многим это уже казалось возрождением еврейской культуры, традиций древней истории. Но в 1949 год на Йом-Кипур синагогу посетили уже только около 450 человек, в 1950 году – 350 прихожан.

Религиозная община постепенно стала утрачивать своё влияние. Если в марте 1948 года в ней было зарегистрировано 300 человек, то на 1 июня – всего 43. Снизилась посещаемость синагоги прихожанами: после мая 1948 года в пятницу в синагоге бывало 25–30 человек, в субботу – от 60 до 100. Резко сократились денежные сборы, в связи с чем несколько месяцев кантор синагоги С.А. Каплун не получал жалованья. Зимой 1948–1949 года из-за того, что не было средств на отопление, синагога часто была закрытой. Уже сами верующие говорили: «Община наша очень бедная, никто не помогает, хорошие люди почему-то выходят из общины».

Оценивая сложившуюся в 1949 году обстановку, Б.М. Гребенников отмечал: «Особенно резкое сокращение посещений синагоги верующими в Биробиджане произошло потому, что обком

ВКП (б) и горком партии крепко прижали кое-кого из членов, кандидатов партии и тех городских руководящих работников, которые либерально-покровительственно относились к своим близким родственникам, которые посещали синагогу и совершали все религиозные обряды». Во время начавшегося наступления на религию община лишилась раввина. По сведениям из архивов Хабаровского края, на 1 октября 1950 года председателем правления общины стал Лейб Гершевич Гефен, 1880 года рождения, проходивший по документам как иждивенец.

Переломным моментом в жизни еврейской общины стал 1950 год. В справке «О религиозном движении и деятельности религиозных культов по Еврейской автономной области», которую Б.М. Гребенников в октябре 1950 года направил в Хабаровский крайком ВКП (б), сообщалось о все еще сохранявшейся в Биробиджане нездоровой обстановке, об имеющихся у членов правления общины родственниках – членах партии.

Под грифом «Секретно» секретарю обкома ВКП (б) ЕАО Адаскину за подписью Гребенникова был направлен для сведения список «активных религиозников». В нем красным карандашом отмечены члены правления, члены ревизионной комиссии, кантор общины. В списке фигурировало 45 человек, в том числе 31 мужчина и 14 женщин. Большинство из них родились до 1900 года и уже давно были на пенсии. Из них оказалось: иждивенцев – 13, домохозяек – 13, работников горжилуправления – 4, райпотребсоюза – 3, инвалидов – 3, работников гастронома – 2, госбанка – 1, бани – 1, фанерного завода – 1, нефтебазы – 1, базара – 1 (сведения о двоих прихожанах отсутствовали). Из текста справки становится понятно, что под подозрение попали руководители райпотребсоюза и горжилуправления, позволявшие «активным религиозникам» в рабочие дни посещать синагогу во время еврейских осенних праздников. Разобраться с каждым из них партийному комитету труда не составляло, так как здесь же были указаны место работы и домашний адрес каждого члена общины.

Анализируя спад религиозной активности, Б.М. Гребенников писал в 1950 году: «...религиозное движение значительно снизилось. Как пример: прошлые годы посещение синагоги в осенние праздники, особенно в “Судный день”, было значительно больше, чем в этом году, обыкновенно верующие не помещались в здании синагоги, стояли на улице под окнами и в ограде. Были случаи, когда на праздник “Судный день” приезжали в синагогу на автомашинах колхозники из близлежащих колхозов. В осенние праздники прошлых лет посещали синагогу не только лица преклонного возраста, но обыкновенно присутствовало много молодежи и детей».

После завершения праздников 1950 года председатель правления общины Л.Г. Гефен, как бы вторя ему, заключает: «Наши праздники с каждым годом проводятся беднее, вера падает, верующих, посещающих синагогу, все меньше и меньше, наши расчеты на то, чтобы в праздники собрать побольше средств и отремонтировать синагогу, не оправдались».

В начале 1951 года Л.Г. Гефен встречается с уполномоченным, чтобы определиться с дальнейшей работой общины. Из правления общины выбыла часть членов, и возникли проблемы с довыборами, посещаемость молитвенных собраний снизилась, не было денег даже на свечи, не говоря уже о том, что требовался ремонт синагоги. Гефен заявил о невозможности исполнять свои обязанности. К тому времени из-за давления власти из Биробиджана выехали главные организаторы синагоги – раввин Г.Х. Кац, З.И. Вайсер и многие другие верующие.

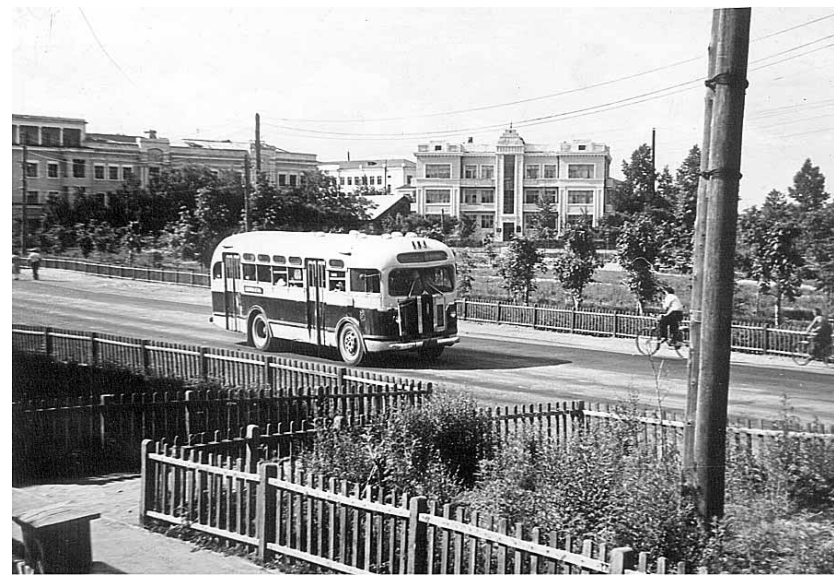
Несмотря на серьезные организационные и финансовые проблемы в общине, власти по-прежнему собирают «компромат» на верующих и просто зашедших в синагогу. В 1951 году «...на празднике “Судный день” (Йом-Кипур. – И.Б.) в синагоге был часа 2, не больше, один член ВКП (б) и один комсомолец. 11 октября выяснено было, что комсомолец по фамилии Сирота послал в синагогу горком ВЛКСМ, а член ВКП (б) по фамилии Колтун зашел молиться, но застеснялся и убежал. Горком ВКП (б) будет обсуждать поступок Колтуна на бюро, вынесет свое решение».

В 1952 году впервые в синагогу в праздничные дни не приехали верующие из колхозов, не было нарушений трудовой дисциплины, связанных с самовольным уходом с рабочих мест, так как руководители предприятий уже просто боялись отпускать людей на религиозные праздники. Перестали проводиться религиозные обряды. Верующих евреев хоронили без соблюдения ритуала на общем кладбище. Община уже не настаивала на отводе отдельного кладбища для евреев, не просила организовать приготовление и продажу мацы и кошерного мяса.

Последний всплеск религиозной активности общины пришелся на праздник Йом-Кипур, который состоялся 18 сентября 1953 года. В синагоге присутствовало около 600 человек. Но такая активность прихожан вызвала ответную реакцию власти. Как считает Д. Вайсерман, власти разработали операцию по дискредитации общины, спровоцировав через две недели в дни праздника «Кушей» драку и ночной погром в здании синагоги. *(Еврейский праздник «Кушей», или «Суккот», начинается с 15-го дня месяца тишрей и через четыре дня после Йом Кипура, продолжается 7 дней. Слово «сука», давшее название празднику, переводится как «шатер» или «шалаш», или «кущи».)*

Всё это стало поводом для принятия исполкомом областного Совета народных депутатов в ноябре того же года решения о закрытии синагоги. Это было начало конца её существования. Драка и скандал, учиненные в тот день, рассорили прихожан, и они перестали ходить в синагогу. Лишь изредка собирались старики и старушки на шабат и праздники, и двери её были чаще закрыты, чем открыты.

Спад религиозной деятельности общины шел на фоне жестоких мер, принимавшихся с 1949 года как к руководителям области, так и к еврейской интеллигенции, среди которой были писатели, поэты, учителя, артисты. На фоне этих репрессий были закрыты областной музей, еврейский театр им. Л.М. Кагановича, прекратилось изучение языка идиш в школах. Это было наступление по всему фронту под флагом борьбы с буржуазным национализмом и космополитизмом.

Ул. Шолом-Алейхема. 1949 год

В духе того времени в феврале 1949 года был сделан доклад первого секретаря обкома ВКП (б) А.Н. Бахмутского. В разделе «Вопросы идеологической работы» он отмечал: «...обком партии допустил серьёзную ошибку, совершенно забросив антирелигиозную пропаганду, хотя сигналы активности религиозников у обкома были. Обком не сделал для себя выводов даже после того, когда члены семей некоторых наших руководящих работников, в т.ч. и областных, начали посещать синагогу. Бюро обкома ограничилось тогда внушением этим работникам, но не организовало обсуждения в партийных организациях вопроса об отношении партии к религии...

Надо развернуть активную наступательную антирелигиозную пропаганду как против иудейской, так и против христианской религии...».

А.Н. Бахмутский вынужден был балансировать на грани борьбы с властью за национальное развитие области и преодоления сильнейшего давления на него с разных сторон, выразившегося в предъявленных обвинениях в «буржуаз-

ном национализме», потворстве «космополитам». Эта борьба была им проиграна. Против него были задействованы партийные, государственные, карательные органы, целью которых было уничтожить еврейскую культуру в еврейской области, и они за цену не постояли.

Вслед за расправой с Бахмутским, как смерч над областью, пронеслись аресты руководителей и директоров предприятий, сельских хозяйств рангом поменьше и, в первую очередь, интеллигенции. Любые проявления интереса к национальному развитию трактовались как вредная националистическая идеология, с которой надо бороться, выжигая её каленым железом.

Через два года А.М. Бахмутский вместе с М.Е. Левитным, председателем облисполкома, и А.И. Ярмицким были исключены из партии за «буржуазный национализм и космополитизм». Их позиции, прежде всего в политических и национальных вопросах, были признаны ошибочными, и наказание не заставило себя ждать. Как и сотни других биробиджанцев, они были осуждены на различные сроки и впоследствии реабилитированы. Но не дожидаясь реабилитации, умер в тюрьме М.Е. Левитин. В последующие годы на биробиджанскую землю никогда уже не возвратится та энергия, с которой руководители области пытались создать её экономику и возродить национальную культуру.

Сменивший А.Н. Бахмутского на посту секретаря обкома КПСС П.В. Симонов проделал черную работу, уничтожив весь цвет интеллигенции области и все ростки национальной культуры. В 1952 году партийным руководителем области стал А.П. Шитиков, который также приложил руку к борьбе с «безродными космополитами» и «буржуазными националистами».

Эти архивные данные и документальные материалы, присланные мне из Сибири Еленой Гениной, восполняют многое из того, о чем мы догадывались и что могли только предполагать. С большим трудом удалось разыскать детей прихожан пятидесятых годов, которые сегодня предпенси-

онного или пенсионного возраста. Их воспоминания – это тоже документальные свидетельства очевидцев событий тех лет. И они так же дороги мне, как и архивные документы.

Несмотря на гонения и угрозы, пожилые евреи продолжали посещать по субботам и праздникам синагогу. Я ни разу не был в том общинном доме, стоявшем на углу улицы Чапаева и переулка Щорса, поэтому пришлось собирать информацию буквально по крупицам. Из первых прихожан никого уже нет в Биробиджане: кто уехал в Израиль, а кто давно ушел в мир иной. Мои сверстники, проживавшие неподалеку, вспомнили своё детство на тех улочках, избу, превращенную в молитвенный дом, и всё, что было связано с ней в те годы.

В воспоминаниях Михаила Бройтмана, внука Эйныха Альцикера, одного из последних председателей еврейской общины, она осталась как старый одноэтажный дом с печным отоплением. Дощатая наружная дверь, ведущая в коридор, плотно не закрывалась и скрипела на петлях. Из этого коридора сразу попадаешь в комнату размером около семидесяти квадратных метров. В центре была оборудована, как полагается, Бима с загородками (*возвышение (кафедра) в синагоге, предназначенное для чтения Торы и других выступлений. В некоторых общинах эта кафедра служит и для ведущего молитву*), напротив был установлен длинный стол со скамейками вокруг него. У стены стоял вырезанный из дерева Арон-Кодеш (*специальный шкаф в синагоге (священный шкаф), в котором хранятся свитки Торы*). Арон Кодеш был закрыт парохет (*так называется занавес над Арон Кодеш*) из красного бархата. На столе стояли несколько подсвечников и менора. Из этого зала был проход в две комнатки поменьше. В одной из них находились при чтении молитвы женщины, другая была комнатой председателя общины.

Стены в комнатах были оштукатурены и побелены какой-то серой известкой, отчего помещение казалось неухоженным и грязным. Окна были закрыты деревянными ставнями, которые открывались изредка, по праздникам, а два

окна были просто заколочены досками. Свет слабых лампочек растворялся в серых стенах, и в комнатах становилось не очень уютно и мрачно.

Дом давно не ремонтировался, и поэтому кое-где прогнившие доски на полу, особенно в коридоре, предательски прогибались и иногда переламывались, создавая проблемы с проведением ремонта. Михаил, по профессии электрик, часто ремонтировал обгоравшую электропроводку, предупреждая деда об осторожности. Из-за этой проводки не раз происходило замыкание, и она загоралась, но, к счастью, вовремя тушилась.

Домишки такого типа в пятидесятых годах стояли на многих улицах города. Сносить эти хибары никто не собирался, люди их латали, терпели и жили в этих трущобах, так как другого жилья не строили. Из таких одно- и двухэтажных деревянных домов, построенных из бруса, да ещё из длинных засыпных бараков, которые успевали почернеть из-за нашего климата за несколько десятилетий, состоял, в основном, жилой фонд города. В этих домах осенью и зимой было много мышей и крыс, а летом под крышей появлялись гнезда ос и пчел. Только в начале шестидесятых годов, когда началось строительство «хрущевок», их постепенно начали сносить.

Эйных Альцикер не заканчивал хедер и тем более ешиву. Он хорошо знал идиш и самостоятельно выучил иврит. Как кантор, он читал Тору. Вместе с ним проводили службу Марк Случ, Аврум Зингер, был в общине и шойхет – Борух Майзлер

На шабат всегда был миньян, собиралось иногда до сорока человек. На еврейские праздники в общину приходило до ста человек, и тогда открывали двери, ставни на окнах, чтобы стоявшие во дворе люди могли слышать слова молитвы. По желанию евреев, соблюдавших обычаи, проводились и свадебные обряды в религиозной традиции.

Закрывать этот общинный дом в те годы уже ни у кого рука не поднималась. На молитвы ходили одни старики и старушки, молодежи не было, и, следовательно, никакого вреда они

принести не могли. Альцикер рассказывал Михаилу Бройтману, что не раз к ним заходили «большие партийные руководители», укладкой давали три рубля для того, чтобы за них прочитали молитву и помянули умерших родственников. После этой службы дед возвращался навеселе, в приподнятом настроении, вспоминая добрым словом партийцев. Когда же наступал праздник Песах и в общину завозили мацу, дед раздавал её, в том числе партийным и советским руководителям, выказывая таким способом свое внимание к ним и радушие.

Мой знакомый, Владимир Масленников, вспомнил своих родителей: отец его учил в валдгеймской школе идиш, где преподавал язык Исаак Пришкольник. В семье старались соблюдать еврейские традиции. Отец после окончания школы настолько хорошо знал идиш и иврит, что помогал делать переводы для руководителей колхоза и начальников из района. Его бабушку хоронили по иудейским обычаям, читали молитву. Власть уже не разрешали в то время хоронить евреев на отдельном кладбище, стремясь поломать еврейские обычаи, но запретить проведение обряда не могли.

На улице, где стояла синагога, жила семья Жени Малярского. Когда в еврейские праздники, проходившие в осенний период, открывались ставни окон, на подоконник выставлялась медная тарелка, и евреи, пришедшие на молитву, бросали в неё монетки, кто сколько мог. Ребята постарше говорили ничего ещё не понимавшему шестилетнему Женьке, что надо подойти к окну, взять из тарелки пару монет и быстрее унести ноги. Когда это удавалось, парни хвалили его за шустрость, а когда нет, то он получал сполна и от взрослых, и от своих друзей.

Но был один замечательный праздник – Ханука. Детям он больше запомнился под именем «Ханука-пончики» и «Ханука-гелт» (*гелт* в переводе с идиш – деньги). Женька не знал, как звали высокого старца в больших очках с выпуклыми толстыми стеклами-линзами, с длинной и тощей бородкой, который медленно и осторожно, словно слепой, прохаживался на полусогнутых ногах с палочкой в руке по

этой улице. Но когда он появлялся на улице на Хануку, пацаны с этой и близлежащих улиц шли за ним гурьбой, чему-то радуясь, и с удовольствием кричали: «Таричелли-Галилей, Ханука-гелт, Ханука-гелт!» Такое прозвище – Таричели-Галилей, непонятно откуда взявшееся, он получил за свой странный вид.

Старик разбрасывал незаметным движением руки медные монетки, а малышня, шедшая следом, старалась ничего не упустить. Даже после того, когда он уходил домой, они возвращались по этой улице в надежде, что где-то еще остались копейки, не найденные с первого захода.

Старый дом доживал свой век, и когда он стал разваливаться, восстанавливать его не стали. В последние годы его существования произошла ещё и кража. Были похищены священные для евреев свитки Торы.

Судьба уготовила этой синагоге печальный конец. В книге И. Эмиота «Биробиджанское дело» есть небольшой рассказ о событиях тех дней. Не знаю, участвовал ли сам Эмиот в спасении имущества синагоги и тушении пожара, но, сделав перевод с идиш, я понял, что это свидетельство очевидца событий. Он описывает атмосферу трагедии, эмоции людей, принимавших участие в тушении пожара, без которых трудно ощутить прошлое время (перевод с идиш. – И.Б.).

«Евреи, произошло несчастье. Биробиджанская синагога сгорела. Много прихожан в ней не было. Она действовала уже не так активно. Только раз в неделю, в субботу, туда ходили помолиться. В основном приходили старики, старушки, но на праздники Рош га-Шана и Йом-Кипур она была полная. Тогда приходила и молодежь, которая заранее просила у бригадира на производстве дать выходной, обещая потом за этот день отработать в течение недели.

Пожар начался от мастерской, которая стояла неподалеку. Здание сгорело полностью вместе с соседними домами. Во время пожара они еле успели спасти свитки Торы. Не дожидаясь приезда пожарников, религиозные евреи бросились в огонь, чтобы спасти свитки и все, что осталось. Они даже спасли несколько разорванных молитвенников и сидур.

Биробиджанское небо стало красным от огня. В этом огне ушло последнее звено еврейской культуры, за которое они держались из последних сил. Потом группа евреев приобрела домик, чтобы продолжить еврейскую традицию. Это был маленький дом, который стал островком для древней еврейской культуры и традиции, вокруг которого образовался современный иудаизм, представлявший собой пустоту».

После пожара люди тогда говорили, что синагогу сожгли. Не верилось, что это произошло случайно. Но в тот весенний день был очень сильный ветер. Мне удалось найти пожарных, которые принимали участие в тушении строений, а также уже пожилых биробиджанцев, в те далекие времена бывших свидетелями этого происшествия.

В тот весенний день Вольф Кац, как и все биробиджанские студенты, приехал утром из Хабаровска домой к родителям отдохнуть на воскресные дни. Выйдя на улицу, Вольф увидел, что мимо него бегут люди в сторону фабрики «Ширпотреб». Дым и проблески пламени были уже видны над крышей здания. Народ сбегался поглазеть на большой пожар, и Вольф тоже ринулся за ними.

Искры летели на стоящие рядом сухие строения. Ветер способствовал быстрому распространению огня. Огонь перекинулся с мастерской на синагогу и соседние жилые дома. Прибывшие пожарные не в состоянии были погасить разраставшееся пламя из-за сильного ветра и высокой температуры. Вода в их бочке закончилась очень быстро, и машина уехала заправляться.

Власти города приняли решение направить в помощь пожарным на рядом расположенную ветку Гортопа пожарный поезд. (Эта ветка существовала с войны. На ней в резерве стояли три санитарных поезда. В семидесятых годах она была ликвидирована, и на её месте построили улицу Торговую, переименованную впоследствии в улицу Миллера).

От паровозной емкости с водой пробросили пожарные рукава и стали качать воду, заливая огонь, но и это не помогло, вода и там быстро кончилась. Пламя на ветру наби-

рало силу, и искры разносились на десятки метров. Когда огонь уже охватил синагогу и стоящие рядом дома, на улице начался настоящий гвалт, который вместе с шумом рушащихся фабричных строений и треском горящих досок создавал страшную картину хаоса.

Прихожане бросались в горящее здание и выносили все, что ещё можно было спасти, – священные свитки, молитвенники, книги, религиозные атрибуты, мебель. Из жилых домов, уже охваченных огнем, люди вытаскивали свой небогатый скарб. Стоявшие рядом дома, которые огонь ещё не достал, жильцы обливали из ведер, доставая воду из соседнего колодца.

Если бы это было ночью, то последствия могли бы быть намного серьезнее. Пожар тушили долго, ветер не давал локализовать очаги, а сухие деревянные строения горели, как спички. Даже на утро следующего дня пожарные ещё заливали тлеющие головешки зданий.

Дым этого пожара был виден из нашего двора, а разговоры после него ещё долго не утихали. Мои родители переговаривались между собой, обсуждая, как могло такое произойти, чтобы разом сгорели фабрика и синагога. Мама работала на этой фабрике и после пожара решила перейти во вновь созданное ателье мод, в котором проработала до самой пенсии.

Эта синагога была последним бастионом и оплотом уже немощных хранителей религиозных традиций еврейского народа. Когда этот бастион сгорел, старики и старушки, взяв с собой узелки с молитвенниками и едой, тайком собирались на кладбище, где-нибудь под сенью деревьев, и читали субботние молитвы. Об этом удивительном факте мне поведала моя бывшая учительница географии Б.Я. Хинкис. Кто бы мог заподозрить, что они шли на кладбище, чтобы проводить шабат? Эта конспирация спасла их от преследований власти в то время.

Слева направо: председатель общины Э.Ш. Альцикер, канторы М.Д. Случ и А.Е. Зингер. Фотография из брошюры «На берегу Амура», выпущенной издательством АПН в 1984 году к 50-летию ЕАО

В нашем областном архиве мне помогли найти документ, подтверждающий слова И. Эмиота о покупке домика. В 1956 году был действительно куплен на собранные евреями деньги небольшой дом на той же улице. В числе тех, кто внес деньги для покупки дома, родные, дети и внуки прихожан назвали мне фамилии Гефена, Альцикера, Зингера, Рейдмана, Червонного. Биробиджанская религиозная община иудеев в лице председателя правления Лейба Гефена, как записано в договоре купли-продажи, приобрела бревенчатый дом жилой площадью 37,7 квадратных метра с пристроенными к нему бревенчатым тамбуром, тесовой террасой, сараем размером 3 на 4,3 квадратных метра, расположенными на земельном участке мерою 930 квадратных мет-

ров, за двадцать шесть тысяч четыреста рублей – очень большие по тем временам деньги для нашего небольшого города. По всей видимости, вновь было разрешено открыть синагогу сугубо для пенсионеров, так как других прихожан в то время уже не было.

О судьбе Лейбы Гефена мне удалось узнать в Валдгейме от его племянника Зямы, а заодно услышать историю освоения этого самого известного села в еврейской области из уст одного из первых переселенцев.

Залман Гефен в свои 86 лет выглядит неплохо. В селе все зовут его просто Зяма, как в детстве, и он привык к такому обращению. Ему кажется, что он всё ещё молодой. Дай Бог ему прожить 120 лет.

Большой дом Гефенов стоит в самом центре села Валдгейм. Их здесь знают все, как говорится, «каждая собака». По крайней мере, три здоровенных кобеля в его дворе, увидев меня, лаяли на морозе до хрипоты, пытаясь порвать цепь и ошейник, и только Залман сдерживал их напор.

Мы сидим за круглым столом, и мне не верится, что ему уже столько лет. Когда Зяме было 8 лет, в 1929 году родители привезли его на Дальний Восток, на станцию Тихонькая, и с тех пор о Гефенах разве что приезжий не знает. Вот и в местном музее целый раздел выставки посвящён этой большой семье.

Уже не один раз он рассказывает историю своей жизни, и, кажется, это ему поднадоело. Он занят делом, и незапланированная встреча не входит в его рабочие планы. С Зямой встречаются последние годы десятки зарубежных корреспондентов, которых интересует история великого переселения евреев на Восток. Это ему льстит. А тут пришел к нему я, ладно, хоть не корреспондент. Да и вопросы мои даже не о нем самом, а о той, прошлой жизни.

Зяма, наконец, настраивается на мою волну и понимает, что меня интересует больше всего. Живые глаза и внимательный взгляд этого человека никак не вяжутся с его возрастом. Опустив голову, он смотрит на свои еще сильные

натруженные руки, покрытые тонкой чуть морщинистой кожей. В молодости, рассказывают соседи, он был очень силен, на спор, вместо лошади, мог запрячься в лямку и тянуть плуг. Он слегка поглаживает руки, и кажется, что именно эти движения помогают ему вспомнить детские годы, проведенные в Вильно. *(Город известен с 1128 года. Переходил под управление Литовского княжества, Речи Посполитой, Российской империи. Евреи жили там с начала пятнадцатого века. Это был один из крупнейших центров еврейской культуры в Восточной Европе. Евреи Литвы называют его «Литовский Иерусалим», и этим уже всё сказано. В 1920 году город перешел к Польше, а в 1940 году Вильнюс стал столицей Литовской ССР.)*

Родители Зямы работали на помещика, земли своей не было, но и после революции жизнь в Вильно лучше не стала. Погром 1919 года, устроенный поляками, унес жизни более чем 80 евреев. Страх, голод и нужда заставили искать новое место, к тому же брат отца звал всех в Казань. Так в 1924 году все вместе переехали с семьями в Казань. Там построили мельницу, вроде бы пошла работа. Но жизнь и там стала тяжелой. Были планы уехать или в Палестину, или в Америку. А тут как раз в 1927 году началась кампания по переселению евреев на землю.

В синагоге собрали людей и стали агитировать записываться для переселения в Крым. Но что-то не пошло, и Крым отпал. Затем пришли уже агитировать в какой-то Биро-Биджан. Два брата отца – Вульф и Лейб – поехали на Дальний Восток посмотреть, что это за место такое, можно ли там жить. Их определили сразу в Опытное поле. Зимой кое-как перезимовали, но весна не принесла радости.

Гефены, которые всю жизнь работали на помещичьей земле и знали, как с ней обращаться, когда снег растаял, были не в восторге от того, что им предложили. Им не понравилась эта тяжелая земля, и они переехали в Худзиновку.

Зяма помнит свою юность, валдгеймскую жизнь, как будто это было только вчера:

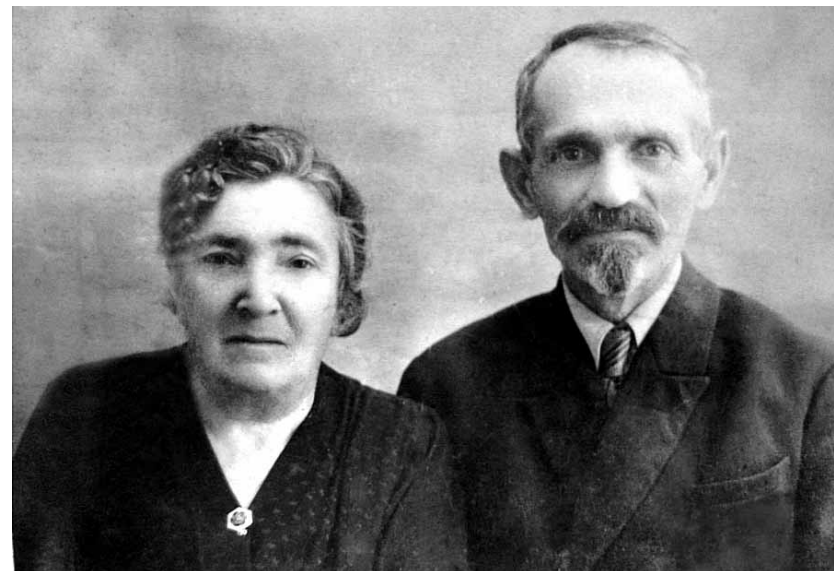
«...Гефены привезли с собой Тору, талесы, тефиллины, а здесь ничего нет, ни синагоги, ни молитвенного дома. Пусть и не были все приехавшие сюда верующими, но праздники соблюдали.

Работали с восхода и до заката. И каждый день хотелось кушать, а мяса, кроме свинины, в первый год ведь никакого и не было. Пришлось завести поросят, так и пошло. Каждый раз от чего-то отступали, что-то забывали из той прошлой жизни. На праздники, правда, курицу зарезать приглашали шойхета, прочитывать молитву – Лейб был всегда рядом. Дядя мой Лейб читал Тору, Сидур, различные молитвы.

В 1937 году, когда начались репрессии, в один из дней приехали на машине и забрали брата отца – Вульфа, который работал свиноматом на ферме. Потом нам сообщили, что его расстреляли. До сих пор не знаем, за что. Отец тогда сжег почти все книги, так как боялись, что это может стать поводом посадить его и отправить в лагерь, а в тюрьму никто не хотел. Мама, несмотря ни на что, продолжала верить и соблюдала все обычаи. В Валдгейме синагоги не было, собирались периодически на квартирах. Несколько раз у нас дома собирались женщины.

Отец был не религиозным, да жизнь тогда не давала выбора. Вот, например, шойхет зарезал, как полагается, корову, надо позвать ребе, чтобы тот проверил, кошерная она или нет. И если ребе находил там какие-то узелки, то животное считалось некошерным. Еврею нельзя было его кушать, – надо, говорил ребе, продать гою (не еврею. – И.Б.). А что же кушать? Другой коровы нет, а без мяса, если на улице мороз, холодно, голодным будешь. Вот отец и вынужден был оставить эти обычаи и традиции на другое время.

Когда была образована область, Лейб с женой переехали в город, купили дом. Всё своё свободное время он посвятил биробиджанской общине. Лейб стал хазаном и до последних сил отстаивал её интересы (хазан ведет в синагоге общую молитву и представляет всю общину в обращении ко Всевышнему), по крайней мере, так о нем говорили старики, вспоминавшие те времена. Лейб умер в 1966 году, прожив 86 лет».

Лейб Гефен с супругой

Двумя годами позже в возрасте 88 лет умер последний староста синагоги – Давид Червонный, которого холодной февральской стужей похоронили по еврейским обычаям, завернутым в саван.

В 1986 году моему брату, работавшему в то время главным архитектором города, поручили подыскать подходящее помещение для еврейской общины. Горисполком выделил тогда дом на улице Маяковского, привел его в порядок и передал общине, которую уже возглавил Борис Кофман. Туда же перенесли спасенные книги на иврите и идиш, старый Арон кодеш, выцветшую со следами огня парохет, стол, стулья, кое-какую утварь и все, что осталось ещё целым после пожаров и краж.

Ребу Дову Кофману достались в наследство от старой синагоги на Маяковского затертые Торы и молитвенники, старая мебель, религиозные атрибуты и немного прихожан, которые приходят к нему на шабаты и в праздники. Они

преданы этой синагоге, несмотря на то что в городе есть новая, да и раввин Мордехай Шайнер, молодой, умный и грамотный, окончивший иешиву, читает Тору наизусть и, добавок ко всему, знает много еврейских песен и прекрасно поет на идиш.

Но этим старичкам и старушкам ближе старая обитель, вся обстановка в синагоге, в которую, как нельзя кстати, вписывается реб Дов с его густой седой бородой и добрыми глазами. Возможно, он напоминает им об их родителях, бабушках, дедушках. А может, то, что они сюда ходят, – заслуга самого ребе Кофмана, который знаком им с детства и которому они доверяют все свои проблемы?

Скорее, как раз во всем этом и живет память об их прошлой жизни, в которой ещё предками были заложены древние религиозные традиции. И эта память напоминает о себе каждым уголком этой синагоги, каждой страничкой столетнего талмуда, старыми скамейками, столами, мебелью и еще только им известными приметами прошлого.

Реб Дов Кофман мой одногодка. Он родился в селе Бирофельд. Родители Дова (Бориса по паспорту) приехали по вербовке в 1948 году из Белоруссии. Они не были верующими людьми. Отец был направлен директором в Бирофельдскую школу, мать там же была завучем и пионервожатой. Деда с бабой он и не видел, они погибли в войну.

Затем родители переехали в Биробиджан, а Борис после окончания школы поступил в Дальневосточный государственный университет во Владивостоке на факультет математики. После окончания университета поработал в школе, на фабрике и как-то не мог найти свое место в жизни.

«В 1983 году, – вспоминает реб Кофман, – я пошел искать синагогу, пришел на Чапаева, смотрю, сидят на скамеечке возле дома несколько старушек. Они мне подсказали, где живет председатель общины Альцикер. Зашел к нему, говорю, что хочу ходить в синагогу, а он на меня смотрит и говорит: “Зачем тебе это надо?”. Но я настоял, и он, увидев такое упорство, сказал мне, ког-

да приходить на шабат. Евреи в то время ходили в синагогу совсем старые и всего боялись.

Стал я регулярно ходить на шабаты. Всякое было в то время. Был даже такой случай. Во время молитвы в синагогу зашел совершенно пьяный русский, стал на колени и начал креститься. Ему Хазан говорит: “Выйди отсюда”, а он не уходит и продолжает креститься. Поиздевался таким образом над всеми и ушел.

Весной и осенью на праздники очень много народу собиралось. Особенно на Йом-Кипур. Приносили записанные на бумажках фамилии людей, чтобы помянуть родственников.

Старики не хотели менять Альцикера, но и сами делать уже ничего не могли. Мне пришлось все организовывать самому, ходить по городским организациям, просить помощи. Здание синагоги на Чапаева было совсем в плохом состоянии. В 1986 году я подключился к ремонту синагоги на Маяковского, который с трудом был завершен. Переехали туда сразу после праздника Суккот. Перенесли все, что осталось из книг и мебели после пожаров, и даже несколько кусков обгоревших досок от старой синагоги. Привели все в порядок, и на очередном собрании меня избрали председателем религиозной общины “Бейт-Тишув”, но была одна проблема – я не знал языка Торы.

Пришлось самостоятельно заниматься изучением иврита. Нашел Танах, стал сравнивать буквы, слова и так постепенно научился. Один из наших евреев-прихожан немного помог. Как-то приехал один человек по фамилии Мухен из Хабаровска, и он тоже помог мне с языком.

Первый раз, после многих лет, провели Хуну в 1988 году (Хупа представляет собой навес из материи на четырех шестах, который символизирует дом жениха, куда он вводит невесту. Иногда этим словом называют весь обряд бракосочетания. – И.Б.). Прочитал в книгах, как это должно быть, женщины сшили Хуну – шатер, в общем, все сделали, как положено. Народу собралось много.

Правда, потом папа мне сказал, что не надо было её вообще делать, так как евреи за рубежом подумают, что мы хорошо жи-

вем. Старые люди боялись по-прежнему, в них ещё был страх гонений и преследований евреев, оставшийся в памяти с детства».

Эйных Альцикер изредка приходил в эту новую синагогу. Здоровье было уже не то. На шабат даже миньян не собирался по простой причине – старики умерли, а молодежь не испытывала интереса к этим обрядам, не понимая и не зная своей древней культуры и истории.

В восьмидесятые годы в эту синагогу Леонид Школьник, редактор газеты «Биробиджанер Штерн», часто приводил зарубежных корреспондентов сделать пару снимков для подтверждения существования религиозной жизни в Биробиджане. Иногда это было лишь фото фасада домика, так как он чаще был закрыт, чем открыт. Между тем он таил в себе спрятанные от посторонних глаз свидетельства нашей еврейской истории Биробиджана, которые открыты были мною только сейчас.

14 февраля 2006 года произошло событие, которое впоследствии будут вспоминать многие исследователи Биробиджана и просто интересующиеся историей еврейской жизни. В этот день реб Дов Кофман обещал показать мне старые парохет, Арон-Кодеш, именные столики, которые он хранил с тех пор, как сгорела синагога на Чапаева. Я попросил р. Мордехая Шайнера помочь перевести некоторые надписи на сохранившихся религиозных атрибутах, и мы поехали в эту небольшую деревянную синагогу.

Р. Кофман, увидев нас, с доброй улыбкой вышел на встречу, с удовольствием пожал руки. В синагоге несколько человек в кипах занимались мелким ремонтом. Здание уже давно капитально не ремонтировалось, и, конечно, то там, то здесь что-то отваливалось и нуждалось в текущем ремонте. Они что-то пилили, прибавали, не обращая на нас никакого внимания.

Р. Шайнер был знаком с р. Кофманом, но чувствовалось, что разница в возрасте – почти в два раза – как-то его немного смущала. Подарив менору, напомнил о его обещании передать нам старый столик для музея, на который я обратил

внимание во время моего предыдущего посещения этой синагоги. Мы намеревались взять с собой один из таких столиков с прибитой к нему табличкой, где было вычеканено имя его хозяина, чтобы он занял достойное место в музее иудаики, создаваемом в Биробиджане раббанит Эстер Шайнер.

Осмотрев столик, который много лет пролежал на чердаке, сразу же сделали первое открытие: на прибитой закрашенной табличке отчетливо видно выгравированное имя – Борух Майзлер. Это имя было мне уже знакомо. Он был шойхетом Биробиджанской религиозной общины в пятидесятых годах.

Как мне показалось, р. Шайнер заинтересовался этой находкой даже больше меня. Он знал его предназначение и какой порядок принят в синагогах в отношении таких столиков. На иврите они называются «Амуд тфила».

Существует эта традиция давно. Обычно в синагогах наиболее почетные и уважаемые прихожане заказывают для себя столики, на которых записаны их имена. Во время молитв, в шабат, дни праздников его никто не занимает, понимая, что этот столик принадлежит известному в синагоге человеку.

Рассказывая мне эти подробности, он провел по нему рукой, как будто пытаюсь почувствовать тепло прежнего его владельца и ощутить его присутствие. Он внимательно всматривался в надпись. Столик, сделанный из липы, был легким и простым по конструкции. У него не хватало одной маленькой дощечки, но это нисколько не уменьшало его ценности. Без всякого преувеличения, его история насчитывала более полувека.

Мы понимали, что у нас в музее появится новый экспонат, достойный внимания, со своей историей, и, самое главное, появится имя еще одного иудея, о котором в Биробиджане наверняка знали все прихожане в пятидесятые годы.

У стены стояли два старых Арон-Кодеша. На том, что побольше, сверху шкафа была сильно обгоревшая от пожара надпись. Беглого взгляда ребу было достаточно, чтобы определить: там записаны главные десять заповедей. Чуть вы-

ше был нарисован Моген Довид с именем Б-га, написанным в центре звезды.

Между Арон-Кодешами стояла большая «Амуд» (специальная тумбочка-подставка, за которой произносит молитву кантор в синагоге), на ней также была картинка с записанной молитвой и под ней – наполовину стертая надпись. Мордехай прочел на иврите вслух, затем ещё раз и воскликнул: «Я Вам сейчас переведу, что здесь написано дословно: “Амуд подарила Сара, дочь ребе Авром Бер”».

Словно дети, мы обрадовались этой второй находке, расспрашивая у Дова, кем же мог быть человек, сделавший такой подарок синагоге. Вспомнив, что на парохет были также какие-то наполовину стёртые надписи, попросил показать их Мордехаю. Ещё недавно они висели на Арон-Кодеш, а теперь на их месте были новые парохет из синего бархата.

Старые парохет аккуратно лежали в шкафу на нижней полке. Сшитые из красного бархата, они выщвели и порядком обносились. Мордехай с трудом разобрал слова – и опять новость! Вместо молитвы, как я думал, оказалось, что на ней было написано: «Парохет подарила в синагогу женщина Вити, дочь ребе Шолом Ноте Файман десятого ава».

Но р. Шайнер не был бы раввином, если бы не знал, что означает для верующего еврея этот день и предшествующий ему – Девятое Ава.

Девятое Ава – день, в который у евреев произошло много несчастий. Девятое Ава связано с самыми сокровенными чувствами еврейского народа, с пронесенной через многие века болью от сохранившихся в памяти трагедий, связанных с разрушением Первого и Второго Храма. Девятого Ава 1492 года 300 тысяч евреев были изгнаны из Испании. Девятого Ава – падение крепости Бейтар, последнего оплота повстанцев Бар-Кохбы, когда сотни тысяч сынов Израиля были убиты римлянами. Еврейский народ не раз постигали такие трагедии, и он снова возрождался. Великая скорбь совершенствуется человека. Печаль, любовь и радость сочетаются в этом единстве и чувствуются сегодня так же, как и в прошлом.

Религиозные евреи уже на протяжении многих веков ежедневно молятся и ожидают прихода Машиаха (Мессии) и начала строительства и возрождения нового Иерусалимского Храма на месте разрушенного.

Все сходится. Скорее всего, после того пожара прихожане сообща принялись восстанавливать синагогу. И в день Десятого Ава 5717 года от сотворения мира евреи принесли и подарили эти символы и атрибуты иудейской религии.

Теперь я уже не сомневаюсь, что эти парохет, Амуд, подаренные биробиджанской синагоге Десятого Ава, являются свидетельством той истинной религиозной культуры, которая была среди прихожан нашей синагоги. И именно после дней траура, которые заканчиваются по еврейскому календарю Девятого Ава, на следующий день прихожане принесли в общину всё, что было необходимо, чтобы возродить к жизни новый храм взамен сгоревшей синагоги. Они так поступили по долгу веры и по совести.

Что может быть ещё более значимым в такой ситуации, чем принятое всей общиной решение собрать деньги и купить другое здание, чтобы не прекратилась религиозная жизнь, чтобы не закрылась синагога, не умерла надежда, которая объединила людей после такого горя? Сегодня, с опозданием на пятьдесят лет, мы должны им сказать «а *гройсер данк*» за то, что они тогда сделали, продолжив деятельность общины.

На этих полках в шкафу лежали ещё несколько старых парохет, кип, тефиллин и мешочков для их хранения, Торы, талесы и большие пакеты с какими-то книгами.

– Борис, что это за литература здесь завернута? – спросил я.

Его ответ вызвал у меня недоумение и неверие. Неужели это и есть та потерянная часть истории Биробиджанской синагоги, о которой ничего не известно?

– Да, это те старые молитвенники, Сидуры, Торы, спасенные после пожара, которые нельзя просто так выбросить, так как их необходимо захоронить по специальному ритуалу, а мы этим никогда не занимались.

Осторожно вынимал я на свет Б-жий пакеты с бесценным сокровищем наших предков. Одного взгляда на истрепанные и затертые страницы, частью обгоревшие от пожара, было достаточно, чтобы мысленно представить, что можно будет здесь найти, разобравшись в этом старинном книжном кладе.

Реб Кофман хранил, как и положено было в данном случае, оставшиеся последние следы некогда активной религиозной деятельности Биробиджанской общины. Он знал, что их нельзя просто сжечь или уничтожить каким-либо другим способом.

В шкафу было пять полных пакетов со старыми молитвенниками, Сидурами, календарями, книгами, большей частью разорванными и частично обгоревшими. Не веря своим глазам, не зная, что сказать, так как эмоции переполняли душу, я положил их на стол.

Полвека назад эти книги были спасены от огня. С риском для жизни евреи бросались в огонь ещё до приезда пожарных и вытаскивали их из горящей синагоги. Они многое спасли от уничтожения, но огненные языки пламени прошлись по этим обложкам, по страницам книг, оставив свои черные обугленные следы как свидетельство того пожара.

Взяв лежащий сверху первый попавшийся молитвенник, я увидел, что он зачитан до такой степени, что поля страниц были стерты до текста. На тонкой, с коричневым оттенком бумаге сохранился в целости текст. Я дал её осторожно в руки р. Шайнеру, спросив у него, что это за книга и сколько ей лет. Бережно взяв её, он по комментариям к тексту определил, что этому молитвеннику около 150 лет.

Сколько человек держали в руках эту книгу? Где, в каких местечках и синагогах она поддерживала дух её владельца? Кто привез её в Тихонькую? Многие евреи-переселенцы из Украины, Белоруссии, Молдавии, других республик и городов СССР и зарубежных стран везли с собой в котомках небогатый домашний скарб, среди которого самое ценное, что у них было, – книги, тефиллины, талесы. Они переходили,

как фамильная драгоценность, из рук в руки, от их прадедов к дедам, отцам.

Достав из шкафа и развернув старые талесы, я сразу вспомнил слова писателя Виктора Финка, попавшего на молитву Йом-Кипур в Валдгейме, о старых, рваных, в заплатках талесах у евреев, которые он увидел. Мне показалось, что передо мной лежали те же самые талесы, которые видел Финк. На них были пришиты заплатки. Этот ремонт был сделан из разных тканей и разными нитками – потому понятно, что в разное время и, надо полагать, разными людьми. Эти талесы были из ткани, совсем непохожей на те, что когда-либо видел в России. Быть может, им тоже не одно столетие.

Мы отвезли эти пакеты с книгами, религиозные атрибуты в синагогу к р. Мордехаю Шайнеру. Боясь случайно повредить и без того пострадавшие раритеты, бережно начали раскладывать книги на большом Амуде, в центре молельного зала синагоги. Их было так много, что решили не спешить, а разобрать все по частям. Здесь я уже полностью полагался на Мордехая.

Мордехай как-то рассказал мне, что из тридцати четырех лет жизни тридцать лет он изучает Тору. Но сегодня он вспомнил ещё одну историю из своего детства. В день совершеннолетия, которому посвящается обряд Бар-Мицва, его дедушка Эфраим-Менаше подарил Моте очень старый молитвенник, который он привез ещё из России. Мотя спросил его, зачем он отдает такую старую и, наверное, дорогую книгу. Дед, глядя на внука, молчал, его глаза наполнились слезами: «Вырастешь, потом будешь меня вспоминать», – с трудом произнес он.

Он как будто заново пережил эту историю, перекладывая сейчас старые священные книги. Мне показалось, что на лбу р. Шайнера выступил пот, так он был взволнован, аккуратно раскладывая книги, что-то шепча про себя, быстро прочитывая заголовки страниц, названия книг. Молитвенники были отпечатаны в разных странах. Здесь был сборник молитв для праздников польского издания, которому, как полагал Мордехай, 188 лет. Другой молитвенник, «Сли-

хот» (в переводе «Раскаяние»), также изданный в Варшаве, датирован 1878 годом.

Книги были переведены с иврита на разные языки. Р. Шайнер без труда определил, что некоторые из них отпечатаны с переводом ещё на старый идиш, который давно вышел из употребления. Одна из книг была комментарием для простых верующих и женщин – «Цезна Урезну», что в переводе с иврита означает «Пойдите и поглядите», и ей было не меньше 170 лет.

Такие книги впервые были изданы на идиш в 1590 году в Праге для тех, кто не понимал уже тогда иврит. Она переиздавалась более двухсот раз, так как была простой и доступной в изложении комментариев к Торе, и поэтому оказалась такой популярной и востребованной простыми евреями.

В одном из молитвенников Мордехай нашел в тексте очень редкую молитву, посвященную русскому царю. В этой молитве выражены преданность и верноподданнические чувства евреев к государю. В ней они обращались с просьбой к Богу благословить Царя Александра Николаевича и его жену Марию Александровну, его сына Николая Александровича и его сыновей и дочерей, чтобы его враги умерли пред его ногами, чтобы он имел успех на престоле.

Несколько фрагментов молитвенников нам попало с переводом на старый русский язык. Среди всего этого богатства были календари, составленные прихожанами в виде рукописи, таблички, которые вывешиваются в синагоге при проведении различных молитв. Попался листок бумаги, где были записаны на идиш имена людей, для выздоровления которых необходимо было прочесть молитвы. Одно из найденных объявлений было посвящено празднику Рош га-Шана. На другом, уже пожелтевшем листке от руки был заполнен образец «ктубы» – брачного контракта, в котором фиксируются обязательства мужа по отношению к жене.

Среди вещей была шапочка для кантора, читающего молитвы и поющего песни в синагоге. Взглянув на один из небольших пакетиков, в котором были какие-то обрывки ве-

рвочек и листков страниц, р. Шайнер определил, что это «гниза», где специально хранятся обрывки текстов священных книг, уже ненужные списки, рукописи. Когда эти хранилища заполнялись, содержимое вынимали и с особым почетом хоронили на кладбище.

Изучение найденных материалов заняло не один день, но уже становилось понятно, что работа на этом не закончится. Прихожане синагоги восприняли новость о находке, как будто это они, вместе с нами, приняли участие в этой работе. С энтузиазмом, с какой-то необъяснимой энергией они начали вспоминать уже забытые подробности еврейской религиозной жизни более полувека назад.

Выяснилось, что Борух Майзлер был к тому же и хазаном в синагоге, а старый «Амуд» изготавливал на мебельной фабрике по заказу один из сегодняшних пожилых прихожан, а тогда пятнадцатилетний паренёк Миша Кесельбрер. Михаил вспомнил и моего папу, так как после того, как сгорел фанерный завод, произошло объединение, и все его рабочие перешли на мебельную фабрику.

Дядя Михаила, Абрам Кейзер, был тогда помощником у хазана. «Миньян, – вспоминал М. Кесельбрер, – был всегда, а на шабат места в синагоге иногда не хватало». Что может быть более достоверным, чем свидетельство очевидца этих событий?

Ещё не один раз я возвращался в старую синагогу, чтобы узнать у Дова о том, что он помнит, заодно заглянув, с его разрешения, в закрытые шкафчики стола. В этот раз среди священных книг и молитвенников нашел в отдельном ящике Амуда, который уже много лет не открывался и даже был так покрашен краской, что пришлось взять топор, чтобы вскрыть его, неплохо сохранившийся большой текст, написанный на идиш. На запыленном пожелтевшем листе гусиным пером было написано обращение к празднику, по всей видимости, самому важному и святому – Йом-Кипуру. Оно было подклеено для твердости несколькими слоями страниц школьной тетради. Его, как мне кажется, прибивали

гвоздями снаружи синагоги (на бумаге видны ржавые следы от гвоздей), так как сам текст и бумага сильно выцвели.

С этим обращением я поехал сразу в синагогу к Мордехаю. Взглянув на него, ребе удивился и не поверил своим глазам. «Нам еще не попадались такие документы, – сказал он, – это не просто обращение, это целая молитва». В нем была изложена трагическая история жизни одной семьи и поминальная молитва, обращенная к людям. Написано оно было приблизительно в 1959 году (исходя из текста, речь идет о нападении Гитлера на Польшу в сентябре 1939 года) человеком, испытывшим и пережившим вместе с семьей все ужасы страшных военных лет.

Мы с большим трудом смогли разобрать и перевести этот текст. К великому сожалению, в нем не было фамилии автора, ее нам предстоит ещё узнать в будущем. Здесь приводится полный текст в переводе с идиш р. Мордехая Шайнера без литературной обработки.

*«В память годовщины наших святых братьев,
которые были убиты за веру в Б-га
Друзья, весь Израиль!*

Я, Илель, сын Хайма, взял ручку в руки. Я напому Вам о большом горе, которое произошло около двадцати лет назад, когда самый большой ненавистник Израиля – чтоб его имя и память о нем исчезли и были вычеркнуты из жизни – хотел уничтожить всех евреев в мире.

Он отдал приказ своим убийцам, чтобы они делали все, что хотят, и они на самом деле делали что хотели. Тогда много людей из Польши было убито и сожжено, но мы, оставшиеся евреи, избежали этой участи и были далеко от рук убийц.

Сталин отдал распоряжение, чтобы евреев отправить в дальнее место. И тот, кто уехал, тот остался жить и живет сейчас. Я сам тоже уехал в Сибирь, в Красноярск с моей семьей. Все, что я имел, я оставил там, бросил. И все пропало, но мы остались живы. Но я пишу совсем коротко. Мы имели большое горе, были голодные, голые, босые в мороз.

Сейчас я в Биробиджане с моими двумя дочерьми, которые были на фронте, жена умерла, осталась там. Беспокойство в моем сердце осталось до конца жизни. Поэтому мы все братья, нам нельзя никогда забывать об этом большом горе, и мы должны давать пожертвования, сколько мы можем, так как жертвование спасает от смерти.

Скоро будет праздник, мы будем читать поминальную молитву, в которой мы назовем все имена. И мы должны завтра прийти в синагогу к скорбной молитве – “Молей Рахомим” – и дать в честь их жертвование, все это зачтется вскоре в наши дни, дай Б-г».

Трудно здесь что-то добавить, убрать или комментировать. В этом тексте поминальной молитвы нет только фамилии Илеля, сына Хайма, но р. Шайнер обязательно вспомнит это имя в день и час, когда будет читаться молитва в память жертв войны и умерших после неё людей.

По крупицам будет восстанавливаться еврейская история Биробиджана. Это необходимо для того, чтобы, спустя шестьдесят лет, восстановить историческую справедливость по отношению к тем людям, которые, несмотря на гонения и страх, остались преданными своей вере. Это их усилиями и невероятным трудом был построен вдали от цивилизации наш город и создана названная в их честь Еврейская автономная область. Поэтому и нам надо отдать им должное, раскрыв и восстановив эти имена в затерявшихся страницах нашей истории.

РОВЕСНИК ГОРОДА

В поиске интересных событий и фактов из жизни города совершенно случайно узнал об одном, который удивил и обрадовал меня. Удивил потому, что он непосредственно и есть часть истории и, так сказать, некая точка отсчета жизни Биробиджана, которую можно даже потрогать. Обрадовал потому, что первый ребенок, родившийся в год образования города, жив, здоров, и к тому же он хорошо известный в

Биробиджане человек – Виля Арнаполин. Его рассказ, по сути, стал продолжением истории жизни наших родителей, а значит, и нашего города.

Оказалось, что наши отцы встречались еще на фанерном заводе. Рядом с этой артелью, в деревянном двухэтажном доме, жила вся семья Арнаполиных. После роддома Вилю привезли в этот дом, стоявший на самом отшибе города, почти у реки. С отцом моей жены, Рафаилом Херсонским, Виля работал на «Дальсельмаше» и до сих пор с большой теплотой вспоминает знаменитого на весь город токаря. Особенно ему запомнилось, как в 1966 году в частном небольшом деревянном доме в обозном поселке, который назывался «Фаланга», где жил депутат Верховного Совета СССР Херсонский, вместе с друзьями и коллегами они «обмывали» только что полученный им орден Ленина.

Слишком много знакомых и близких людей связывало нас (что вообще присуще нашему городу). Наверное, поэтому писать о нем мне было легко и приятно.

В последних числах уходящего 1936 года в Биробиджане, уже именовавшем себя городом, но еще не приобретшем такого статуса официально, родился мальчик, который был внесен в книгу записей актов гражданского состояния под номером один. Отец дал ему странное даже в то время имя – Вилий. Что оно означало и почему первый ребенок в многодетной семье Арнаполиных был так назван, папа и сам толком не смог объяснить, сколько его Виля ни спрашивал до самых последних дней его жизни. Но только у многих детей, родившихся в те годы, были удивительные по звучанию и смыслу имена: Ким – коммунистический интернационал молодежи, Гертруда – герой труда...

Вилий, или, как его звали в быту, Вилен, означало не что иное, как Владимир Ильич Ленин. Так и сам Виля считал, и его друзья, и секретарь парткома завода «Дальсельмаш» Василий Махинин, принимавший его в партию. Со временем парень привык к своему странному имени и даже считал се-

бя чуть ли не связанным какими-то символическими узами с самим вождем.

Первый гражданин Биробиджана только пять лет назад, в год 65-летия города, узнал, что он был зарегистрирован в 1937 году в той самой книге под первым номером. Корреспондент газеты «Миг» Людмила Чемортан, готовя материал к юбилею города, раскопала эту информацию совершенно случайно. Оказалось, что это Виля Арнаполин – Почетный гражданин Еврейской автономной области.

Это совпадение, наверное, не простая случайность. Дети тридцатых годов в многодетных семьях после окончания школы в основном шли работать. У них было трудное детство. Они видели войну, прошли через голод, карточную систему, многие из них остались без родителей, не было времени и возможности получить образование. Но все это способствовало также и тому, что дети войны по-другому воспринимали мир, наступивший после.

Детские годы запечатлевают многие события, но только некоторые остаются в памяти на всю жизнь. Для Вили это был день Победы. В Биробиджане утром того дня на небосклоне не было ни одного облачка. Весна в том году наступила рано, и солнце уже успело прогреть землю. Деревья начали распускать свои зеленые, еще липкие листочки, и в воздухе ощущалась весенняя свежесть пробуждающейся природы. Яркое солнце спозаранку пробудило все живое в округе.

В тот май мимо Биробиджана днем и ночью мчались эшелоны с танками, пушками, прочей техникой, с вагонами-теплушками, полными военных или лошадей, на Восточный фронт. Они делали краткую остановку на нашей станции, заправлялись водой и двигались дальше.

Где-то после девяти часов утра, когда по громкоговорителям, установленным на столбах, объявили об окончании войны и нашей Победе, в городе, хоть это и был рабочий день, спонтанно возникло необыкновенное ликование. Из всех домов и квартир люди повыскакивали на улицы, обни-

мались, целовались, забегали к соседям, у которых не было радиоприемника, поздравляли и кричали: «Ура, Победа!»

«В это время, – вспоминает Виля, – мы услышали стрельбу из орудий, звук от которой был слышен по всему городу. Мы побежали к железной дороге и увидели что-то невероятное: солдаты открыли стрельбу из стоявших на платформах танков, пушек, задрав дула кверху. Очереди из автоматов перемежались с одиночными pistolетными выстрелами, стоял невообразимый грохот канонады орудий. Это было импровизированное празднование Дня Победы, которое никто специально не готовил, но которое запомнилось мне на всю жизнь. Это был настоящий салют Победы, завоеванной ценой многих жизней. Этот день мы ждали долгих почти пять лет.»

После войны семья Арнаполиных переехала на ул. Чапаева, 2. Напротив их дома, на Чапаева, 3, стояла синагога, и всему, что там происходило, Виля был первым свидетелем. Он учился в первой школе, которая в то время была только для мальчиков. В 1949 году были внесены изменения в воспитательный процесс, и в школу пришли девочки, отчего учиться стало значительно веселей.

В начальной школе Виля учился в одном классе с Игорем Бахмутским, сыном секретаря обкома партии. Бегал с ним играть в футбол. В 1948 году в Биробиджан должна была приехать американская делегация. Специально для этой встречи председатель горисполкома Ярмицкий готовил только что сданный двухэтажный деревянный дом на улице Ленина, в котором переоборудовали квартиры под гостиничные номера. Маму Вили направили туда работать кастеляншей. Как-то Виля зашел к ней на работу и был поражен богатством убранством комнат, роскошной для тех лет мебелью. Но американцы не приехали, а против руководителей области и города на следующий год возбудили уголовное дело. Сын Бахмутского ушел из школы, и больше его не видели.

Тогда же закрылся Биробиджанский еврейский театр. Последний спектакль в нем шел на еврейском языке и назывался «Колдунья». Виля до сих пор помнит музыку и слова

песни из этого спектакля: «Кум, кум цу мир а эйм» – «Иди, иди ко мне домой», – напел он мне. После этого спектакля театр закрыли на реконструкцию и открыли его уже в новом качестве – как дом пионеров и школьников.

Виля с друзьями любил играть в футбол. Вначале это происходило на «Старой площади». Раньше там, напротив магазина, расположенного в правительственном доме, была гравийная площадка и не было еще нынешнего сквера. Потом перешли играть чуть дальше, где сейчас стоит новый роддом. В конце пятидесятых годов, когда на этом месте начали строить деревянные двухэтажные дома, перешли на прибрежную поляну, получившую название «Бирское поле», где многие годы летом проходили футбольные баталии и куда приходили размяться даже настоящие футболисты, а не только босоногая малышня.

«Запомнился поход в пятом классе, – вспоминает Виля, – который организовал Матвей Мазур, наш старший пионервожатый. Он ходил по школе в сапогах, брюках-галифе и гимнастерке, поверх которой был повязан красный пионерский галстук. Двухдневный поход должен был стать для нас проверкой на выносливость и организованность, тогда это было так принято. Мы должны были дойти пешком до села Валдгейм. На эту старую разбитую дорогу, которую и дорогой назвать можно было с трудом, мы вышли часов в восемь утра. Почти целый день добирались до села Птичник, где пообедали и поужинали одновременно. Тогда же было принято решение переночевать в одноэтажной деревянной школе, больше похожей на барак. На следующий день у нас уже не было ни сил, ни желания идти дальше, и Мазур решил возвращаться домой.»

Больше половины учащихся школ ходили в различные кружки. Это было престижно и интересно. Классные руководители на родительских собраниях отмечали активную жизненную позицию учеников. Для мальчишек записаться в авиамодельный или радиокружок было все равно, что пройти обучение на летчика. Многие пацаны после войны мечтали стать летчиками, моряками, танкистами. Авиамодельный кружок вел Виктор Васильевич Ко-

белев, бывший военный летчик. К нему ходило около 200 учеников. В бывших костюмерных и в артистических уборных еврейского театра на первом и втором этажах размещалось более десятка различных кружков.

Когда меня принимали в комсомол, Сара Будницкая, секретарь горкома комсомола, задала мне один вопрос: чем я занимаюсь в свободное время? После моего ответа, что хожу в авиамодельный кружок, она сказала: достаточно вопросов, есть предложение принять в комсомол. Возражений ни у кого не было.

Летом, вечером после работы, мы любили гулять по нашему "гортону". В конце сороковых годов так мы называли улицу Октябрьскую. Маршрут передвижения был от гастронома до вокзала. "Гортон" означал для нас – "пойдем по городу топтать", а уже в начале пятидесятых годов переименовали этот маршрут в биробиджанский Бродвей.»

Надо было помогать родителям кормить младших детей. Вилия переходит на вечернее отделение школы и поступает работать слесарем на «Дальсельмаш». В ремонтном цехе завода он прошел путь от слесаря до мастера, старшего мастера и затем стал начальником цеха.

Одним из сильных впечатлений осталось у Вили наводнение 1946 года: «Бира так разлилась, что вода пошла в город на улицы и площади, затопливая низины. В этих разливах и потоках воды рыбы потеряли ориентиры главного русла и безопасных ям-зимовищ. В том году на перекрестке улиц Театральной и Шолом-Алейхема, если смотреть от Биры чуть вправо, образовалось небольшое озерцо. Какими-то неведомыми путями в него заплывала рыба. Мужики, проживавшие в соседних домах, перегородили большими досками выход из этого искусственного озерца и большие недели ловили в нем рыбу. Они бродили по заиленному дну, по пояс в воде и били острогой и вилами рыбу: щука, сом, таймень, угорь – чего там только не было. Нам вода доходила до груди, но мы тоже толкались там, пытаясь что-нибудь подцепить на самодельную пикку из проволоки. Мутная вода бурлила от выпрыгивающих на поверхность и борющихся за выживание огромных рыбин.

В тот год вода принесла много бедствий и для фауны, обитающей по берегам реки. Было какое-то нашествие белок на наш город. Я впервые увидел, как белки стаяей плыли по реке. Иногда они забирались на бревна и коряги, которые во время наводнения были потеряны сплавщиками леса.

Белки атаковали город в поисках пищи. Они были на деревьях, на крышах и чердаках домов и даже заскакивали на помойки чем-нибудь поживиться. Мы гонялись с друзьями на нашем чердаке за несколькими белками. Наконец, загнав одну из них в угол, я обрадовался, пытаясь её схватить, но она оказалась проворнее и, укусив меня за палец, ускользнула прямо из рук. Когда вода спала, через некоторое время белки так же внезапно исчезли, как и появились в городе.

Следующее наводнение в 1960 году полностью затопило многие районы города и завод «Дальсельмаш». В тот кошмарный день, когда люди, работавшие на укреплении дамбы, сообщили нам где-то в пять часов вечера, что удержать дамбу в районе сопки не удастся, руководители завода приняли решение снимать моторы со станков, техники и поднимать их, чтобы вода не залила. Хотя у многих уже закончился трудовой день, но все остались на рабочих местах. Под конец вспомнили, что остались огромные 75-киловаттные двигатели на лесопилке. Их снимали и вытаскивали уже в темноте, при свете пламени костров и свечей, возились до двенадцати часов ночи и только потом пошли домой. Дорога через проходную была затоплена, и нам пришлось идти по рельсам. На следующий день автобусы на окраины города уже не ходили, только в центре, да и то по нескольким улицам. Наш автобус доехал до завода силовых трансформаторов, а дальше добирались пешком по рельсам, ведущим к ТЭЦ. Но там, где мы шли ночью, по рельсам уже невозможно было пройти. Они были выворочены и искорежены, как будто за ночь кто-то специально пытался их выдрать, шпалы торчали в разные стороны. С большим трудом мы добрались до заводских цехов. Стало не по себе от того, что увидели: вода в помещениях стояла по колено. Восстановление завода после этого наводнения заняло не одну неделю.

В районе лесозавода, стоявшего напротив сопки, был залив, куда обычно сплавлялся лес. В небольших бараках, стоявших у воды,

жили сплавщики. Там же была небольшая конторка. Залив переграживал бон из огромных кедровых бревен, сбитых большими скобами и дополнительно связанных в два-три бревна проволокой, по которому сплавщики перебирались, виртуозно орудуя баграми и загоняя туда спускающийся с верховьев Биры лес. Но с таким небывалым подъемом воды они еще ни разу не сталкивались. До последнего люди оставались в бараках. Когда стало понятно, что еще вот-вот – и оборвется бон, удерживающий барак, последние сплавщики покинули свое пристанище.

Через полчаса трос, удерживающий ограждение, лопнул под напором огромного количества бревен, и река поглотила барачные строения, словно в каких-то жерновах закрутила бревна, которые рванули вниз по течению, беспорядочно натывая друг на друга. Сотни кубометров леса потеряло предприятие в то наводнение».

Виля Арнаполин может долго рассказывать о городе, о людях, с кем ему доводилось работать или даже мимолетно встречаться. Он помнит каждый дом, где принимал участие в строительстве, каждую улицу и, как оптимист, верит в будущее города, своих детей и внуков.

Воспоминания ровесника Биробиджана – не просто зарисовки о нашей прошлой жизни. Это уникальная история жизни первого гражданина города, ставшего впоследствии одним из самых известных жителей области.

ИСХОД

Исход – этот термин в ближневосточном лексиконе появился давно. Исследователи возвращения евреев на обетованную землю ведут отсчет с разных позиций. Многие считают, что первым был исход евреев из Египта. Сорок лет водил Моисей по пустыне свой народ, хотя земля обетованная была совсем рядом. Зачем они прошли через такие испытания? На этот и другие вопросы есть ответы в Торе. Народ в результате этих испытаний должен был закалиться в своей вере в Б-га, убедиться в его могуществе, забыть о раблеп-

стве, преклонении перед египтянами. За время странствий по Синайской пустыне выросло несколько поколений. Они не знали рабства и по-другому смотрели на жизнь и потому вошли в дарованную Б-гом землю очищенными духовно и нравственно.

Другие ведут отсчет от второго разрушения римлянами Иерусалима в 70 году и рассеяния иудеев по миру. С той поры и начался исход – возвращение из стран, где они находились в изгнании, продолжавшееся в течение всех последующих веков. Вместе с тем на территории Палестины оставались десятки синагог, и проживавшие там иудеи шли в Иерусалим поклониться остаткам разрушенной стены и попросить Б-га восстановить Храм царя Соломона.

В 637 году арабы-мусульмане заняли Иерусалим и на месте Храмов Соломона и Юстиниана воздвигли на священной горе Сион две и ныне существующие мечети – Омара и Аль-Акса – из камней разрушенных иудейских храмов. С конца XI до XIII веков западные христиане и крестоносцы попеременно вели сражения за Иерусалим, при этом грабя и святые места.

Но большинство историков склоняются к тому, что начало исхода относится к концу восемнадцатого века. В те годы среди еврейского народа возникают различные национальные идеи, среди которых главенствующей стала идея сионизма, а его целью было, согласно теории, разработанной лидерами этого движения Т. Герцлем, В. Жаботинским и рядом других, возвращение евреев на землю обетованную к Сиону, в Палестину. В «Эрец Исраэль» прибывают посланцы из России, европейских стран выяснить возможности поселения на этих землях.

Одними из первых в 1882 году в Палестину прибыли семнадцать семейств, основавших поселение «Ришон ле-Цион», что означало «Первый в Сионе». Барон Эдмонд де Ротшильд, узнав о проблемах первых переселенцев, сделал пожертвование, выделив 25 тысяч франков на поиски воды. Вода всегда была на этой земле

источником жизни, споров, борьбы за право владеть и распределять её на протяжении всех лет.

Поселенцы вручную, лопатами, вырыли колодец и на глубине 45 метров добрались до источника живой влаги. «Вода найдена» – так и написано на этом колодце, ставшем символом и эмблемой города. Благодаря финансовой помощи Ротшильда в этом поселке были посажены виноградные плантации и открыт первый, теперь уже всемирно известный завод Кармельских вин.

В Палестину медленно, несмотря на препятствия, чинимые со стороны Англии, владевшей этой колонией, а также противодействие арабского населения, возвращаются из долгой диаспоры еврейские семьи, а вместе с ними – традиции, культура. Возрождается и язык предков – иврит.

В числе первых переселенцев в те годы в Палестину приехал Элиэзер Бен-Йехуда, который вошел в историю Израиля как человек, возродивший иврит. Элиэзер Бен-Йехуда (Элиэзер-Ицхак Перельман) родился 7 января 1858 года в белорусской деревне Лужки. Проявив блестящие способности в ешиботе (религиозное училище), он должен был стать раввином. Но Бен-Йехуда выбрал для себя другой путь, загоревшись идеей возвращения в Палестину и возрождения к жизни иврита. Поэтому, когда уже в Палестине в 1882 году у него родился первенец, Бен-Йехуда взял у своей жены обещание вырастить первого в новой истории ребенка, у которого родным языком будет иврит.

Ребенок должен был слышать в доме только иврит и, таким образом, заговорил бы только на нем. Когда в дом приходил кто-нибудь, не владевший ивритом, малыша укладывали спать, чтобы он не услышал другого языка. Родители добились своей цели. Мальчик начал говорить на иврите, не понимая другую речь.

Сесиль Рот, один из исследователей истории еврейского народа, написал о роли Бен-Йехуды в возрождении языка: «До Бен-Йехуды... евреи умели говорить на иврите, а после него они на нем заговорили». За одно поколение сложилось ядро говорящих на иврите молодых энтузиастов, для которых этот язык стал символом возрождения народа. Британские мандатные власти

признали этот факт и 29 ноября 1922 году утвердили иврит в качестве официального языка еврейского населения Палестины.

Декларация Бальфура (названа по имени министра иностранных дел Англии лорда Бальфура), принятая в 1917 году, признала и зафиксировала право евреев на Палестину и организацию там своего государства. В 1922 году Лига Наций одобрила этот шаг великих держав. На основе декларации евреи начали создавать свои поселения, что вызывало противодействие со стороны палестинских арабов, которые к тому времени не имели собственного государства.

Исход из Российской империи, где проживало более половины всех евреев в мире (по оценкам демографов, более 53 процентов), начался вслед за погромами, прошедшими на территории европейской части страны. Бежали не только от насилия. Вслед за погромами начались голод, безработица, Первая мировая война и первые революционные события в России. За период с 1881 по 1914 годы страну покинули почти два миллиона евреев, в том числе более полутора миллиона уехали в США.

Вплоть до Второй мировой войны сионисты вели активную работу по возвращению евреев в Палестину. Война перевернула трагическую страницу в истории человечества. Холокост стал трагедией мирового сообщества. И не случайно сразу же после окончания войны появление в разных странах огромного числа еврейских беженцев резко обострило еврейский вопрос. Выходцы из Восточной Европы были среди основателей государства Израиль.

Еврейская эмиграция из СССР началась в 1971 году, когда был чуть приподнят железный занавес. КПСС под давлением мировой общественности вынуждена была открыть границы. В тот год выехало 13 тысяч человек, в 1972 – 32 тысячи, в 1973 – 35 тысяч. Из них от 85 до 100 процентов евреев направились в Израиль.

Из нашей области в те годы не было ни одного выехавшего на свою историческую родину. Но 1974 год заставил многих пересмотреть свои взгляды на обстановку в Израиле. В

октябре 1973 года была проиграна война Судного дня, и желание эмигрировать в воюющую страну у многих пропало. Израиль на долгие годы оказался на линии боевых действий. И уже до 50 процентов евреев ехали мимо Израиля – прямоком в США. Но последний, самый печальный для России исход приходится на 1989 год. Более миллиона евреев уехали из СССР и бывших советских республик за эти годы.

Многие русские по паспорту, *вей из мир*, вдруг вспомнили, что их бабушки или дедушки были евреями, и что поделашь, если это так и есть. Они уже стали гордиться своими еврейскими корнями, меняя в паспорте запись в пятой графе и прилагая метрики своих предков с еврейскими фамилиями. А кто это ещё не признал, то Б-г ему судья. Как говорят, бьют не по паспорту, а по физиономии.

Евреям, приехавшим из России, которых иначе как русскими в Израиле не зовут, было не привыкать к небольшим по сравнению с оставленными в России проблемам нового для них общества. Жизнь завертелась для них на другой скорости и в другом направлении.

Земля, давшая начало трем мировым религиям, стоявшая на шелковом пути, приняла в свои объятия своих сынов и дочерей из бывшего Союза республик свободных, простив разом все их прошлые грехи, предложив начать жизнь с чистого листа.

Иисус говорил: Б-г терпел и нам велел. Но евреи, не признающие божественное происхождение Иисуса, также вкладывали в мозги каждому прибывающему на обетованную землю одно простое и мудрое слово, звучащее на иврите «*совланут*», что означает терпение.

Они не знали языка, многотысячелетней истории еврейского народа, обычаев, праздников, священной субботы, но они чувствовали, что хуже им уже не будет.

Первые олимь – эмигранты из России и СНГ – не были обделены вниманием. Они довольно быстро адаптировались к языку, многие через год-два получили работу по сво-

ей специальности или освоили новую и заняли свою нишу в общественной иерархии Израиля.

В СССР многие из них десятки лет учили историю КПСС и теорию марксизма-ленинизма, теперь они приступили к изучению языка своих предков, культуры, традиций народа. Разницу между этими учениями они поняли быстро.

Нас воспитывали на принципах морального кодекса строителей коммунизма. Что это были за принципы, мы узнали, когда в руки попала Тора. Оказалось, что это чистой воды плагиат, так как списаны они были с заповедей Б-га, переданных Моисею на каменных скрижалях на горе Синай.

Человечество еще не придумало ничего более глубокого, продуманного, чем религия, воздействующая на людей уже в течение нескольких тысячелетий. Сложно противопоставить что-то в человеческом обществе нравственным принципам и общественному устройству, разработанным мудрейшими раввинами, епископами, муллами за многие века.

Тысячелетиями формировали они сознание и духовный мир людей. Тора, Библия, Коран в той или иной интерпретации дают ответы на многие вопросы. В Израиле говорят, что нет такого вопроса, на который бы ты не нашел ответа у ребе.

Если первая наука была догмой, которую нельзя было оппорить, в противном случае тебя объявляли оппортунистом или диссидентом, то, изучая Тору, олимь на каждом занятии вели дискуссии и споры, в результате которых ребе всегда оказывался на высоте положения, давая исчерпывающие ответы на любые вопросы. А если к этому добавить, что после занятий для них устраивали чаепитие или, по праздникам, после чтения молитв переходили к застолью, то моральное удовлетворение от такого подхода к познанию мира и реализма жизни было налицо.

Русская улица Израиля – это не пустой звук. Это почти четверть избирателей, это наиболее активная и образованная часть общества, с которой нельзя не считаться. В массе

своей они живут полноценной жизнью. Но это и наши люди, и уже не наши. Они живут на новой родине, а душой многие остались в Биробиджане. Когда на олимпийских играх играет сборная России, они болеют за Россию. Когда в футболе или баскетболе побеждает израильская команда, они радуются, как дети, этой победе.

Когда Еврейская автономная область отмечала свой 70-летний юбилей, сотни израильтян, бывших биробиджанцев, приехали в дни торжества и радовались вместе с нами переменам к лучшему. Они бродили по тихому, уютному и ласковому Биробиджану, любуясь его неповторимой Театральной площадью, сверкающими разноцветными огнями, музыкальными фонтанами, мраморными колоннами с музами, новыми памятниками.

После всего увиденного у многих становилось тоскливо на душе, когда приходилось покидать знакомые до боли улочки и скверы, оставшихся уже в небольшом количестве близких и друзей.

Но и нам тоскливо без них. Наш город пострадал в этом отношении больше других. Из Биробиджана евреев выехало в процентном отношении больше, чем из других городов бывшего Союза. Уехало более двенадцати тысяч человек: инженеров, педагогов, врачей, рабочих, специалистов в различных областях производства, которых так сегодня нам не хватает. Имена многих из них были на слуху у горожан. Они были гордостью нашего города, области. Город после их отъезда просто осиротел.

Уехавшие в первых потоках алии, они прошли через все мыслимые и немыслимые трудности обустройства в новом обществе. Но и отношение к первым переселенцам было не то, что сегодня. «Сохнут» и, конечно, государство взяли на себя основные материальные затраты по адаптации переселенцев. Корзина абсорбции позволяла встать на ноги, выучить язык, пройти профессиональную подготовку и переподготовку.

Мой брат с семьёй, а затем сестра со своей мишпохой и нашей мамой, собрав пожитки, сдав государству бесплатно квартиры и получив в банке разрешенную в то время к вывозу сумму в валюте – 120 долларов, которой хватало разве что на один скромный семейный обед, выехали через Вену в Израиль.

Ефим ещё до отъезда в Израиль во время праздника Песах, проведенного в городе впервые за многие десятилетия, познакомился в Биробиджане с раввином Яиром Плессером. Это знакомство переросло в дружбу между их семьями уже в Израиле. Яир Плессер и его жена Хана, по сути, помогли быстрее адаптироваться семье брата на новом месте. Почти все прибывшие в те годы в Израиль закреплялись за израильскими семьями, которые в той или иной степени брали шефство над олимасами, новыми гражданами страны.

Как говорят, один переезд хуже пожара. А здесь не просто переезд, здесь меняется страна, где ты родился, вырос, получил образование, на другую, в которой тебе предстоит жить. То, чему тебя учили, чем ты занимался в своей прежней жизни, предстояло заново вспомнить и подтвердить свой профессиональный уровень, не говоря уже о получении необходимой языковой подготовки. Только терпение, настойчивость и упорство помогали решить такую задачу.

Через год пребывания в Израиле Ефим вместе с биробиджанцем Виктором Цинкером создают амуту, что-то вроде нашего жилищного кооператива по строительству жилья, численность которой достигла трёхсот пятидесяти человек. В неё вошло много бывших биробиджанцев и жителей из других городов России.

Прибывающие эмигранты, конечно, не жили под открытым небом, но квартир на всех явно не хватало. На первых порах людей селили в гостиницах, общежитиях, кого-то определяли в пригородные караваны, представляющие собой легкие деревянные домики, не рассчитанные на долгий период эксплуатации. Но и этого жилья при всей энергии Ариэля Шарона, в то время министра абсорбции и стро-

ительства в правительстве Израиля, бывшего военного, прошедшего все войны от рядового бойца до генерала, прозванного за целеустремленность и настойчивость в работе «бульдозером», крайне не хватало. В те девятые годы строительство в Израиле шло полным ходом.

С помощью Яира Плессера Ефиму организовали встречу с Ариэлем Шароном. В небольшом кабинете, в простой дружеской обстановке больше часа министр обсуждал с Ефимом и Виктором житейские проблемы. Первые фразы Шарон произнес с трудом, но на русском языке. Вспомнил, что его бабушка была из Украины, но поскольку русский он почти не знал, они перешли на иврит.

Внимательно выслушав предложения амуты, о которых Ефим с Виктором рассказали в деталях, Шарон, безусловно, оценил их идею и желание решить одну из важнейших задач – закрепление семей на земле обетованной. Он дал задание своим отделам подыскать участки земли под строительство жилья. И это были не пустые обещания.

Через несколько недель был предложен один из участков, который им не очень понравился ввиду его отдаленности и отсутствия коммуникаций. Выделенный затем другой участок уже по иной причине не был получен. Связано это было с тем, что по результатам прошедших через несколько месяцев выборов партия Ликуд, одним из лидеров которой был Ариэль Шарон, не набрала нужного количества голосов, и министры автоматически покидали свои посты.

Следующий министр, конечно, из обещаний предыдущего хозяина кабинета ничего не выполнил. А так как на тех выборах амута оказывала всяческую поддержку Шарону, то, по понятным причинам, они не могли рассчитывать даже на дальнейшее рассмотрение их предложений. Так и закончила свою деятельность эта амута, и не осуществился биробиджанский проект строительства жилья в Израиле.

Уже почти пятнадцать лет семьи сестры и брата живут в Израиле. Как и многие другие переселенцы из России, они адаптировались к новой жизни. Их профессия – строитель –

востребована государством и обществом. Их дети, выросшие там и получившие образование, чувствуют себя достойными гражданами Израиля. И государство не отворачивается от них. Система учебы, службы в армии, трудоустройства на работу позволяет молодым людям – при трудолюбии, настойчивости и терпении – добиваться поставленных целей.

Конечно, не всем удастся найти себя в новом мире. Десятки моих знакомых вернулись обратно в Биробиджан, и слава Б-гу, что никто никого уже не преследует и не осуждает. Это их выбор, значит, они так решили, что здесь им будет легче и лучше.

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ СТОИТ ДЕНЕГ

Когда все хорошо, это радует. Но нет, наверное, такого государства, где все были бы довольны законами, существующими в нем. Люди сами определяют и вырабатывают правила устройства жизни, которые постепенно становятся законом для всех граждан государства. Другое дело, что в силу своей индивидуальности человек может этот закон признавать или игнорировать.

В государстве Израиль есть свои проблемы и особенности. Здесь, по сути, действуют две системы власти, два закона. Один – тот, который утвердил кнессет, парламент страны, и есть другой, это закон Торы, по которому живут раввины и верующие евреи.

Какой из этих законов важнее, трудно сказать, об этом постоянно спорят между собой представители двух сторон. Но, как бы ни спорили они о своём первенстве, мне понятно одно: власть религии в этом государстве стоит на ступень выше.

Ни один вопрос без её участия решить практически невозможно. Если же проблема затрагивает религиозные интересы в различных сферах жизни государства, то вряд ли

найдется сила, которая могла бы противодействовать представителям религии. Будь то служба в армии, соблюдение кашрута в торговле продуктами питания, закона о возвращении и многие другие стороны жизни.

Религиозные учреждения – раббанаты – работают почти в каждом населенном пункте и финансируются за счет государства. Это государство в государстве. У них собственная система, где у каждого отдела своя сфера влияния и даже свой раввинатский суд.

Почти любая процедура рассмотрения дел, как и в обычном суде, требует предварительной оплаты для решения возникшей проблемы. С этим мне пришлось столкнуться при женитьбе моего сына, когда потребовалось для получения разрешения на регистрацию брака доказать в раввинате, как это ни странно было для меня слышать, его принадлежность к евреям.

Предъявленные документы о родословной моей жены, её матери, бабушки, об их еврейском происхождении, свидетельства близких друзей не возымели никакого действия, пока не было открыто дело в суде и не были оплачены судебные издержки. Только после внесения соответствующей платы заветная бумага была выдана.

Раввин, рассматривавший это дело, заверил моего сына, что когда его сестра будет выходить замуж, то у неё уже проблем не будет. Это напутствие хоть как-то согревало душу, но, как говорится, свежо предание, да верится с трудом.

Насколько мудры были наши предки, давшие нам сотни таких выработанных жизнью изречений. Как в воду они глядели. Через три года моя дочь дала согласие своему суженому выйти замуж, как говорят в таких случаях родители – *Барух а Шем, Мазл Тов!* Собрав метрики и взяв те документы, по которым регистрировался брак её брата, она вместе с нами пошла в раввинат. Папа, надо здесь отметить, никакой роли не играет, как будто он ни при чем. Разговаривает раввин в основном с мамой, ради Б-га.

Дочь, показав документы, рассчитывала, что всё, как обещал раввин, будет решено автоматически. Но справки пишут не профессиональные переписчики Торы, тефиллин и мезузот, а простые, порой малограмотные секретарши.

Раввин, взяв в руки справку, выданную судом раввината, и прочитав её, немного удивился и спросил у дочери, правда ли, что у её брата до женитьбы уже была дочь? Этот вопрос застал нас всех врасплох, так как никто не вникал в суть написанного решения. Свадьба уже давно состоялась.

Конечно, справка суда раввината не Тора, которая из-за одной неверной точки, не той высоты букв, любой подчистки, исправления считается недействительной и не может использоваться при молитве, а должна быть просто захоронена.

Принимавший нас раввин отправил нас к другому раввину, который выдал этот документ, исказивший смысл ответа сына, с уверениями не переживать: мол, там все быстро исправят.

В тот раз сыну действительно был задан вопрос, один ли он у мамы, на что сын ответил, что у мамы есть ещё дочь. Секретарша, забыв, что вопрос касался мамы, записала в выданной справке, что у сына есть дочь. Вникать в то время в текст справки не было необходимости, и на свет она вновь появилась через три года, внеся порядочную сумятицу в подготовку к свадьбе.

Через три года нам пришлось пройти по уже проложенной сыном дорожке. И надо же было случиться, что, отправляясь исправлять ошибку, дочь попала к тому же раввину.

Здесь бы ему и извиниться за допущенную ошибку, но на такие мелочи в этом заведении ответ простой – открывай дело, плати деньги, и всё будет беседер (порядок), не переживай. То есть за ошибку, допущенную раввинатским судом при выдаче справки, платить должен бедный еврей!

Если бы жив был царь Соломон, эти бюрократы из раввинатского суда лишились бы своей работы. Дело, конечно,

не в 100–150 долларах, а в принципе, в подходе к возникшей проблеме. Я её попытался решить в России, показав нашему биробиджанскому раввину Мордехаю Шайнеру требовавшиеся документы, благо не все такие крючкотворы и бюрократы, какие попались нам в Израиле. Но даже после того, как из России подтвердили, что у нас с документами все беседер, в Израиле дочь отправили платить деньги за проведенное через раввинатский суд решение. Пусть это будет на их совести, если они знают, что это такое.

Но мои обиды на все, что произошло, я отношу, скорее, на счет моего незнания менталитета израильтян и тем более законов и порядков этой страны. А потребность в этом чувствовал и попросил брата показать и рассказать немного о жизни религиозных евреев.

БНЕЙ-БРАК

О городе Бней-Брак, что расположен рядом с Тель-Авивом, я слышал давно, но особого интереса никто из моих знакомых к нему не проявлял. В Израиле есть много других известных туристических достопримечательностей, уникальных в своем роде. Объехать их все даже за месяц – нереальная задача, тем более что есть места, которые я не мог не посетить, сколько бы раз не приезжал в эту страну. Одно из таких мест – Стена Плача. К этой Стене притягивает необъяснимая сила. Эти многовековые камни видели и слышали сотни поколений иудеев. К ней подходят трепетно, с благоговением и в каком-то скорбном молчании, отдавая дань памяти своим предкам. Мужчины и женщины молятся отдельно, каждый на своей стороне. Молитва у Стены Плача, здесь верят, напрямую попадет к Б-гу.

У Стены слышен шёпот молитв и перелистывание страниц Торы, просьбы, обращенные к Б-гу устно или в записках, вложенных в едва заметные расщелины между камнями,

которые раз в месяц собирают, чтобы захоронить их по законенному раввинами ритуалу на Масляничной горе. После молитвы уходят пятясь, лицо верующего всегда должно быть обращено к святыне. Всё это происходит возле камней двухтысячелетней давности, у Западной Стены бывшего Храма.

Постояв у Стены и прикоснувшись к ней, я мысленно обратился к Б-гу в надежде быть услышанным. Вокруг меня стояли хасиды, которые, закрыв глаза, читали молитвы, приложившись лбом к камням. В одной руке у них была Тора, другой они касались Стены.

Слева от Стены расположено помещение для проведения молитв, в котором хранятся свитки Торы и книги в старинных кожаных тисненых окладах. Недалеко от входа сидела на каменных ступеньках группа детей – около двадцати мальчиков пяти-шести лет. Детки, одетые, кроме белоснежных рубашечек, во всё черное, начиная с ермолок и шляп, из-под которых пробивались уже тонкие и нежные волосики закрученных пейсов, внимательно слушали молодого раввина, который им что-то объяснял на иврите.

Я смотрел на деток, пытаюсь увидеть их глаза и понять их отношение к этому уроку. Вдруг мне стало понятно, что говорит раввин. Он перешел на идиш, отчего я удивился, так как не мог понять, как такое может быть. В наше сознание было четко заложено со времен коммунистической идеологии и пропаганды, что в Израиле в основном все говорят на иврите, а тем более религиозные ортодоксальные евреи.

Детки, как ни в чем не бывало, продолжали его слушать и запели какую-то песенку на идиш. Продолжать смотреть на них мне стало как-то неудобно, и я вышел в растерянности, не понимая, что бы это значило.

На выходе меня ждала сестра, и первым вопросом к ней было: с чего это раввин на идиш говорит и откуда он его знает? В моем представлении евреи-ортодоксы должны общаться на иврите, а здесь не только раввин, но и дети знают идиш. Ответ был простой и понятный. Есть иврит – священный язык, который называют «Лашон-кодеш», на этом язы-

ке была дана Тора, и в основном на нем читают молитвы. Иврит, которым сейчас пользуются, воссоздан немногим более ста лет назад на основе языка Торы, и он используется в простом общении между людьми как в Израиле, так и за его пределами. Идиш также не забыт и применяется многими ортодоксами в быту. Этого порядка придерживаются религиозные евреи. В Бней-Браке и Иерусалиме их достаточно много, и живут они компактно.

Мне захотелось увидеть этот город, людей, живущих в нем, почувствовать его атмосферу. В один из вечеров мы с братом поехали в город ортодоксов. Спокойствие людей, какая-то размеренность в движениях, безмятежность чувствовались при первом взгляде на проходивших мимо меня людей. Мы шли вдоль главной улицы этого города, и нам не попалось ни одного мужчины без кипы или шляпы, не было женщин в брюках или коротких юбках, с оголенными плечами, большим декольте. Зато чаще, чем в других городах, попадались семейные пары и женщины, гуляющие с четырьмя-шестью детьми мал-мала меньше и к тому же ожидающие очередного ребенка.

Почти на каждом углу в совершенно неприметных зданиях были небольшие синагоги, откуда выходили и входили мужчины с пейсами, одетые в основном в черные костюмы, *цицес*. Было время вечерней молитвы. Мне было интересно посмотреть эти простые маленькие синагоги, но без кипы мы не могли зайти в помещение. Ефим предложил вместо этого заглянуть в любой магазинчик, чтобы удовлетворить моё любопытство и убедиться – здесь свободно говорят на идиш, что мы и сделали.

В небольшой лавке продавали предметы быта, посуду и прочие товары для дома. Хозяин магазинчика, мужчина лет пятидесяти, ещё не успели мы закрыть за собой дверь, поздоровался с нами и стал расспрашивать, что нас интересует. Как мы и договорились с братом, сразу перешли на идиш, что он воспринял как должное. Но так как покупать мы ни-

чего не собирались, то начался обычный диалог знакомства – кто, откуда и зачем...

Хозяин оказался словоохотливым и с желанием поддерживал разговор. Когда же я сказал, что приехал из Биробиджана, он не особенно удивился, но брат решил переспросить его, а знает ли он, где вообще находится этот город. Его ответ вызвал у нас смех. Он его разместил в Средней Азии. Когда до него дошло, что надо затратить четырнадцать часов на самолете, преодолеть восемь часовых поясов, чтобы добраться до Израиля, то мне показалось, что он стал на меня смотреть с уважением и одновременно непониманием – неужели там тоже живут евреи и почему они не едут в Израиль. Свой бизнес он ведет с партнером, который возит бриллианты в Москву, что было приятно слышать, но то, что он не знал, где находится Биробиджан, меня немного расстроило. Пожелав ему успехов в бизнесе и здоровья, мы с ним распрощались и пошли дальше бродить по улицам, где действуют свои законы, словно это другой мир.

В этом городе люди живут согласно Торе, и ничто их не может заставить изменить раз и навсегда заведенный порядок. Здесь как будто машина времени возвращает нас в восемнадцатый век, и время там словно бы останавливается. Строгое соблюдение религиозных заповедей, в том числе семейных устоев, быта, традиций, культуры, является основой их жизни. Как рассказал мне Ефим, если мужчина заходит в дом соседа, а глава семьи в это время отсутствует и дома находится одна жена с детьми, то он не имеет право зайти один, без постороннего, и даже смотреть в её сторону. Но если очень нужно что-то узнать, то он может с этой женщиной разговаривать, только отвернувшись от неё.

Соблюдение шабата – субботы – святое для религиозного иудея. К этому дню семья готовится весьма тщательно, все надевают праздничную одежду, перед ужином идут в синагогу, затем садятся за трапезу, прочитав перед этим молитву. Перед наступлением шабата назначается ответственный, который проверяет целостность эйрува – каната, ого-

раживающего населенный пункт. Эйрув служит как бы для духовной охраны, объединяя людей, проживающих на этой территории. Если этот контур поврежден, то евреи не имеют права находиться на улице, держать что-либо в руках.

Но если всё же что-то произойдет в шабат, то на этот случай должен быть шабес-гой, то есть, дословно, – субботний не еврей, с которым заключен договор, по нему тот имеет право наладить подачу света, работу лифта и т. д. и т. п. Кстати, лифт в субботу работает в автоматическом режиме, так как верующему еврею ничего нельзя включать или выключать. Надо дожидаться, когда лифт прибудет на твой этаж, а затем он в автоматическом режиме поднимается на каждый последующий этаж, открывает двери, через определенное время закрывает их и поднимается и опускается так вверх-вниз весь шабат. Также всю субботу в доме включена шабатная электроплитка, служащая для подогрева пищи. При входе в квартиру автоматически зажигается свет. На машинах в субботу в этом городе не ездят, за исключением скорой помощи, пожарных и полицейских машин.

В этом городе живут, работают только религиозные евреи, которым не чужды электроника, компьютеры, бизнес, с одной стороны, и строгое соблюдение законов Торы как основы существования их жизни – с другой. Как далеки мы от всего этого, и как трудно порой бывает понять культуру, традиции, законы другой страны...

Израиль – страна необычная. Её библейскую географию можно изучать всю жизнь, и каждый день будет отличаться от предыдущего, как день и ночь. Это не только история трех мировых религий – иудаизма, христианства и ислама, но и контрасты удивительной природы, которая так сильно отличается на севере от южной, что порой задаешь себе вопрос, а где же ты находишься? Снег на горе Хермон и раскаленные пески пустыни Негев, пресный Кинерет (Галилейское море), дающий жизнь всему живому на этой земле, и Мертвое море с его лечебной грязью, водой и воздухом, которые в комплексе дают больным шанс на жизнь.

История здесь в каждом камне, который может рассказать о прошлой жизни. Если историю происхождения нашей земли, чей возраст насчитывает десятки миллионов лет, мы изучаем, заглядывая в недра или в космос в поиске первокирпичика, то человеческую историю на протяжении нескольких тысячелетий мы пытаемся раскрыть, роаясь в книгах, в развалинах, ища те самые каменные скрижали, на которых были начертаны заповеди Б-га.

С 1947 года по 1956 год здесь была сделана одна из наиболее важных в истории человечества археологических находок – в пещерах у Мертвого моря найдены свитки, написанные на иврите, греческом и арамейском языках, относящиеся к периоду Второго Храма. Рукописи из Кумранских пещер, или, как их ещё называют, Свитки Мертвого моря, подтверждают подлинность текстов Торы. Эти бесценные документы человеческой истории можно увидеть в специально созданном для них музее Храма Книги.

У каждого народа, у каждого индивидуума своя история, своя судьба, свой путь в этой жизни. Нам порой кажется, что мы его выбираем, что это мы решаем, какой дорогой идти. Но со временем оказывается, что жизнь сама делает это за нас, и задаешься вопросом: по чьей же воле все происходит на этой земле?

ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!

Вокруг Еврейской автономной области уже не один год витают различные идеи о необходимости её присоединения – то ли это должно быть присоединение к Хабаровскому краю, то ли (этот вариант рассматривается, наверное, пока только в узких кабинетах власти и ученых кругах) вхождение в состав Приамурской губернии, куда должны будут войти еще Хабаровский край и Амурская область. Кто-то запустил «утку» об объединении двух районов области – Биробиджан-

ского и Смидовичского – с Хабаровским, с общим районным центром на другом берегу Амура в селе Некрасовка.

Если у кого-то, может, и было желание объединиться, то после такого расклада и самый ярый сторонник последнего варианта станет первым её противником. Порой в знакомых кабинетах власти пока решишь вопрос, все ступеньки обобьёшь, а тут на чужой стороне и вовсе не будешь знать, к кому обратиться за помощью.

Возникает сразу ряд вопросов: а кому это надо? В чьих интересах это пока только обсуждается? Что будет с областью после такой реорганизации? и т. д. и т. п. Ответы на них неоднозначны. Даже ученые не возьмутся дать гарантию решения многих проблем, которые в этой связи предстоит преодолеть. Жизнь не всегда укладывается в математическую формулу, порой все складывается намного сложнее.

История этого вопроса своими корнями уходит в наше коммунистическое прошлое. Уже тогда в той или иной интерпретации он вставал перед властью. Партийное руководство Хабаровского края считало нашу область своим сельскохозяйственным придатком. Ежедневно два вагона молока отправлялись в город Комсомольск-на-Амуре. Север края снабжался нашим картофелем, капустой и прочими овощами. Сенокосные угодья давали тысячи тонн сена, которое в тюках трелевали по дорогам большегрузные автомобили и баржи по Амуру. Надо отдать должное, что в этой заготовке кормов для животноводства, картофеля, овощей принимали активное участие трудовые коллективы края, которые по разнарядке приезжали к нам в область. В общем объеме сельхозпродукции наша небольшая область обеспечивала 35 процентов потребностей края.

Весьма болезненно реагировал в те годы край на попытки области получить какие-то дополнительные возможности в финансировании экономики, социальной сферы. У нас не было развитой сети автодорог с асфальтовым покрытием, портовых сооружений, чувствовался недостаток элек-

троэнергии. Это впоследствии сказалось и на проектах по добыче полезных ископаемых. Чтобы добраться до наших подземных кладовых, надо затратить огромные средства на создание инфраструктуры, а их никто не выделял. Область раздражала партийных боссов, когда шла речь о дополнительных программах её развития.

Мы были апендиксом у Хабаровского края, который хотел, как это делают хирурги, удалить и забыть, что существовала такая область. Только в последние годы наша автономия почувствовала, что значит быть самостоятельной. Результат этой работы выражается в динамике роста валового регионального продукта на душу населения, который в ЕАО за последние пять лет возрос более чем в пять раз, в то время как в Хабаровском крае – в 2,8 раза, а в Амурской области в – 3,6 раза. По объему инвестиций, опять же на одного человека, за последние годы мы вошли в первую тройку среди десяти регионов Дальневосточного округа, сразу после Сахалинской области и Республики Саха (Якутии).

Небольшой территорией легче управлять, с этим трудно спорить. Но когда экономика возрождается, а социальный климат благоприятствует её развитию, то люди сами видят выгоду от переселения в область, где цена квадратного метра жилья более чем в три раза ниже чем в Хабаровске и значительно меньше затрат по другим статьям семейного расхода.

К нам едут с Магадана, Камчатки, Сахалина, Якутии в поисках работы и спокойной жизни, которой благоприятствует и умеренно-континентальный климат. Хабаровские жители переселяются к нам от городского смога, нарушенной экологии. На левом берегу Амура в Смидовичском районе уже рассматривают проекты застройки жилых комплексов и прочей инфраструктуры нового микрорайона левобережья.

Да, сегодня область дотационная, но таких субъектов, как мы, большинство. Менее десяти регионов России живут за счет собственных доходов в бюджетном финансирова-

нии. Чтобы нам выйти на этот уровень, одних наших усилий явно недостаточно.

Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья, рассчитанная на реализацию до 2005 года, была призвана преодолеть дезинтеграционные тенденции. Она охватывала 13 регионов Дальнего Востока и Забайкалья, включая нашу область. Её главной целью предусматривалось вывести экономику этого региона России из кризиса, обеспечить устойчивое функционирование всего хозяйственного комплекса и решение жизненно важных проблем населения.

Как и многие другие программы, она стала уже историческим документом для тех, кто будет писать диссертации о прошедшем времени. Заявка на развитие Дальнего Востока осталась только декларацией. Эта программа не получила должной федеральной и региональной поддержки, и поэтому в ходе ее выполнения не произошло существенных улучшений в социально-экономической ситуации на востоке страны, а многие показатели оказались существенно ниже расчетных и тем более центральных и европейских регионов России. Федеральные ресурсы направлялись и направляются в другие регионы, далеко не бедные и не обделенные вниманием Москвы.

При распределении государственных бюджетных средств на протяжении многих лет Дальний Восток, считавшийся окраиной страны, финансировался по остаточному принципу. Как результат этой политики, мы уже отстали в экономическом развитии лет на двадцать-тридцать даже в условном соревновании с нашим южным соседом – Китаем, а лет пятнадцать назад всё было наоборот, не говоря уже о Японии и Южной Корее. Мы прочно заняли место сырьевого придатка стран Юго-Восточной Азии.

Главным нашим доходом является, к сожалению, экспорт круглого леса. На баржах по Амуру и по рельсам «железной реки» ежегодно уходят в Китай миллионы кубометров кругляка. Так проще и быстрее получить прибыль, но так

крайне невыгодно государству. Ведь основная прибыль получается после переработки леса, и она уходит за границу.

Наши неосвоенные месторождения железных руд, углеводородов, драгоценных металлов – это завтрашний день России, это пока наш неприкосновенный запас – НЗ, как говорят, на черный день. Он только растет в цене, как уголь или нефть, которые с годами становятся всё более качественным товаром.

Но что же делать людям, проживающим на этой земле, которые с годами только стареют, болеют и, конечно, хотят на старости лет получать достойную пенсию и иметь нормальное благосостояние. Почему государство забывает о том, что его главной целью по конституции является человек, его права и свободы? Именно государство отвечает за проведение эффективной политики, которая должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это в большей степени относится к нам, дальневосточникам.

В интервью «Российской газете» член-корреспондент РАН, доктор экономических наук Павел Минакер сказал: «Если мы хотим превратить эту территорию в российский оплот на Амуре, давайте воспользуемся ситуацией. Но для реализации подобных национальных проектов нужно быстро вложить не по 20 миллионов в год, а по два миллиарда. Создать здесь соответствующую инфраструктуру, предоставить надлежащий статус. Кому будет плохо от того, что инвесторов, вкладывающих сюда деньги, на пять лет освободят от всех налогов? Ведь там же все равно ничего нету! И если ничего не делать, то и не будет!».

Если государство создаст условия для закрепления населения в регионе (введет нулевую ставку налога на производство в течение ряда лет, на земельные участки, занятые под предприятия и сельскохозяйственное производство, поднимет пенсии на 30 процентов как компенсацию за наши дальневосточные издержки и будет их ежеквартально индексировать), то люди сами поедут на Восток.

Необходимо будет образовать единую дальневосточную энергосеть с тарифами на электроэнергию, значительно сниженными как для населения, так и для предприятий. Заняться строительством транспортной инфраструктуры, в том числе автомобильных дорог, речных и морских портов, воздушного сообщения. Придется решать вопросы структурной модернизации экономики. Все это создаст предпосылки для привлечения на Дальний Восток инвестиций.

Это должно стать стратегией государства, решающего проблемы развития экономики и социальной политики на Дальнем Востоке, которая позволит открыть новые рабочие места, улучшить демографическую обстановку на Дальнем Востоке, где уже сейчас не хватает квалифицированных специалистов. Экономисты прогнозируют увеличение притока рабочей силы из Китая, что и происходит в последние годы и без чего невозможно будет осваивать инвестиции, рост объемов промышленного производства.

Государство создано народом, чтобы не разрешать, а создавать условия, при которых каждая семья, как первичная ячейка общества, была бы в состоянии обеспечить себе нормальную жизнь. Пока же есть одни обещания того, что через столько-то лет с ростом ВВП будет жить нам лучше. Простые люди сомневаются или не верят, и разубедить их в этом можно только тогда, когда государство повернется «к лесу задом», а к человеку лицом. И будет смотреть ему в глаза не боясь – и сегодня, и завтра, и через многие годы.

Еврейская автономная область существует сегодня не только на карте Российской Федерации. О нашей области известно давно и далеко за её пределами. Что бы ни говорили, ни решали и ни писали на эту тему, но область с её удивительной историей вошла в летопись страны и мира как место, где был совершен один из первых шагов России после революции 1917 года, давших евреям землю и право на создание собственной государственности.

Да, евреев здесь проживает всего несколько процентов, но ведь до сих пор выясняется, что у многих русских биро-

биджанцев есть еврейские корни, о которых они нет-нет да и вспоминают. Давно отсутствует у нас в паспорте пятая графа – национальность, но политика страны в национальном вопросе иногда дает осечку. Национальный вопрос, говорили большевики, и есть тот оселок, на котором проверяются партии и их лидеры. То в одном месте, то в другом появляются антисемитские тенденции, чего, слава Б-гу, нет у нас в области. Но мы ведь не изолированы от окружающего нас мира. У нас просто другой социальный микроклимат, в котором нет национальной дискриминации. Здесь, как в старом еврейском местечке, все друг друга знают в лицо. Здесь всё происходит на виду у всех, и никуда не спрячешься, разве только уедешь из страны. Но и в Израиле, куда многие биробиджанцы ездят в гости к родственникам, как к себе домой, перебивают нам косточки, придумывая, как в испорченном телефоне, небылицы о нашей жизни – скорее из тоски по своей первой родине, как первой любви, которая остаётся в человеческой памяти на всю жизнь.

Ломать легче, чем строить. Хирургу, взявшему в руки нож, надо семь раз отмерить, прежде чем начать резать по живому организму. Наша страна – это и есть живой организм, где сегодня между субъектами Федерации уже устоялись экономические связи, социальные, культурные взаимоотношения, сформировалась и определилась структура производства на местном уровне и в региональном масштабе.

Изменить территориальное деление – это все равно, что взять нож и приступить к открытой операции без наркоза, потому что взаимоотношения и связи – это и есть артерии, вены, нервы, которые, как бы ни старался хирург, будут повреждены. Каждое движение в ходе и после такой «операции» будет очень болезненно. И если это всё же произойдет, то, может быть, уже никогда не будет еврейского местечка под названием Биробиджан. Не говоря уже о том, что не сложатся местная социальная инфраструктура и гражданское общество.

Еврейская область – это наш бренд, который стоит многого. Не будет названия этой области на карте России – и только в личных воспоминаниях и книжках останутся страницы нашей биробиджанской истории. О нас знают и помнят за рубежом как об уголке, где был искусственно создан еврейский район. Но уже прошло больше семидесяти лет, а интерес к нам не пропадает, несмотря на то что здесь осталось не так много евреев.

Один из наших биробиджанцев рассказывал мне, что его израильский знакомый, видя встречавших его в каждом городе земляков, спросил: «Что это за город такой Биробиджан, там что, миллион человек живет, где мы ни появимся, везде ваши люди, откуда столько людей приехало?».

Действительно, как подсчитал Д.И. Вайсерман, в Израиле проживает более двадцати тысяч человек из нашей области. Мне показали один из районов небольшого городка на севере Израиля, который так и называют между собой его жители – Валдгейм, и где живут только биробиджанцы. Все это нисколько не умаляет значимости тех, кто остался в Биробиджане. Особенно если вспомнить наш подход к этому вопросу, когда спрашивают: а сколько евреев живет в Биробиджане? На это есть только один ответ: как у нас обычно говорят, «сколько бы их ни уехало, все равно остается больше, чем было».

Поймут ли люди, живущие сегодня в области, когда им придется решать судьбу нашего семьдесят девятого региона, что будет с нашими традициями, с культурой, экономикой, которые после такого объединения неизбежно разворуются? Наобещать можно горы золотые, слова денег не стоят, это мы уже проходили, они просыплются, как песок сквозь сито. Биробиджану, полагаю, от этой реорганизации ничего «не отломится», а деревням и поселкам нашим и по-прежнему. Кому нужна окраина? Где потом найти тех «деятелей», которые будут агитировать и ратовать за мифические преимущества объединения?

При нынешнем устройстве нашего государства и спросить будет не с кого. Москва далеко – не докричишься. Забудьте о том, что было, а что будет с нами – только одному Б-гу известно. В главе первой «КОГЕЛЕТ» (п. 11) сказано: «Нет памяти о прежних (поколениях), и о последующих, которые будут, не останется о них памяти у тех, что будут ещё позже». Не одно тысячелетие прошло с тех давних пор, а эти простые истины в словах Когелета (Соломона), сына Давида, царя в Иерусалиме, напоминают нам о том, чем все закончится.

История жизни Биробиджана – это судьбы многих людей, в разное время принимавших участие в его строительстве, вложивших свою душу, силы и знания в то, чтобы сделать этот город самым красивым, самым родным и близким.

Биробиджан – это моя родина, где родились мои дети, где похоронены родные. Это не только географическое понятие – это наша духовная жизнь, переданная нам нашими родителями для того, чтобы мы могли сохранить, приумножить и передать все в надежные крепкие руки нашим детям и внукам. Поэтому каждый человек, как звездочка, должен оставить след от своей жизни в памяти родных и близких. Если этот след увидят и другие, значит, и жизнь прожита не зря.

И, как сказано в молитве в Рош га-Шана, «раскроешь книгу памяти и будешь читать её, в которую каждый человек вносит запись». Да прочтут наши дети и внуки, наши потомки, написанное о нашем поколении. *Шолом-Алейхем* – мир вам, люди!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Прочти и задумайся...

Закрыта последняя страница. Такие книги привык читать, «не гоня лошадей». Я часто останавливался, задумывался, восстанавливал в памяти события, о которых пишет

Иосиф Бренер: о встречах с разными людьми, о противоречивых процессах в жизни. Свидетелем некоторых из них пришлось быть и мне. Иногда я соглашался с его видением происходивших событий и оценками. Временами протестовал и оспаривал. Узнал для себя и немало нового. Вместе с этим появлялась и радость познания.

Автор выполнил, на мой взгляд, очень тяжелую работу. Ведь он пишет не только о пережитом лично и происшедшем на его веку. Он попытался заглянуть на многие годы назад и в будущее. Книга эта – труд не беспристрастного историка, а думающего эмоционального повествователя. Она о жизни и о себе. О нас с тобой, читатель.

Иосиф встречался со многими героями своей книги, нашел ценные архивные материалы, сам и с помощью заинтересованных в поисках правды людей сделал переводы интересных и важных для нас документов с английского, иврита и идиш.

С большой любовью пишет автор о своих родных: деде, отце, матери, близких людях. Пытается воссоздать генеалогическое древо своей семьи. Повествование пронизано искренней признательностью, любовью и уважением к школьным учителям и наставникам по жизни. С какой теплотой и верой в возможности нашей молодежи и энтузиастов спорта рассказывает Бренер о том, что многим, а может быть, и большинству, неизвестно. Благодарен ему за доброе отношение к годам армейской службы.

В отличие от других авторов, пытавшихся писать об истории области, он наиболее объективен. Без прикрас, описывая трагизм освоения первыми переселенцами так трудно поддававшейся земли, он ведет рассказ и о судьбе и жизни земляков, покинувших область, ставших «олимами» и строящих свою жизнь на исторической родине. В Израиле мне рассказывали о трагедиях, постигших первых еврейских переселенцев на земле обетованной. Таков, очевидно, путь многих первопроходцев.

Бренер не осуждает решение о создании области, не видит в этом трагической ошибки. Он рассказывает, как трудно это давалось, было немало ошибок, как герои ее строительства становились без вины виноватыми, подвергались чудовищным репрессиям. В его книге звучит призыв отдать долг памяти и благодарности тем, кто уже в мире ином, и тем, кто еще с нами – пусть будет продлена их земная жизнь.

Я знал Бориса Миллера, долгие годы работал с его сыном Марком на заводе силовых трансформаторов, был знаком с Владимиром Израилевичем Пеллером – легендой области. Присутствовал однажды, случайно, при его встрече и мимолетном разговоре с А.К. Черным. Я многие годы был убежден, что секретарь ценил его – и как героя войны, и как «пахаря» – очень высоко. Видно, поэтому, чуя близкую кончину, именно в крайком пришел Пеллер проститься и обратиться со своей последней просьбой.

Пусть тот, кто прочтет эту книгу, вспомнит, как отмечали дни Победы. Участников войны было еще много. В каждом трудовом коллективе и в целом в городе проводились праздничные маевки. Для меня война началась, когда мне шел десятый год. Пережил эвакуацию из Днепропетровска на Северный Кавказ, а затем в Дагестан. Видел все ужасы войны, голод, гибель людей. От рук оккупантов погибли бабушка и семья маминого брата. В Севастополе пал брат отца Миша – выпускник Высшего военно-морского училища 1941 года, в сражении подо Ржевом – брат папы Евгений, командир танкового корпуса. Все военные годы летом мы, дети и подростки, работали на предприятиях. Многие из нас видели ужасы войны, разрушения и вместе со взрослыми восстанавливали разрушенные войной территории, оккупированные немцами.

В книге описано много интересных событий из жизни самого Иосифа Бренера. По сравнению со мной он еще молод, но путь прошел нелегкий. Он человек думающий. С интересом познакомился и с его работой в спорте, в газете

«Биробиджанер Штерн», в агентстве «Интурист», в партийных органах. Жаль, что Иосиф не считал необходимым рассказать о своей деятельности как предпринимателя. Он сделал многое в сложных условиях реформирования экономики, добился определенных успехов в развитии своего производства. Я, отдавший 25 лет промышленности, ценю это очень высоко.

Вся книга пронизана любовью к Биробиджану и области, к памяти тех, кого уже нет с нами, к людям, продолжающим дело первопроходцев. Страстным призывом звучит обращение: не быть обманутыми теми, кто может своей безответственной болтовней, в условиях административных преобразований, нанести развитию области и ее людям непоправимый урон и с кого спросить уже за это будет нельзя. Мы пожинаем плоды «либерализации», «шоковой терапии», разглагольствований «мальчиков в коротких штанишках», «рыночных» экономистов, которым не было дела до простого человека с его проблемами, заботами, и, в конечном счете, отбросивших страну на десятки лет назад.

Поэтому и я хочу закончить обращение к тебе, читатель так же, как завершает свою повесть Бренер, – Лэхаим, Биробиджан!

А тебе, Иосиф Семенович, за книгу – спасибо! Пусть она поможет будущему читателю принимать правильные решения. Научит благоразумию, любви к Отчизне и библейской мудрости: «Лучше знание – нежели отборное золото».

*М.М. Кауфман,
Почетный гражданин
Еврейской автономной области*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскин И. Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего. – Екатеринбург, 1993.
2. Бен-Эфраим А. Справочник по иудаизму. 1200 понятий и терминов. – Нью-Йорк, 2004.
3. Блоштейн Г. Биробиджанские зарисовки. – Киев, 1939.
4. Блоштейн Г. Стихи (Песни). – Киев, 1934.
5. Бренер И.С. Дерево у дороги жизни. // Биробиджанская звезда. – 2005, 17 февраля.
6. Бренер И.С. История Биробиджанской синагоги. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы VII региональной научно-практической конференции (21-22 августа 2006 года) / Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Под ред. Я.М. Кофмана. – Вып. 1 (23). – Красноярск-Кемерово, 2006.
7. Бренер И.С. Мост из прошлого тысячелетия: К 70-летию ЕАО // Биробиджанер Штерн. – 2004, 8 апреля, 15 апреля, 22 апреля, 29 апреля, 6 мая.
8. Бренер И.С. Неизвестный профессор Б.Л. Брук. // Региональные проблемы. Научный журнал Дальневосточного отделения Российской академии наук. Под ред. Е.Я. Фрисмана. – Биробиджан, 2005. – № 6-7.
9. Бренер И.С. Потерянные страницы истории. // Биробиджанер Штерн. – 2005, 2 марта.
10. Бренер И.С. Худзиновка-Валдгейм – дом в лесу. // Биробиджанер Штерн. – 2006, 25 мая.
11. Бренер И.С. Это мы, Господи! // Биробиджанская звезда. – 2005, 16 марта.
12. Брук Б.Л. Биробиджан. – М., 1928.
13. Бугаенко Е. На берегу Амура. – М., 1984.
14. Вайсерман Д.И. Биробиджан и трагедия. – Биробиджан, 1999.

15. Вайсерман Д.И. Как это было? – Биробиджан, 1993.
16. Ванеев Е. Биро-Биджан. – Хабаровск, 1931.
17. Вейнпер З. Биребиджан. – Нью-Йорк, 1935.
18. Воложенинова Н.Ю. Религиозные конфессии в Еврейской автономной области. // Раддевские чтения: Научно-практическая конференция: Исторический опыт заселения, развития производительных сил, экономики и социальной сферы Еврейской автономной области. – Биробиджан, 27-28 ноября 2003 г. – Биробиджан, 2003.
19. Государственный архив Еврейской автономной области. Ф. 3. Оп. 1. Дд. 14, 30, 35, 43, 65, 68, 69, 70, 102, 131, 132, 156, 162; Оп. 2. Дд. 6, 46; Ф. 505. Оп. 1. Дд. 872, 1173, 1185; Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 434; Ф. 172. Оп. 7. Д. 16; Ф. 490. Оп. 1. Д. 18.
20. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 6.
21. Генина Е.С. Религия и власть: Еврейская община Биробиджана во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: Материалы международной научно-практической конференции. Кемерово, 23-27 ноября 2003. Кемерово: Институт угля и углехимии СОРАН, 2003. Выпуск 2.
22. Гольдштейн М. Биробиджанские рассказы. – М., 1941.
23. Гонтарь А. Ясный день. – Киев, 1938.
24. Гордон С. Биробиджанские дети. – М, 1937.
25. Гордон С. Биробиджанские старожилы. – М., 1947.
26. Дальний Восток и Еврейская автономная область: История, современность и перспективы развития. Тезисы научно-практической конференции. – Биробиджан, 2004.
27. Дальний Восток и Победа. 1945–2005. / Вторые Раддевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы во Второй мировой войне. Г. Биробиджан, 25-26

- апреля 2005 г. / Сост. Е.А. Кузнецова; Гл. ред. А.Я. Рабинович. – Биробиджан, 2005.
28. Диманштейн С.М. Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. – М., 1936.
29. Добин Г.И. Рассказы. – М., 1956.
30. Добин Г.И. Сила жизни. – М., 1965.
31. Друянов М.Б. Еврейская Автономная область: Биробиджан. – М., 1934.
32. Евреи в Харбине. /Под ред. Ку Вей, Ли Шусяо. – Харбин, 2003
33. Еврейская автономная область: Энциклопедический словарь. /Отв. ред. В.С.Гуревич, Ф.Н.Рянский. – Хабаровск, 1999.
34. Земля, на которой я счастлив. / Под ред. Л.Б. Шапиро. – Хабаровск, 1984.
35. Кадышев М. Биробиджан – страна больших возможностей. – М., 1931.
36. Каменецкий И.В. Природные богатства Еврейской автономной области. – М., 1936.
37. Канторович А. За социалистический Биробиджан. – Хабаровск, 1933.
38. Канторович А. Производительные силы Еврейской автономной области. – М., 1937.
39. Кудиш Е.И. Литературное наследие Еврейской автономной области. Вып. 1. Они писали на идиш / Е.И. Кудиш.
40. Кудиш Е.И. Литературное наследие Еврейской автономной области. Вып. 2. Проза, поэзия. / Е.И. Кудиш. – Биробиджан, 1999.
41. Кудиш Е.И. Славен в стихах и песнях Биробиджан: муз.-поэтич. сборник. / Е.И. Кудиш. – Биробиджан, 1997.
42. Кудиш Е.И. Театральный Биробиджан: Историко-документальный очерк. / Е.И. Кудиш. – Биробиджан, 1996.
43. Литературный Биробиджан. / Сост. Р.С. Шойхет. – Хабаровск, 1984.

44. Мазур М.М. Сколько бы лет ни прошло: Записки директора Биробиджанского Дома пионеров и школьников. – Израиль, 1999.
45. Мережин А.Н. Вопросы земельного устройства трудящихся евреев. – М, 1927.
46. Мережин А.Н. Что такое Биробиджан. – М, 1929.
47. Розенталь-Шнайдерман Э. Биробиджан вблизи. – Иерусалим, 1983.
48. Резолюции 2-го съезда советов Биробиджанского района. 25–29 января 1931 г. – Биробиджан: Издание газеты «Биробиджанская звезда», 1931.
49. Рой Я. Евреи и еврейская жизнь в России и в Советском Союзе. – Портленд, 1995.
50. Российская еврейская энциклопедия. Тт. 1–4. / Гл. ред. Г.Г. Брановер. – М., 1994–2000.
51. Сарашевская Е. Ударный труд, а не молебн. // Биробиджанер Штерн. – 2006, 18 мая.
52. Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1991.
53. Финк В. Евреи в тайге. – М., 1930.
54. Хавкин М.П. Еврейская автономная область к своей первой годовщине. – М., 1935.
55. Хавкин М.П. Еврейская автономная область к XVIII годовщине Октября - М. 1936.
56. Хайкина Д. Стихи. – Киев, 1938.
57. Эмиот И. Биробиджанское дело. – Нью Йорк, 1960.

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!	10
ПУТЬ НА ВОСТОК	10
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОФЕССОР БРУК	39
ПЕРВЫЙ ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ	49
«ДИНАМИТ КЛАССОВОЙ ПРАВДЫ О СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ»	58
ДОРОГА В БИРО-БИДЖАН	70
СУДЬБЫ С ПЕЧАТЬЮ ВОЙНЫ	79
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО	87
РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ	91
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ	102
КОГДА ДОМА И ТРОТУАРЫ БЫЛИ ДЕРЕВЯННЫМИ	122
Базар-вокзал	122
Биробиджанская ВДНХ	127
Первозданный парк	128
Третий мост в России	134
Артель «Фанерный завод»	137
ВСЕБИРСКИЙ ПОТОП	140
БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ	147
КУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ	153
К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ	159
ШКОЛА ПЕРВАЯ, ШКОЛА ВЕРНАЯ	164
СОВЕТСКАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ	167
НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ	173
ГАЗЕТА «БИРОБИДЖАНЕР ШТЕРН»	177
КРИК ДУШИ	184
ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО	191
КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС	199
ХУДЗИНОВКА - ВАЛДГЕЙМ - ДОМ В ЛЕСУ	205
ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ, ЧЕЛОВЕК ЖИВ	215
АГЕНТСТВО «ИНТУРИСТ»	224
НАШ КИТАЙСКИЙ БРАТ И ТОВАРИЩ	241
ЯПОНСКАЯ ФУГУ И ВИЗЫ ЖИЗНИ	246
ИСТОРИЯ БИРОБИДЖАНСКОЙ ОБЩИНЫ	253
РОВЕСНИК ГОРОДА	294
ИСХОД	301
СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ СТОИТ ДЕНЕГ	310
БНЕЙ-БРАК	313
ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!	318
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	326
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	330

Иосиф Бренер

ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!

Редактор Л.Н. Капуцина
Компьютерная графика Д.А. Беккерман
Верстка М.Л. Гукайло

Подписано в печать 00.00.07. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 21,09. Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ 89

Отпечатано ООО Изд-во «Красноярский писатель»,
т. 23-48-60, e-mail: amalgama2007@mail.ru